

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СССР
В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ,
КОМИССИЯХ И НА СПЕЦИАЛЬНОЙ СЕССИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
(ЯНВАРЬ — СЕНТЯБРЬ)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
О ВСЕОБЩЕМ РЕГУЛИРОВАНИИ И СОКРАЩЕНИИ
ВООРУЖЕНИЙ

(9 января)

Совет безопасности начал рассматривать вопрос о разоружении, официально приняв резолюцию Генеральной ассамблеи о принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений, и приступив к обсуждению предложения Советского Союза и США об осуществлении резолюции.

Открывая прения, Громыко потребовал, чтобы Совет безопасности принял предложение Советского Союза о немедленном создании комиссии для сформулирования практических мер по общему регулированию и сокращению вооружений, которая должна представить доклад в течение трёх месяцев.

— Как я уже указывал в своём заявлении на заседании Совета безопасности 31 декабря 1946 года, — сказал Громыко, — советское правительство, внося свои предложения от 27 декабря, имело в виду ускорить подготовку Советом практических мероприятий, обеспечивающих выполнение резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря о всеобщем регулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил. Необходимость разработки таких практических мероприятий является очевидной. Принятие Генеральной ассамблеей упомянутой выше резолюции является событием большого исторического значения. Однако задача сейчас состоит в том, чтобы решения Генеральной ассамблеи начать претворять в жизнь немедленно, без дальнейшего откладывания и проволочек. Именно с этой целью, с целью ускорения разработки практических мероприятий по проведению в жизнь решения Генеральной ассамблеи, советское правительство и внесло в Совет безопасности предложение о создании Советом безопасности комиссии, которая немедленно занялась бы разработкой таких мероприятий и по крайней мере не позже чем в трёхмесячный срок представила бы на рассмотрение Совета свои предложения.

На заседании Совета безопасности 31 декабря представители некоторых государств выразили пожелание, чтобы советские предложе-

ния были обсуждены на следующем заседании. Я не возражал против этого, имея в виду, что на очередном заседании Совета последний займётся обсуждением существа этих предложений. Сегодня мы обсуждаем существо этих предложений. Как выяснилось уже на предыдущем заседании Совета, представитель Соединённых Штатов занял недостаточно определённую и недостаточно ясную позицию в отношении советских предложений. Он внёс на рассмотрение Совета безопасности проект резолюции, согласно которой Совет должен в настоящее время рассматривать лишь один вопрос, предусмотренный резолюцией Генеральной ассамблеи от 14 декабря, — вопрос о контроле над атомной энергией. Рассмотрение же других вопросов, как это вытекает из американского проекта, должно быть отложено на более поздний период времени. В проекте прямо указывается на то, что Совет безопасности должен предпринимать дальнейшие практические мероприятия для реализации резолюции Генеральной ассамблеи после того, как он рассмотрит и примет решение по докладу комиссии по атомной энергии.

Из американского проекта резолюции, как и из заявления, сделанного на предыдущем заседании Совета американским представителем, попрежнему неясно, поддерживают ли Соединённые Штаты предложения, внесённые советским правительством, или нет. Однако как из текста американского проекта, так и из заявления представителя Соединённых Штатов видно, что предлагаемый этим проектом порядок рассмотрения в Совете безопасности отдельных проблем, поставленных в резолюции Генеральной ассамблеи, не находится в соответствии с этой резолюцией. Более того, он находится в противоречии с этой резолюцией. Решение Генеральной ассамблеи не даёт приоритета в рассмотрении какого-либо из затронутых в ней вопросов. Оно указывает на необходимость для Совета безопасности незамедлительно приступить к разработке мероприятий по обоим вопросам — по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил и по контролю над атомной энергией, в целях обеспечения «практических и эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и общим регулированием и сокращением вооружений».

Резолюция Ассамблеи не только не предусматривает откладывание рассмотрения тех или иных поставленных в ней вопросов и откладывание принятия Советом соответствующих мер в целях обеспечения эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и общим регулированием и сокращением вооружений и вооружённых сил, но, напротив, указывает на необходимость срочного и «незамедлительного» рассмотрения всех этих вопросов. Она обязывает нас к тому, чтобы мы рассматривали одновременно как вопрос о контроле над атомной энергией, так и вопрос о регулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил для обеспечения, как это указывается в резолюции Генеральной ассамблеи, скорейшего проведения мероприятий по регулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил, по запрещению использования атомной энергии для военных целей и изъятию из национальных вооружений атомного и всех других главных видов оружия, применимых для массового уничтожения.

В самом деле, к чему ведёт американское предложение? При внимательном ознакомлении с ним нетрудно понять, что оно ведёт к затягиванию разработки практических мер по осуществлению всеобщего регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил, так как искусственно ставит решение этой задачи в зависимость от хода и результатов рассмотрения Советом безопасности доклада атомной комиссии. Следует отдать должное откровенности авторов этого предложения, логика которого весьма проста — или вы соглашаетесь с американскими предложениями по контролю над атомной энергией, и тогда мы согласимся с предложениями о разработке практических мер по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил, или, если почему-либо с американскими предложениями по контролю над атомной энергией не всё идёт гладко, мы отказываемся заниматься вообще разработкой мер по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил. Именно такой вывод следует из проекта резолюции, внесённой представителем Соединённых Штатов. Именно таков смысл этой резолюции.

Попытки поставить разработку конкретных практических мероприятий по претворению в жизнь решения Ассамблеи по одному вопросу в зависимость от хода и результатов рассмотрения другого вопроса в ущерб выполнению вообще решения Ассамблеи о «принципах, определяющих всеобщее регулирование и сокращение вооружений», нельзя оправдать никакими ссылками на необходимость дать приоритет какому-либо одному вопросу. Задача Совета безопасности в действительности состоит в том, чтобы безотлагательно приступить к разработке практических мероприятий по всем вопросам, по которым Генеральная ассамблея приняла решение.

Таким образом, проект резолюции, внесённый представителем Соединённых Штатов, не соответствует резолюции Генеральной ассамблеи, в силу чего я не могу согласиться с американским предложением.

При обсуждении вопросов, вытекающих из решения Генеральной ассамблеи, мы должны руководствоваться общими интересами Объединённых наций в деле укрепления мира и международной безопасности. Мы должны исходить из необходимости более быстрого претворения в жизнь решения Ассамблеи. Отсрочка рассмотрения конкретных вопросов по обеспечению всеобщего регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил под разного рода благовидными предлогами не может способствовать успешному началу проведения в жизнь этого важного решения, могущего сыграть историческую роль в построении прочного мира и в установлении дружественных отношений между государствами.

Я хочу выразить надежду, что Совет безопасности примет предложения, внесённые на его рассмотрение правительством СССР 27 декабря 1946 года, и приступит безотлагательно к разработке мер, обеспечивающих проведение в жизнь указанного выше решения Генеральной ассамблеи.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
О ВСЕОБЩЕМ РЕГУЛИРОВАНИИ И СОКРАЩЕНИИ
ВООРУЖЕНИЙ

(15 января)

Я хочу прежде всего выразить удовлетворение по поводу того факта, что большинство выступавших членов Совета безопасности отнеслось благоприятно к советским предложениям, внесённым мною на рассмотрение Совета безопасности 27 декабря 1946 года. Все выступавшие в ходе дискуссии, за исключением представителя США, поддержали как советское предложение о необходимости приступить безотлагательно к разработке практических мероприятий по выполнению резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о всеобщем регулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил, так и предложение о создании комиссии, которая должна подготовить и представить Совету безопасности свои предложения относительно практических мероприятий, необходимых для выполнения упомянутой выше резолюции Ассамблеи.

Некоторые представители в Совете безопасности в ходе обсуждения советских предложений затрагивали дополнительно некоторые вопросы. В частности, они указывали на необходимость скорейшего рассмотрения Советом безопасности доклада атомной комиссии, имея в виду ускорение рассмотрения вопросов, относящихся к установлению контроля над атомной энергией. Затрагивались и некоторые другие вопросы, например, вопрос о роли Военно-штабного комитета и о взаимоотношениях между Военно-штабным комитетом и предлагаемой комиссией в процессе подготовки последней соответствующих предложений в связи с резолюцией Генеральной ассамблеи.

Представитель Великобритании господин Кадоган просил меня разъяснить некоторые не совсем для него ясные вопросы, возникающие у него в связи с рассмотрением советского предложения. Он просил ответить на вопросы, какова должна быть программа комиссии, а также кто должен входить в состав комиссии — политические или военные представители. Я считаю необходимым поэтому сделать ряд дополнительных замечаний в связи с развернувшейся дискуссией. Прежде всего я хочу ответить на вопросы господина Кадогана.

О ПРОГРАММЕ РАБОТЫ КОМИССИИ

Программой работы комиссии является решение Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Комиссия должна подготовить для Совета безопасности предложения, которые позволили бы ускорить проведение в жизнь решения Ассамблеи. Комиссия должна решить, каков должен быть объём конкретных вопросов, подлежащих рассмотрению комиссией в связи с выполнением ею этой задачи по подготовке соответствующих предложений.

Образование для этой цели специальной комиссии является одним из первоочерёдных мероприятий, которые Совет безопасности должен провести для того, чтобы начать выполнение резолюции Генеральной ассамблеи.

О СОСТАВЕ КОМИССИИ

Дело каждого правительства, назначит ли оно гражданского представителя или военного. Задачи, вытекающие из резолюции Ассамблеи на данной стадии, это прежде всего, задачи политические. Это не значит, что при подготовке комиссией предложений о практических мероприятиях не могут возникнуть вопросы, для рассмотрения которых может потребоваться привлечение людей, имеющих специальные знания. Каждый представитель в комиссии может, однако, иметь военных консультантов, которые будут оказывать помощь по таким вопросам. Кроме того, имеется специальный орган — Военно-штабной комитет, с которым можно консультироваться в случае возникновения каких-либо специальных вопросов.

Что касается вопроса о сроке, в течение которого комиссия должна подготовить соответствующие предложения Совету безопасности, то советское правительство считает, что следовало бы обязать её подготовить предложения не позже чем в трёхмесячный срок. Поставленные резолюцией Генеральной ассамблеи задачи являются столь же серьёзными, сколь и срочными. Обязанностью и моральным долгом Совета безопасности является ускорение разработки практических мер, обеспечивающих выполнение этого решения Генеральной ассамблеи, которое может сыграть большую роль для дела укрепления мира. Задачи, стоящие перед Советом безопасности в связи с обсуждаемым нами вопросом, определяются значением самой проблемы всеобщего регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил и установления международного контроля над атомной энергией, обеспечивающего её использование только в мирных целях.

В своём заявлении от 9 января этого года я уже указывал на то, что предложения, внесённые на рассмотрение Совета безопасности представителем США, не соответствуют резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, так как эти предложения искусственно ставят разработку Советом безопасности конкретных мероприятий по осуществлению этого решения Генеральной ассамблеи в зависимость от исхода рассмотрения в Совете доклада атомной комиссии. Такая ничем не оправдываемая постановка вопроса расхожится с духом и буквой решения Генеральной ассамблеи. Всякие решения, которые исходили бы из такой постановки этого вопроса, способны нанести лишь вред для дела выполнения поставленных в решении Ассамблеи задач по урегулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил, запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения и обеспечению использования атомной энергии только для блага человечества.

Никто не возражал в ходе обсуждения данного вопроса против выполнения резолюции Генеральной ассамблеи, в том числе не возражал и представитель США. Однако как только ставится вопрос о необходимости принятия конкретных мер для выполнения этой

резолуции, то тут начинаются расхождения. В результате мы являемся свидетелями такого положения, что в то время, как предложения одних государств направлены на ускорение проведения в жизнь решения Генеральной ассамблеи, предложения других государств, напротив, ведут к затяжке выполнения этого решения. Они ведут к затяжке, которая способна принести серьёзный вред для всего дела регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил и установления контроля над атомной энергией.

Резолюция Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года обязывает нас к срочному рассмотрению обоих вопросов — как вопроса о всеобщем регулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил, так и вопроса о запрещении атомного оружия и установлении международного контроля над атомной энергией. Пункт 5 резолюции Ассамблеи гласит:

«Генеральная Ассамблея далее признаёт существенным для общего регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил обеспечение практических и эффективных гарантий путём инспектирования и других средств в целях защиты выполняющих условия государств от возможных нарушений и уклонений. В соответствии с этим Генеральная Ассамблея рекомендует Совету безопасности незамедлительно приступить к выработке предложений в целях обеспечения такого рода практических и эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и общим регулированием и сокращением вооружений».

Я не буду повторять сказанного в моём заявлении от 9 января 1947 года по поводу американского проекта резолюции. Последующие заявления представителя США подтвердили справедливость моей оценки существа американского предложения.

Иногда говорят, особенно это можно слышать от представителей США, что внесённое на рассмотрение Совета американское предложение якобы имеет целью не допустить откладывания рассмотрения доклада атомной комиссии. Так как никто не предлагает откладывать обсуждение этого доклада, то дело, вероятно, не в этом. Если бы дело было только в этом, то тогда мы могли бы сказать нашим американским коллегам, что они ломятся в открытую дверь, ибо мы здесь, в Совете, не слышали никаких возражений против обсуждения доклада атомной комиссии в Совете безопасности, когда мы подойдём к этому вопросу повестки дня. Когда этот доклад будет обсуждаться, советское правительство, разумеется, вновь изложит свою позицию по вопросу о контроле над атомной энергией и, в частности, по вопросу о заключении конвенции по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения. Последнее мероприятие является неотложной задачей в связи с установлением контроля над атомной энергией с целью недопущения использования её в военных целях.

Таким образом получается, что в действительности разговоры о том, будто бы необходимость в принятии Советом безопасности решения в духе американских предложений диктуется необходимостью не допустить отсрочки рассмотрения доклада атомной комиссии, не имеют под собой никакой почвы и, повидимому, предназначены для того, чтобы запутать положение.

Как известно, на Генеральной ассамблее в основу принятой резолюции были положены советские и американские предложения, к которым были сделаны некоторые дополнения, внесённые другими делегациями. Было бы чрезвычайно печально, если бы в Совете безопасности при обсуждении вопроса о том, какими путями можно более быстро начать проводить в жизнь решение Генеральной ассамблеи, между Советским Союзом и США имели бы место расхождения. Было бы чрезвычайно печально, если бы та или иная страна, согласившись с резолюцией на Генеральной ассамблее, заняла бы линию на затягивание проведения практических мероприятий, направленных на выполнение этого решения. Мы все должны приложить усилия, чтобы избежать такого положения и постараться прийти к единодушному решению по обсуждаемому вопросу.

Я не считаю необходимым останавливаться на вопросах, затронутых в выступлениях американского представителя, которые не имеют прямого отношения к обсуждаемому вопросу. В частности, я думаю, что дискуссия на тему о «лидерстве» тех или иных стран в прошлом в вопросах разоружения завела бы нас слишком далеко. Мнения на этот счёт могут не совпадать.

Советское правительство и советский народ имеют основание выразить удовлетворение по поводу того факта, что вопрос, поставленный советской делегацией на Генеральной ассамблее, получил на Ассамблее удовлетворительное разрешение. В результате тщательного обсуждения этого вопроса Генеральной ассамблеей было принято решение, которое может сыграть крупную историческую роль в борьбе миролюбивых народов за прочный мир и безопасность. Советский народ, как и в прошлом, будет отстаивать дело мира. Этому учит советских людей Генералиссимус Сталин. Советское правительство и советский народ будут делать всё возможное для того, чтобы обеспечить проведение не на словах, а на деле упомянутого решения Генеральной ассамблеи, будучи глубоко уверены в том, что это соответствует интересам всех миролюбивых народов.

«Известия» № 15 (9237) от 17 января 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ДОКЛАДА КОМИССИИ ПО КОНТРОЛЮ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

(14 февраля)

Выступая в Совете безопасности в прениях по докладу комиссии по контролю над атомной энергией, делегат СССР Громыко заявил, что «комиссия пока оказалась не в состоянии прийти к согласованному решению по рекомендациям относительно контроля над атомной энергией и представить согласованные предложения на утверждение Совета безопасности. Объясняется это тем, что выводы и рекомендации, содержащиеся в этом докладе, не находятся в соответствии

с решением Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о принципах, определяющих всеобщее регулирование и сокращение вооружений и вооружённых сил, а в некоторых отношениях и с уставом Объединённых наций».

Громыко отметил, что предложения, внесённые на рассмотрение комиссии представителем США и затем включённые в представленный совету доклад, в важнейших своих частях не соответствуют ни резолюции Генеральной ассамблеи, ни уставу Объединённых наций.

«Предложения эти прежде всего страдают односторонностью. Они исходят из стремления закрепить за одной страной монопольное положение в области производства атомной энергии. Хотя подобная цель является иллюзией, так как монопольное положение в этой области какой-либо страны не может долго продолжаться (как будто на этом все сходится), тем не менее подобный план упорно отстаивается. Кроме того, предложения Соединённых Штатов не предусматривают такого важнейшего мероприятия, как безотлагательное заключение международной конвенции, запрещающей атомное оружие. Они не предусматривают принятия немедленных мер по запрещению атомного оружия и, следовательно, по запрещению применения атомной энергии в военных целях, чего требует от нас резолюция Генеральной ассамблеи от 14 декабря прошлого года. Решение этой задачи откладывается на неопределённый период времени, так как оно обуславливается предварительной разработкой и установлением широкой системы международного контроля над атомной энергией в соответствии с предложениями, внесёнными представителями Соединённых Штатов.

Советское правительство, как известно, внесло на рассмотрение атомной комиссии ещё 19 июня 1946 года предложение о заключении международной конвенции, запрещающей производство и применение атомного оружия, и представило проект такой конвенции. В ходе работы атомной комиссии и её комитетов никто по существу не возражал против необходимости проведения такого мероприятия, как запрещение атомного оружия. Однако, соглашаясь на словах с предложением о необходимости заключения такой конвенции, представители некоторых стран, и прежде всего представитель Соединённых Штатов, указывали, что заключение такой конвенции для них является неприемлемым до тех пор, пока не будут приняты полностью американские предложения и пока не будет разработана в соответствии с этими предложениями всеобъемлющая система мер по контролю над атомной энергией, предусматривающая соответствующие гарантии. В результате предложение о заключении конвенции по запрещению атомного оружия, как и всех других видов оружия массового уничтожения, всё ещё не принято. Потеряно 8 месяцев. Между тем заключение такой конвенции могло бы облегчить обсуждение и других вопросов, относящихся к контролю над атомной энергией. Всё это явилось следствием того, что запрещение атомного оружия ставилось в зависимость от принятия американских предложений, которые, как я уже указал выше, страдают серьёзными недостатками и не могут в их настоящем виде являться основой для соглашения.

В решении Генеральной ассамблеи от 14 декабря признаётся в качестве неотложной цели запрещение и изъятие из национальных вооружений атомного и других видов оружия, пригодного для массового уничтожения. В пункте 4 резолюции Генеральной ассамблеи указывается на то, чтобы Совет безопасности ускорил рассмотрение проекта конвенции или конвенций по созданию международной системы контроля и инспекции, причём эти конвенции будут включать запрещение атомного и всех других основных видов оружия, применимых в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, и контроль над атомной энергией в объёме, необходимом для обеспечения её использования только в мирных целях.

В свете решения Генеральной ассамблеи заключение конвенции, запрещающей атомное оружие, стало ещё более неотложной задачей. Именно поэтому представитель Советского Союза в атомной комиссии в своём заявлении от 30 декабря 1946 года вновь поставил вопрос о необходимости безотлагательного решения вопроса о запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения и о безотлагательном заключении с этой целью соответствующей конвенции».

Громыко заявил далее, что характер атомного оружия таков, что оно не может рассматриваться в качестве оружия обороны, а является оружием нападения. Самый характер атомного оружия, как оружия агрессии, предназначенного для нападения главным образом на крупные города, в которых проживают сотни тысяч и миллионы гражданского населения, ещё более подчёркивает необходимость запрещения этого оружия, равно как и других видов оружия массового уничтожения.

Напомнив, что общественное мнение цивилизованного мира уже давно осудило применение на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов, всяких аналогичных жидкостей и веществ, а также бактериологических средств и что в результате были заключены соответствующие соглашения, запрещающие их применение, Громыко сказал: «Если оказалось возможным для народов цивилизованных стран мира договориться о заключении соответствующего соглашения, запрещающего применение в войне упомянутых выше удушливых и ядовитых газов и аналогичных жидкостей и веществ, равно как и бактериологических средств, то тем более не должно быть препятствий к безотлагательному заключению конвенции, запрещающей атомное оружие.

Заключение такой конвенции отвечало бы стремлениям и совести народов всего мира, ибо применение атомного оружия несовместимо с вековыми представлениями цивилизованного человечества, согласно которым правила ведения войны не должны допускать истребления мирного населения. Запрещение атомного оружия соответствовало бы чаяниям всех миролюбивых народов, жаждущих построить прочный мир и навсегда устранить угрозу войны. Безотлагательное заключение такой конвенции укрепило бы ещё больше веру народов в организацию Объединённых наций и представляло бы собой серьёзный шаг в укреплении взаимного доверия между государствами, способствовало бы развитию дружественных отношений между ними.

Заключение конвенции по запрещению атомного оружия явилось

бы одним из важнейших первоочерёдных мероприятий по предотвращению использования атомной энергии в военных целях и по обеспечению использования её только для блага человечества. Будучи проведённым, это мероприятие, в свою очередь, облегчило бы разработку дальнейших мероприятий по контролю над атомной энергией и разработку системы других мер в этой области, предусмотренных резолюцией Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года».

Указав, что заключение конвенции, запрещающей атомное оружие, не должно приостановить разработку полной системы мер по контролю над атомной энергией, разработку вопросов инспекции и других вопросов в связи с решением поставленных Генеральной ассамблеей задач в этой области, Громыко сказал: «Было бы неправильно откладывать решение вопроса о заключении конвенции по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения до тех пор, пока не будет разработана во всех деталях система мер по контролю. Ставить так вопрос — это значит затягивать выполнение резолюции Генеральной ассамблеи, предусматривающей безотлагательное решение вопроса о запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения.

Я выше указывал уже на то, — сказал Громыко, — что в настоящее время атомная энергия всё ещё используется для производства атомного оружия. Уже само по себе такое положение является несовместимым с задачами, поставленными в резолюции Ассамблеи. Оно несовместимо с духом решения Ассамблеи, предусматривающим в числе подлежащих проведению мер скорейшее запрещение атомного оружия. Между тем находятся люди, которые не видят ничего необычного в том, что одновременно с обсуждением мероприятий по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил и по запрещению атомного оружия имеет место беспрепятственное производство этого оружия. Более того, нам пытаются иногда доказывать, что продолжение производства такого оружия вовсе не является показателем немирлобивых намерений, чуть ли даже не представляет собой как раз то, чего требует от государств — членов Объединённых наций решение Генеральной ассамблеи.

Правда, есть и такие люди, которые прямо указывают, что их мало интересует вопрос о том, соответствует ли смыслу и букве решения организации Объединённых наций продолжение производства атомного оружия или нет, тем не менее производство этого оружия необходимо продолжать до тех пор, пока не будут приняты полностью американские предложения по контролю над атомной энергией. Иначе говоря, продолжение производства атомного оружия используется в качестве своего рода рычага политического давления на некоторые другие государства. По адресу таких людей можно сказать, что подобные попытки не могут принести желательных для них результатов. В то же время они способны нанести серьёзный ущерб всему делу выполнения решения Генеральной ассамблеи и прежде всего делу установления контроля над атомной энергией».

Далее Громыко заявил:

«Положенные в основу представленного доклада предложения Соединённых Штатов имеют ряд и других серьёзных недостатков.

При обсуждении проекта доклада атомной комиссии я уже указывал в своём заявлении на заседании комиссии 30 декабря 1946 года на то, что, согласно предложениям представителя Соединённых Штатов в комиссии, международный контроль над атомной энергией учреждается «в рамках организации Объединённых наций», в то время как решение Генеральной ассамблеи конкретно указывает на то, что международная система контроля над атомной энергией предусмотрена «в рамках Совета безопасности».

Тот факт, что, несмотря на несоответствие между американским предложением по этому вопросу и решением Генеральной ассамблеи, представители Соединённых Штатов настаивают на своём предложении, является, повидимому, не случайным. Это значит, что кое у кого имеются определённые планы, не соответствующие решению, принятому Генеральной ассамблеей.

Обращаю внимание Совета безопасности на то, что при рассмотрении этого вопроса на Генеральной ассамблее ни одна из делегаций не возражала против соответствующего пункта резолюции, в том числе и делегация Соединённых Штатов. Все согласились тогда, что эффективная международная система мер по контролю над атомной энергией возможна в рамках того органа Объединённых наций, на который возложена главная задача по обеспечению мира и международной безопасности. Таким органом является Совет безопасности, наделённый соответствующими полномочиями и действующий от имени всех государств — членов организации Объединённых наций.

В американских предложениях, включённых в доклад атомной комиссии, имеются и другие пункты, которые не находятся в соответствии с решением Генеральной ассамблеи. На них я остановлюсь в процессе детального обсуждения содержащихся в докладе заключений и рекомендаций по пунктам.

В докладе атомной комиссии содержатся, как я уже указывал выше, и такие рекомендации, которые не только не находятся в соответствии с решением Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, но противоречат основным принципам организации Объединённых наций. С одной стороны, этими рекомендациями предусматривается учреждение «международного органа» с широкими правами и полномочиями вплоть до предоставления ему права владеть и управлять предприятиями, имеющими отношение к производству атомной энергии, хотя реальных возможностей для осуществления таких полномочий этому органу не предоставляется. С другой стороны, этими рекомендациями колеблется основа эффективной деятельности Совета безопасности, в рамках которого должна быть создана международная система контроля над атомной энергией, поскольку ими предусматривается, что принцип единогласия 5 великих держав в Совете безопасности не должен применяться при решении вопроса о санкциях в случаях установления несоблюдения системы контроля.

Предлагаемую в докладе рекомендацию по этому вопросу невозможно совместить со статьёй 27 устава Объединённых наций, в которой сформулирован принцип единогласия 5 держав, являющихся постоянными членами Совета безопасности. Эта статья устава, как известно, предусматривает, что Совет безопасности принимает решения

по непроцедурным вопросам, а следовательно, и по вопросу о санкциях, как и другие важные решения, при условии единогласия 5 держав — постоянных членов Совета безопасности. То, что предлагается нам рекомендациями, содержащимися в докладе атомной комиссии, в действительности представляет собой отступление от принципа единогласия 5 держав в Совете безопасности и ведёт к расшатыванию основ не только эффективной деятельности организации Объединённых наций, особенно Совета безопасности, но и основ самого существования этой организации как инструмента в борьбе за мир и международную безопасность, ввиду чего они, эти рекомендации, не могут быть основой соглашения и должны быть отвергнуты».

Подчеркнув, что подобные предложения сеют зёрна подозрений в отношении великих держав и между ними, Громко продолжал:

«Позволительно спросить, как можно совместить заявления о готовности и тем более о желании установить международный контроль над атомной энергией с целью не допустить применения атомной энергии в военных целях с требованием отступления от принципа единогласия великих держав в Совете безопасности. Такой вопрос является уместным, особенно учитывая то обстоятельство, что требование об отступлении от указанного выше принципа единогласия сопровождается возражениями против предложения о безотлагательном заключении конвенции по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения. Противоречие между разговорами о желании установить международный контроль над атомной энергией и действительным смыслом некоторых предложений является очевидным. Его трудно и невозможно скрыть.

Нам говорят, что отступление от принципа единогласия в Совете безопасности при решении Советом безопасности вопросов о санкциях в случаях обнаружения нарушений установленного контроля необходимо для того, чтобы наказать виновников таких нарушений. Тезис о необходимости наказания виновных за нарушения контроля является безусловно правильным. Разве на этот счёт есть расхождения мнений? Я не слышал о том, чтобы кто-либо возражал против предложений и требований о наказании нарушителей системы контроля. Дело, следовательно, не в том, что предложения Соединённых Штатов предусматривают наказание нарушителей, а другие предложения такой меры якобы не предусматривают. Вопрос состоит в том, должны ли решения, выносимые Советом безопасности о санкциях против нарушителей контроля, приниматься на основе устава Объединённых наций или в нарушение этого устава. Вопрос состоит в том, должны ли такие решения приниматься на основе принципов, положенных в основу деятельности и существования Объединённых наций, или в нарушение этих принципов.

Утверждения о том, будто бы принцип единогласия, как таковой, может явиться помехой на пути принятия Советом мер против нарушителей контроля, лишены всякого основания. Они рассчитаны, очевидно, на то, что есть ещё наивные люди, способные поверить в подобного рода более чем странную аргументацию.

Интересы поддержания мира требуют того, чтобы против нарушителей конвенции по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения, против нарушителей установленной системы

контроля предпринимались бы необходимые эффективные меры в интересах мира.

Нарушители не должны оставаться безнаказанными. Совет безопасности должен, и имеет для этого возможность, предпринимать эффективные меры против нарушителей соответствующей конвенции вплоть до применения санкций. Он должен предпринимать такие меры в соответствии с уставом, который устанавливает также порядок и условия, при которых должны приниматься соответствующие решения о проведении мероприятий для устранения угрозы миру или для восстановления мира в случае его нарушения.

Такой единственно правильный и законный порядок отнюдь не исключает того, что орган, на который, согласно конвенции, будет возложено практическое проведение мероприятий по контролю, включая инспекцию, будет выполнять порученные ему функции по контролю и инспекции, действуя на основе своих собственных правил, предусматривающих принятие в соответствующих случаях решений большинством голосов. Позиция Советского Союза по этому вопросу была разъяснена во время последней сессии Генеральной ассамблеи главой советской делегации министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым».

В заключение Громыко заявил, что, несмотря на серьёзные недостатки доклада и содержащихся в нём заключений и рекомендаций, он готов рассматривать этот доклад пункт за пунктом и вносить в него соответствующие поправки и контрпредложения.

(ТАСС)

«Известия» № 40 (9262) от 16 февраля 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ КОНФЛИКТА МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И АЛБАНИЕЙ (23 февраля)

Громыко заявил, что он обращал уже внимание Совета безопасности на то, что правительство Великобритании отвергло предложение правительства Албании о создании смешанной комиссии для урегулирования вопроса о тралении мин в проливе Корфу. Подобное же отношение проявило британское правительство к предложению правительства Албании, сделанному в ответ на ноту правительства Великобритании от 9 декабря 1946 года, в котором албанское правительство заявляло о своей готовности сотрудничать в вопросах международного морского судоходства.

«Это показывает,— заявил Громыко,— что британское правительство не пошло по пути урегулирования этого вопроса путём двусторонних переговоров с правительством Албании и путём предоставления последней возможности сотрудничать в вопросах морского судоходства, хотя именно такой порядок являлся бы наиболее подходя-

щим для урегулирования спора, возникшего между Великобританией и Албанией. Правительство Великобритании, таким образом, действовало, не считаясь со статьёй 33 устава Объединённых наций, требующей от сторон, чтобы они старались разрешить свои споры прежде всего путём «переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору» (пункт 1).

Содержащаяся в письме британского правительства от 10 января ссылка на 35-ю статью устава Объединённых наций не является убедительным доказательством того, что данный вопрос подлежит рассмотрению Советом безопасности. Ознакомление с материалами и фактами, относящимися к вопросу, поднятому в английском обращении, указывает, что случай с подрывом английских эсминцев в проливе Корфу и поведение Албании в связи с этим случаем не представляют угрозы миру и безопасности, несмотря на то, что делаются попытки доказать обратное и поднять вокруг этого вопроса шум в организации Объединённых наций.

Советская делегация по указанным мотивам попрежнему не видит оснований для обсуждения данного вопроса в Совете безопасности».

Далее Громыко указал, что обвинение, выдвинутое правительством Великобритании в отношении Албании, ничем не подтверждается, так как Албания без всяких к тому законных оснований была лишена права и возможности отвечать за безопасность плавания и за траление в её территориальных водах в проливе Корфу. Средиземноморская коллегия по тралению без ведома и согласия Албании возложила ответственность за траление албанских вод этого пролива не на Албанию, а на Грецию.

«Казалось бы,— заявил Громыко,— что несправедливость такого решения является очевидной, тем не менее это решение было принято в ущерб законным правам и интересам Албании как суверенного государства. Оно было вынесено вопреки статье 12 положения о международной организации по тралению, предусматривающей, что каждая страна должна сама нести ответственность за траление своих прибрежных вод. Представители некоторых стран при рассмотрении этого вопроса в коллегии обращали внимание последней на необходимость действовать в соответствии с упомянутой выше статьёй 12 положения о международной организации по тралению и предусмотреть за Албанией её законные права и ответственность за траление прибрежных албанских вод в проливе Корфу. Представитель Югославии на совещании в коллегии неоднократно предлагал пригласить Албанию в средиземноморскую коллегию. Такие предложения вносились представителем Югославии 26 февраля, 9 апреля и 2 июля 1946 года. Однако эти предложения систематически отводились английским и греческим представителями под таким несостоятельным предлогом, как необходимость выяснить отношение Греции к приглашению. Таким образом, приглашение Албании в средиземноморскую коллегию по тралению ставилось этими представителями в коллегии в зависимость от отношения Греции к этому приглашению. Выходит, что Гре-

ция решала, следует ли допустить Албанию или нет. Не ясно ли, что это более чем странный порядок.

Не лучшая судьба постигла неоднократные предложения и советского представителя, настаивавшего 22 мая, 3 и 26 июля 1946 года на участии Албании в тралении мин в своих прибрежных водах. Представители Великобритании и Греции приложили немало усилий к тому, чтобы при обсуждении и этих предложений не допустить участия Албании в проведении мероприятий по тралению, хотя казалось бы для всех очевидным, что участие Албании в организованном проведении мероприятий по тралению может принести лишь пользу для всех заинтересованных в этом вопросе стран, в том числе Великобритании и Албании.

Представители некоторых государств в средиземноморской коллегии, ставившие участие Албании в тралении в зависимость от отношения Греции к приглашению Албании и возражавшие против допущения Албании в коллегию, пытались оправдать свою позицию также указанием на то, что против приглашения Албании имеются возражения со стороны союзного командующего в Средиземном море. Однако подобный довод является несостоятельным, так как к компетенции союзного командования относится лишь траление в территориальных водах капитулировавших стран. Компетенция союзного командования в Средиземном море ограничена территориальными водами этих стран и не распространяется на территориальные воды Албании.

Вывдвигались и некоторые другие, также лишённые всякого основания доводы против допущения Албании в указанную коллегию и против возложения на неё ответственности за траление в её территориальных водах в проливе Корфу. Указывалось, в частности, на неурегулированность инцидента с обстрелом английских крейсеров 15 мая 1946 года, а также на отсутствие у Албании своих тральщиков. Но спрашивается, почему мнение одной заинтересованной стороны о неурегулированности инцидента с обстрелом английских крейсеров должно являться достаточным основанием для недопущения Албании в средиземноморскую коллегию? Исно, что подобное утверждение одной заинтересованной стороны не может рассматриваться в качестве достаточного основания для того, чтобы не допускать Албанию к участию в средиземноморской коллегии по тралению.

Что касается последнего мотива — указания на отсутствие у Албании своих тральщиков, — то этот мотив является также необоснованным и неубедительным. Он является необоснованным хотя бы уже потому, что в средиземноморскую коллегию приглашён Египет, как известно, тоже не имеющий своих тральщиков. Это не помешало, однако, его пригласить в коллегию по тралению мин.

Таким образом, ознакомление с историей этого вопроса и с относящимися к нему фактами показывает, что Албания систематически игнорировалась при решении вопросов траления и при организации всего этого дела. В результате в албанских водах в проливе Корфу хозяйничали под предлогом траления иностранные военные корабли, неоднократно нарушавшие своими действиями суверенитет албанских вод и портов. В направленной Англии 21 декабря 1946 года

албанской ноте указывается, что до 21 декабря таких нарушений было свыше 10. Я спрашиваю, может ли Совет безопасности упустить из виду это обстоятельство? Совет безопасности не может не принимать этого во внимание, если он желает действительно справедливо подойти к рассмотрению вопроса, поставленного британским правительством, и тщательно и беспристрастно разобраться во всех относящихся к этому вопросу фактах.

Власти других стран относились более корректно в соответствующих случаях к странам, территориальные воды которых необходимо было очистить от мин.

Вот пример: 9 апреля 1946 года на совещании средиземноморской коллегии обсуждался вопрос о тралении мин в проливе северо-восточнее острова Самофракия в районе границы между Турцией и Грецией. Турецкие власти ранее изъявили желание вытралить эти заграждения, находящиеся в греческих водах. Операция, однако, была начата лишь после того, как греческий представитель сообщил, что греческие власти не возражают против проведения такой операции.

Вот другой аналогичный пример, относящийся уже к английским властям. Во время траления мин в Гибралтарском проливе в апреле 1946 года английским тральщиками понадобилось зайти на несколько сот метров в испанские территориальные воды. Британские суда сделали это лишь после соответствующего разрешения со стороны испанских властей Франко. Как видите, и английские власти проявили корректность, когда речь шла не об Албании. В отношении же Албанской народной республики не только отсутствовала какая-нибудь корректность, но имело место грубое и систематическое нарушение её суверенитета.

Общезвестно, что английские власти без предварительной консультации с Албанией неоднократно переносили в 1946 году фарватер в глубь албанских вод в проливе Корфу, продолжая игнорировать суверенитет Албании. При этом необходимо отметить тот важный факт, что фарватер, на котором подорвались английские эсминцы 28 ноября 1946 года, не совпадает с фарватером, протраленным в 1944—1945 годах, о котором упоминает английская нота от 9 декабря 1946 года. Поэтому содержащаяся в упомянутой выше английской ноте ссылка на траление в 1944—1945 годах неосновательна.

С британской стороны можно слышать утверждение о том, будто выловленные мины были поставлены недавно и что это будто бы сделано албанскими властями или с их ведома. Доказательств, однако, в подтверждение этого вывода нет. Подобное одностороннее утверждение не может явиться основанием для обвинений в отношении Албании. А ведь на этом утверждении основана английская жалоба на Албанию.

Господин Кадоган в своей речи, произнесённой 18 февраля на заседании Совета безопасности, не мог привести каких-либо фактов, подтверждающих, что в подрыве английских эсминцев повинна Албания. Но как может Совет безопасности согласиться с утверждениями, не подкреплёнными фактами? На каком основании можно притти к выводу, что именно Албания виновна в подрыве английских судов

на минах? Оставляя в стороне тот факт, что ввиду принятого средиземноморской коллегией по тралению мин порядка в албанских водах появлялись часто иностранные суда, случаи подрыва судов, как известно, были и в других местах, даже в таких, которые считались надёжно очищенными от мин. Вот пример: 26 июля 1946 года на протраленном англичанами фарватере в районе Дьеппа подорвалось французское судно «Компъен».

Другой пример: 26 августа 1945 года на протраленном фарватере в районе острова Вальхерен, за траление которого ответственна Бельгия, подорвалось на минах голландское судно «Кристиан Хигенс». Это были случаи подрыва крупных судов.

Можно ли считать, что есть основание обвинять соответственно Францию и Бельгию в «преступлении против человечества»? Очевидно, оснований для такого рода обвинений этих стран нет. Спрашивается, почему же подрыв на минах английских судов у берегов Албании должен являться основанием обвинить Албанию в «преступлении против человечества»?

Вот ещё некоторые данные о случаях подрыва судов. За период с 8 мая 1945 года по 31 августа 1946 года в европейских водах на минах подорвалось 196 судов разных стран. Из них подорвалось на протраленных фарватерах 30 судов. Между тем советской делегации неизвестно, чтобы какие-либо страны, проводившие траление соответствующих фарватеров, или страны, у берегов которых осуществлялось траление, обвинялись бы в «преступлении против человечества». Вероятно, такая мысль и в голову никому не приходила в отношении других стран. Между тем Англия не видит почему-то ничего странного в том, чтобы приписывать такое обвинение Албании.

Траление албанских вод было произведено английскими властями в одностороннем порядке в нарушение положения о международной организации по тралению мин, статья 7 «б» которого предусматривает, чтобы траление производилось по решению средиземноморской коллегии, чего в данном случае не было. Упомянутое выше положение было нарушено английскими властями.

Отсюда ясно, что ссылка, содержащаяся в английской ноте от 10 ноября 1946 года, на то, что траление албанских вод 13 ноября 1946 года будет производиться согласно «единодушному решению центральной коллегии», опровергается резолюцией этой коллегии от 14 ноября 1946 года, где сказано, что траление производилось «не по указанию коллегии и без её санкций». Представителю Великобритании лучше знать, чем объясняется тот факт, что траление производилось не по указанию коллегии и без её санкции. Я же считаю необходимым лишь указать на этот факт, так как он заслуживает внимания. Кроме того, на траление и на осмотр вытраленных мин албанский представитель не был приглашён, а в качестве представителя коллегии фигурировал французский офицер, хотя и член коллегии, но приглашённый английским командованием без ведома коллегии и не уполномоченный ею. Ввиду всего этого объявленные английскими властями результаты траления 13 ноября 1946 года не могут служить подтверждением выдвинутых Великобританией обвинений против Албании.

Таким образом, изучение фактического положения дела и всех фактов, относящихся к обсуждаемому нами вопросу, показывает, что претензии, выдвинутые правительством Великобритании в отношении Албании, являются по меньшей мере несправедливыми. Факты показывают, что Албания систематически игнорировалась при организации всего дела траления мин, что английские представители в средиземноморской коллегии по тралению сделали всё, чтобы ущемить законные интересы Албании при организации всего дела траления, создав тем самым положение, при котором в территориальных водах Албании, как я уже указывал выше, хозяйничали иностранные военные корабли, за действия которых Албания и албанское правительство не могут нести ответственность. Насколько греческие власти справляются с задачей траления, показывает такой трагический случай, как подрыв на минах и потопление 19 января сего года греческого пассажирского парохода «Химарра». Это произошло у берегов Греции. Если греческие власти не смогли обеспечить безопасность плавания у себя дома для собственных судов, как же можно Греции поручать дело обеспечения безопасности плавания судов за пределами своих вод.

Приведённые мною факты и, в частности, тот факт, что, несмотря на готовность Албании изучить возможности урегулирования вопроса о тралении в проливе Корфу путём создания смешанной комиссии, английское правительство отклонило предложение Албании, показывают, что обвинения британского правительства в отношении Албании являются необоснованными. Вопросы безопасности судоходства в проливе Корфу и ответственность за траление албанских вод в проливе надо решать непосредственными переговорами заинтересованных стран с участием международной организации по тралению. Метод же, к которому прибегло британское правительство, не может облегчить решение этого вопроса. Скорее наоборот, он осложняет и запутывает положение, что не в интересах ни организации Объединённых наций, ни непосредственно заинтересованных в этом стран.

В свете всего сказанного выше является очевидным, что содержащаяся в британском обращении ссылка на статью 35 устава не имеет никакого отношения к вопросу. Статья 35 тут не при чём, ибо нет условий, которые подпадали бы под определение этой статьи. Утверждения о том, что будто бы поведение Албании в связи с подрывом на минах английских эсминцев в проливе Корфу представляет или может представить угрозу миру, лишено всякого основания».

(ТАСС)

ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ — НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

РЕЧЬ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

(5 марта)

1. О КОНВЕНЦИИ ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Обсуждение в Совете безопасности доклада атомной комиссии принесло некоторую пользу в том отношении, что позиции отдельных государств как по вопросам, по которым нет расхождений, так и по вопросам, по которым пока не удалось договориться, стали ещё яснее. В то же время необходимо отметить, что заметного прогресса в направлении достижения соглашений по ряду важнейших вопросов контроля над атомной энергией ещё не сделано. Предложения, внесённые по этим вопросам советской делегацией, пока не были подвергнуты должному обсуждению. Указывая на это обстоятельство, я вовсе не имею в виду, что высказывать своё отношение к этим важным вопросам и предложениям необходимо даже тем, кому нечего сказать по существу этих вопросов и предложений.

Говоря о важных вопросах и предложениях, я имею в виду, прежде всего, вопрос о заключении конвенции по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения и советское предложение по этому вопросу. Генеральная ассамблея Объединённых наций своим решением от 14 декабря 1946 года поставила перед всеми государствами — членами организации серьёзные задачи в области контроля над атомной энергией и недопущения её использования в военных целях. На Совет безопасности этим решением возложена особая ответственность, так как в рамках именно этого органа Объединённых наций должна быть создана система международного контроля над атомной энергией, так как именно этот орган должен разработать и обеспечить проведение в жизнь мер, исключающих возможность использования атомной энергии в военных целях.

В числе поправок и дополнений, внесённых советской делегацией на заседании Совета безопасности 18 февраля с. г., содержится дополнение к рекомендации атомной комиссии, которое гласит:

«В целях скорейшего претворения в жизнь изложенных выше выводов и рекомендаций, а также решений Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о «принципах всеобщего регулирования и сокращения вооружений», Совет безопасности признаёт неотложным рассмотрение проектов конвенций по запрещению атомного оружия и других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения».

Казалось бы, что вопрос о запрещении атомного оружия и соответствующие предложения по этому вопросу должны привлечь к себе особое внимание, так как запрещению атомного оружия стало первоначальной и неотложной задачей, стоящей перед организацией Объединённых наций. Советская делегация в атомной комиссии обращала внимание на необходимость решения этих задач ещё в июне

1946 года, когда комиссия лишь приступала к своей работе. К сожалению, необходимо констатировать, что решение этой задачи всё ещё задерживается под разного рода предлогами, не имеющими ничего общего с действительными интересами и задачами организации Объединённых наций.

Нам продолжают указывать на то, что атомное оружие не может быть запрещено до тех пор, пока Советский Союз не примет американских предложений по вопросу о контроле над атомной энергией. Подобная постановка вопроса, в основе которой лежит желание продиктовать другим странам — членам организации Объединённых наций условия, которые пытается навязать одна страна для закрепления своего монопольного положения в области атомной энергии, не может соответствовать интересам быстрого и успешного решения задач по установлению контроля над атомной энергией. Нужно отдать должное откровенности авторов и защитников такого плана, которые не скрывают, что они отождествляют интересы Объединённых наций в этой области с интересами одной страны путём подчинения интересов других стран узко понятым национальным интересам этой одной страны.

Заявления американских представителей в атомной комиссии, а затем и в Совете безопасности и, в частности, заявления сенатора Остина, которого я очень уважаю, о готовности и желании установить международный контроль над атомной энергией в целях обеспечения её использования только для мирных целей и сами американские предложения уводят нас в сторону от решения наиболее важных и срочных задач в связи с разработкой вопросов контроля. Представители США решительно возражают против заключения конвенции по запрещению атомного оружия, хотя нетрудно понять, что безотлагательное заключение именно такой конвенции настоятельно диктуется всей обстановкой. Оно диктуется характером самого атомного оружия как оружия нападения. Оно диктуется тем, что в настоящее время атомная энергия всё ещё используется только в военных целях. Оно диктуется тем, что для заключения такой конвенции нет объективно существующих препятствий, особенно в свете уже имеющих исторических примеров с запрещением ядовитых и удушливых газов. Единственным препятствием к заключению такой конвенции является желание одной страны навязать свою волю в вопросах атомной энергии другим странам, не считаясь с их законными интересами.

Можно ли считать, что путь, намеченный американскими предложениями, приведёт нас к успешному решению задачи контроля над атомной энергией с целью обеспечения её использования только в мирных целях? Нет, этого сказать нельзя. Без заключения конвенции о запрещении атомного оружия нельзя серьёзно говорить о строгом международном контроле, за установление которого стоял и стоит Советский Союз. Без заключения такой конвенции трудно, а быть может, и невозможно будет решить задачу установления такого строгого контроля. Запрещение атомного оружия, как и всех других видов оружия массового уничтожения, должно представлять собой первый важный этап в выполнении упомянутого выше решения Ге-

неральной ассамблеи. Оно соответствовало бы коренным интересам всех миролюбивых народов.

Необходимость решить безотлагательно вопрос о запрещении атомного оружия, являющегося оружием агрессии и представляющего угрозу, прежде всего, для гражданского населения, диктуется также древними традициями человечества, говорящими нам о том, что ещё на ранних ступенях развития цивилизации уже формировались определённые моральные нормы, по которым считалось преступлением истреблять в войне мирное население. На протяжении столетий изречение, гласившее: «Кровь женщин, детей и стариков да не запятнает вашей победы», было популярно среди многих народов. Немало поучительных примеров можно найти в истории средних веков. Будем надеяться, что созданная в двадцатом веке наша организация Объединённых наций будет успешно соревноваться в этом отношении с моралью древних и средних веков. Я считаю необходимым ещё раз подчеркнуть значение вопроса о запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения и внесённых по этому вопросу предложений в надежде, что всё же мы в конце концов сможем договориться по этому вопросу и безотлагательно обсудить проекты соответствующей конвенции.

В своём заявлении от 14 февраля с. г. я уже обращал внимание Совета безопасности на то, что заключение конвенции по запрещению атомного оружия не должно означать, что разработка других вопросов, в том числе и вопроса об инспекции, не должна продолжаться. Однако рассмотрение всех вопросов, имеющих отношение к установлению контроля над атомной энергией, неизбежно потребует времени, ввиду чего откладывание заключения конвенции по запрещению атомного оружия не находит никакого оправдания.

Заключение такой конвенции, кроме того, что представляло бы конкретный практический шаг в направлении осуществления решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, оно создало бы также благоприятные условия для решения других вопросов, вытекающих из резолюции Генеральной ассамблеи, не говоря уже о том, что заключение такой конвенции способствовало бы укреплению взаимного доверия в среде государств — членов Объединённых наций и укреплению авторитета нашей организации.

2. О КОНТРОЛЕ И ИНСПЕКЦИИ

Советский представитель в атомной комиссии и в Совете безопасности неоднократно указывал на то, что при рассмотрении вопросов контроля над атомной энергией необходимо сконцентрировать внимание прежде всего на основных проблемах. Договорившись по основным вопросам, атомная комиссия и Совет безопасности, вероятно, не встретили бы больших затруднений при решении менее значительных и второстепенных вопросов. Я считаю необходимым ещё раз обратить внимание Совета безопасности на необходимость достижения договорённости, прежде всего, именно по основным проблемам, чем был бы расчищен путь для достижения соглашения по остальным вопросам. Я указал уже на одну из таких важных

задач — на необходимость безотлагательного заключения конвенции по запрещению атомного оружия. Есть и другие важные вопросы, по которым необходимо договориться в связи с рассмотрением всей проблемы установления контроля над атомной энергией. В этой связи я хочу указать на то, что нам необходимо иметь определённое и ясное представление о том, как понимать сам контроль и некоторые важные его аспекты. Нам необходимо договориться по этому вопросу, потому что до сих пор международный контроль авторы некоторых предложений понимают довольно своеобразно.

Советская делегация считает необходимым напомнить, что позиция Советского правительства в вопросе о международном контроле над атомной энергией была ясно высказана главой правительства СССР Генералиссимусом Сталиным. Отвечая на соответствующий вопрос президента американского агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли, Генералиссимус Сталин заявил 23 октября 1946 года о том, что «нужен строгий международный контроль». Таким образом, позиция Советского Союза и позиция советских представителей в Совете безопасности и в атомной комиссии является в этом вопросе предельно ясной. Советский Союз стоял и стоит за строгий эффективный международный контроль над атомной энергией.

На последней сессии Генеральной ассамблеи советская делегация в лице её главы, министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, а затем советский представитель в атомной комиссии и в Совете безопасности разъяснили также позицию СССР и в вопросах инспекции, без которой, разумеется, немислим строгий и эффективный реальный международный контроль. Эффективное инспектирование является необходимой составной частью системы международного контроля. Я счёл необходимым сделать это дополнительное разъяснение ввиду того, что позиция Советского Союза в этом вопросе часто преподносится в неправильном освещении, а иногда и прямо извращается. Можно иногда слышать заявления о том, что будто бы Советский Союз против сильного международного контроля и против эффективного инспектирования. Подобного рода заявления не имеют под собой никакого основания и рассчитаны, повидимому, на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно действительной позиции Советского Союза в этом важном вопросе.

Могут сказать, в чём же тогда разница между позицией Советского Союза и предложениями, внесёнными в своё время в атомную комиссию представителем США и положенными в основу рассматриваемого нами доклада атомной комиссии. На одно из важнейших различий я уже указал выше, говоря о необходимости безотлагательного заключения конвенции по запрещению, которое не предусматривается американскими предложениями. Однако различие есть и в других отношениях, и различие существенное.

Позиция Советского Союза в вопросах контроля над атомной энергией и инспектирования ясна. Над атомной энергией должны быть установлены строгий международный контроль и строгое инспектирование. В то же время этот строгий международный контроль и строгое инспектирование не должны переходить во вмеша-

тельство в те отрасли промышленности, которые не связаны с производством атомной энергии. Международный контроль над атомной энергией не должен касаться тех вопросов, которые не связаны с атомной энергией.

Логика говорит нам, что всякую мысль можно довести до абсурда. Это относится даже к хорошим мыслям и идеям. Превращение контроля над атомной энергией в безграничный контроль означало бы доведение до абсурда самой идеи контроля над атомной энергией с целью недопущения применения её в военных целях. Безграничность контроля означала бы безграничное вмешательство контроля и контрольного органа (или органов) в экономическую жизнь стран, на территории которых этот контроль будет осуществляться, и вмешательство в их внутренние дела. Не этого требует от нас выполнение поставленных Объединёнными нациями задач в области контроля над атомной энергией и запрещения атомного оружия. Не в этом состоит задача организации Объединённых наций в связи с установлением международного контроля над атомной энергией.

Такое понимание международного контроля, которое преподносится нам в предложениях США, положенных в основу соответствующих разделов дсклада атомной комиссии, может лишь затруднить всё дело организации контроля и инспекции, так как оно, как я уже указал, означало бы грубое вмешательство контрольного органа во внутренние дела государств, в их экономическую жизнь, что нельзя совместить с основными принципами организации Объединённых наций. Такое вмешательство во внутренние дела государств не требуется интересами эффективного контроля и не вытекает из требований, которые предъявляются контрольным органом для решения стоящих перед ним в этой области задач. Обращаю ваше внимание на то, что в несостоятельности предложений о предоставлении контрольным органам права вмешиваться во внутреннюю жизнь и внутренние дела государств отдаёт себе полный отчёт многие учёные-атомники. В этой связи заслуживает серьёзного внимания меморандум Совета ассоциации английских учёных-атомников, опубликованный 20 января с. г. В этом меморандуме ряд положений так называемого плана Баруха подвергся критике. В частности, английские учёные вскрыли несостоятельность предложения по вопросу об инспекции. Учёные совершенно правильно усматривают серьёзный недостаток американского предложения об инспекции в том, что оно предусматривает неограниченные права контрольного органа на инспектирование. Они высказывают пожелание, «чтобы право инспекции было, насколько это возможно, ограничено и не являлось средством проявления чрезмерного любопытства в отношении законной промышленности и других видов деятельности. Это вопрос, который может быть разрешён только путём широкого обсуждения. Можно представить себе процедуру, подобную той, которая предусматривается «ордером на обыск», дающим право вступления на территорию после того, как орган по контролю над атомной энергией удостоверит, что существуют достаточные основания для подозрения».

Как видите, учёные-атомники считают одним из серьёзных пороков американского плана содержащееся в нём предложение об

инспекции, предусматривающее чрезвычайно широкие права контрольных органов в области инспектирования.

Предложения США о контроле исходят из ошибочных предпосылок о том, что интересы других государств должны быть отодвинуты на задний план при осуществлении контрольным органом контрольных и инспекторских функций. Именно исходя из таких в корне порочных предпосылок, только и можно было прийти к выводу, содержащемуся в предложениях, внесенных представителем США в атомной комиссии, о необходимости передачи атомных предприятий в собственность международного органа, на который должна быть возложена ответственность за осуществление контроля. Подобного рода предложение показывает, что авторы так называемого плана Баруха полностью игнорируют национальные интересы других стран и исходят из необходимости подчинения интересов этих стран интересам фактически одной страны — США.

Легко понять, что предоставление таких прав контрольным органам означало бы полный произвол этих органов и прежде всего тех, кто в состоянии будет повести за собой большинство в этих органах. Предоставление таких прав контрольным органам давало бы лёгкую возможность вмешательства в деятельность предприятий на территории тех или иных стран без всяких оснований для такого вмешательства. Вот как представитель США ставил вопрос об обязанности контрольного органа в своём выступлении 14 июня 1946 года на заседании атомной комиссии:

«Международный контрольный орган должен выработать тщательный план контроля над областью применения атомной энергии путём установления различных форм собственности, владения, разрешений, эксплуатации, наблюдения, изыскания и управления через посредство компетентного персонала» (пункт 1. Общие положения).

Авторы этих предложений не собираются и отрицать, что их план предусматривает вмешательство контрольных органов в самые различные области жизни государства. В том же заявлении представителя США лишь для смягчения указывается, что после того, как международный орган по контролю решит перечисленные выше задачи в области собственности, владения, разрешения (лицензии) и проч., «...следует допускать возможно меньше вмешательства в экономические планы, частные, кооперативные и правительственные отношения, существующие в различных заинтересованных странах» (тот же пункт 1. Общие положения). Таким образом, предусматривается вмешательство контрольного органа во всю внутреннюю жизнь страны. Оговорка о том, что в будущем должно быть какое-то ограничение этого вмешательства, не меняет положения, ибо не в этом основное.

Задачи контрольного органа, которому поручается владение, выдача разрешений и ряд других функций, как бы отождествляются с задачами трестов и синдикатов, роль и влияние которых на международные отношения и экономику отдельных стран хорошо известны.

Не для создания международных трестов и синдикатов, которые владели бы предприятиями, расположенными на территории отдельных стран, была создана атомная комиссия. Не для этого было

вынесено решение Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о необходимости установления контроля над атомной энергией и запрещения атомного оружия. Пора понять, что к решению таких вопросов нельзя подходить, руководствуясь только интересами одной страны, а необходимо принимать во внимание законные интересы и других стран. Нельзя себе представить такого положения, при котором контрольный орган владел бы предприятиями в разных странах, решал бы вопросы о том, разрешать или не разрешать создание на территории тех или иных стран таких предприятий, и имел бы исключительное право на проведение научно-исследовательских работ в области производства и использования атомной энергии. Такого положения представить невозможно. Только люди, потерявшие чувство реального, могут серьёзно верить в возможность создания такого рода порядков.

Приведённое выше положение, содержащееся в предложениях Соединённых Штатов, повторяется в видоизменённой форме несколько раз. В том же заявлении представителя Соединённых Штатов указывается, что контрольный орган «должен контролировать и эксплоатировать все заводы, разрабатывающие поддающиеся расщеплению материалы в опасных количествах, и что ему должны принадлежать собственность и контроль над продукцией этих заводов» (пункт 3. Основные производственные установки).

В этом положении мысль о необходимости превращения контрольного органа в своеобразный международный трест доведена почти до своего логического конца. Оказывается, контрольный орган должен также контролировать и руководить работой всех заводов и обладать продукцией этих заводов. Остаётся только добавить к подобного рода предложению ещё указание на то, что международный контрольный орган должен делить прибыли от управляемых им предприятий в зависимости от количества акций, находящихся в руках той или иной страны. Тогда картина будет полной.

В упомянутом выше меморандуме английских учёных справедливо разоблачается неприемлемость идеи передачи предприятий во владение международного контрольного органа. Учёные указывают, что предоставление таких прав контрольному органу вызвало бы затруднения, ибо это означало бы, что именно только такой орган решал бы вопросы, может ли та или иная страна строить энергетические заводы или нет. Такой орган имел бы право также препятствовать использованию энергии, произведённой на таких заводах, и устанавливать условия снабжения такой энергией.

Касаясь содержащегося в американских предложениях положения об исключительном праве международного органа на проведение научно-исследовательской работы, учёные-атомники справедливо указывают, что «опасность состоит не в исследовании как таковом, но в применении результатов. Цель схемы контроля — обеспечить, чтобы результаты такого исследования никогда не применялись бы для разрушительных целей».

Идея предоставления международному контрольному органу права владеть предприятиями, права разрешать или не разрешать тем или иным странам строить предприятия, права владеть продук-

цией предприятий, исключительного права на научно-исследовательские работы и прочее, содержащаяся в предложениях Соединённых Штатов нашла своё отражение также и в докладе атомной комиссии, хотя и в несколько завуалированной форме. В частности, подобная идея получила своё отражение в пункте 4 главы 1, части 5-й доклада. В данном определении понятия «управления» сформулирован по существу принцип передачи предприятий по производству атомной энергии во владение контрольному органу, т. е. принцип, который в наиболее чёткой форме высказан в упомянутом выше заявлении представителя Соединённых Штатов в атомной комиссии. Этот пункт 4 гласит:

«Под «управлением» понимается непосредственное право и власть принимать ежедневные решения, относящиеся к самим операциям, так же как и консультативная ответственность за планирование. Под управленческим контролем понимается внутренний контроль завода директором или управляющим. Управление международным контрольным органом понимается так, что управление учреждается этим органом и является перед ним ответственным. Управление обычно является прерогативой права собственности, но не обязательно связано с этим правом».

Я обращаю внимание особенно на то, что комиссия считает, что управление есть непосредственное право и власть принимать ежедневные решения по операциям, а также ответственность за планирование. Это явные элементы права собственности.

Обращаю внимание Совета безопасности также и на то, что, согласно содержащемуся в докладе выводу, управление является *обычно* прерогативой права собственности. Правда, тут же в докладе указывается, что управление «не обязательно связано с этим правом». Однако эти оговорки, вставленные, повидимому, для смягчения основного тезиса, не меняют смысла этого пункта и выраженной в нём в корне порочной и неприемлемой идеи.

В докладе атомной комиссии по существу воспроизведён тезис, который был сформулирован в упомянутом выше заявлении американского представителя на первом заседании атомной комиссии. Я уже указывал на то, что предложение о предоставлении международному контрольному органу права владеть предприятиями по производству атомной энергии и неограниченного права на осуществление других важных функций, связанных с владением, управлением предприятиями и распоряжением их продукцией, привело бы к вмешательству контрольного органа во внутренние дела и внутреннюю жизнь стран и, в конечном счёте, привело бы к произволу контрольного органа в решении тех вопросов, которые всецело подпадают под внутреннюю компетенцию государства. Я считаю необходимым подчеркнуть, что предоставление такого рода широких прав и полномочий контрольному органу несовместимо с государственным суверенитетом. Поэтому такого рода предложения являются неприемлемыми и должны быть отвергнуты как несостоятельные, как не только не облегчающие решения задачи установления строгого и эффективного международного контроля, но, напротив, затрудняющие решение этой задачи.

Тезис о праве собственности или праве владения не имеет ничего общего с задачами создания эффективного, реального международного контроля над атомной энергией. Казалось бы, это является очевидным. Тем не менее, указанные выше предложения, несмотря на всю их несостоятельность, упорно защищаются и отстаиваются. При этом приводятся разного рода несостоятельные аргументы в доказательство того, будто бы только путём предоставления таких прав и полномочий контрольному органу и возможно создать систему международного контроля. Внимательное ознакомление с указанными выше предложениями показывает, что этот тезис лишь прикрывает ссылки на контроль стремление получить право вмешиваться в хозяйственную жизнь стран, как этого будут требовать интересы хотя бы и большинства контрольного органа.

В выступлениях представителей некоторых стран в атомной комиссии и в Совете безопасности, а также в выступлениях, появившихся в последнее время многочисленных «экспертов» по вопросам международного контроля над атомной энергией, весьма часто ставится вопрос: «А как мыслит себе Советский Союз проведение контрольным органом практической повседневной деятельности и как будет этот орган принимать решения, относящиеся к этой повседневной деятельности?»

Позиция Советского Союза по этому вопросу была уже изложена неоднократно. Если в этом есть необходимость, я готов вновь повторить, что такой орган должен иметь право принимать в соответствующих случаях решения большинством голосов. Однако, означает ли это, что можно согласиться с тем, чтобы, прикрываясь ссылками на международный контроль, в действительности предоставить право вмешиваться в хозяйственную жизнь страны, хотя бы и по решению большинства в контрольном органе? Советский Союз не желает и не может допустить такого положения. Советский Союз знает, что в контрольных органах будет большинство, которое может принять и односторонние решения,— большинство, на доброжелательное отношение которого к себе советский народ не может рассчитывать. Поэтому Советский Союз, да, вероятно, и не только Советский Союз, не может допустить, чтобы судьба его народного хозяйства была отдана в руки этого органа. Правильность подобного заключения подтверждается историческим опытом, в том числе кратковременным, но весьма показательным опытом деятельности органов Объединённых наций. Советская делегация не сомневается, что все те, кто объективно оценивает обстановку, поймут правильно позицию Советского Союза в этом вопросе.

Отсюда следует, что при создании международного органа контроля над атомной энергией и при организации инспекции и инспектирования необходима строгая регламентация прав и обязанностей контрольного органа, исключая произвол и неограниченные права. Такая регламентация не может являться помехой для создания строгого и эффективного контроля, для проведения строгой и эффективной инспекции. Скорее наоборот, строго очерченные права и функции контрольного органа позволят ему более чётко и бесперебойно осуществлять свои контрольные и инспекторские функции. При

таком положении не будет места для вмешательства контрольных органов во внутреннюю экономическую жизнь страны.

Строгое регламентирование прав и обязанностей контрольных органов должно исключить предусмотренный сейчас докладом атомной комиссии неограниченный доступ инспекции ко всему оборудованию и ко всем работам, а также предоставление инспекции права останавливать заводы, вмешиваться в обычные рудничные и обоганительные работы, предоставление права выдачи так называемых лицензий, т. е. разрешений заниматься определённой деятельностью на определённых условиях и т. д. Регламентирование деятельности контрольных органов будет исключать подобные действия, которые так подробно расписаны в так называемом первом докладе по мерам предосторожности, содержащемуся в докладе атомной комиссии. Кстати, этот доклад по мерам предосторожности является наиболее непродуманным разделом доклада комиссии. Объясняется это отчасти, повидимому, тем, что предложения по мерам предосторожности никогда никем в атомной комиссии не подвергались более или менее серьёзному обсуждению. Чего только нет в этом докладе о мерах предосторожности. Что только в нём не предусматривается в связи с определением прав и полномочий контрольного органа. Там можно найти обоснование необходимости свободных поездок и полётов на территориях и над территориями других стран по желанию инспекторов, можно найти описание возможностей захвата группой людей предприятий по производству атомной энергии. Почти как в детективном романе.

Несмотря на очевидную необоснованность предложений о предоставлении неограниченных прав контрольному органу, находятся люди, которые всё ещё продолжают упорно защищать подобного рода предложения, причём делают вид, будто бы такого рода предложения соответствуют задачам создания строгого и эффективного международного контроля. Я не знаю, верят ли сами авторы и защитники таких предложений в то, что эти предложения являются реальными. Тем не менее, они пытаются доказывать, что именно эти предложения должны явиться основой для создания системы международного контроля над атомной энергией.

В действительности же, предоставление неограниченных прав контрольному органу и предоставление ему во владение и управление атомных предприятий нельзя рассматривать иначе, как попытку Соединённых Штатов обеспечить за собой мировое господство в области атомной энергии. Это стремление и получило своё выражение в предложениях, внесённых представителем США в атомной комиссии и положенных затем в основу доклада атомной комиссии.

Односторонний характер этих предложений, направленный на закрепление монопольного положения одной страны в области атомной энергии, проходит красной нитью через все главные предложения, содержащиеся в докладе атомной комиссии, рекомендации, общие выводы, разделы, посвящённые вопросу о гарантиях, и другие. Следует ли поэтому удивляться, что такого рода предложения подвергаются часто резкой и заслуженной критике. В указанном выше ме-

морандуме английских учёных критикуется предложение США и с этой стороны. В нём указывается:

«Самым важным возражением против плана Баруха, с точки зрения других стран, является, вероятно, то, что он предусматривает на первых стадиях меры, которые можно истолковать, как поддерживающие господство США в области атомной энергии, в то время как уступки, которые должны быть сделаны этой страной, проявляются, главным образом, на более поздних стадиях».

Учёные предпочли избрать несколько сдержанный язык для критики этих предложений. Всё же по существу они удачно подметили стремление обеспечить путём такого рода предложений монопольное положение за одной страной.

Принятие таких предложений, как и в целом плана по контролю над атомной энергией, предложенного в своё время представителем США, находится в противоречии с коренными экономическими и государственными интересами других государств, ибо этот план направлен против их экономической самостоятельности. Он направлен против независимости других государств. Дело не меняется от того, что такое предложение находит поддержку.

3. ЕЩЁ РАЗ О «ВЕТО»

Я уже имел возможность высказать точку зрения советской делегации по вопросу о принципе единогласия пяти держав — постоянных членов Совета безопасности в связи с обсуждением вопросов контроля над атомной энергией. Советская делегация считает, что невозможно будет достигнуть соглашения по этому вопросу до тех пор, пока будет защищаться неприемлемое и не соответствующее принципам организации Объединённых наций предложение по вопросу так называемого «вето», содержащееся в докладе атомной комиссии. Я указывал также на то, что по вопросу о необходимости наказания нарушителей контроля между нами как будто нет расхождений, да их по этому вопросу и не было. Все согласны с тем, что в отношении виновных должны предприниматься определённые меры — санкции, если будет доказана их виновность. Расхождения есть по вопросу о том, кто и как должен решать вопрос о санкциях. Должны ли такие решения выноситься в соответствии с основными принципами организации Объединённых наций или в нарушение этих принципов? Советская делегация считает, что подобные решения должны приниматься в строгом соответствии с основными принципами нашей организации и должны приниматься тем органом, на который возложена главная ответственность за поддержание мира, — Советом безопасности. Принцип единогласия пяти держав, как таковой, не является помехой для эффективного контроля над атомной энергией, как бы кое-кто ни пытался доказывать нам обратное.

Если я решил коснуться ещё раз этого вопроса, то, главным образом, потому, чтобы осветить некоторые его аспекты, ранее ещё недостаточно освещённые, и помочь разобраться в этом вопросе тем, кто хочет разобраться.

Иногда говорят, что содержащиеся в американском плане предложения по вопросу о «вето» якобы не затрагивают принципа едино-

гласия пяти держав как такового. Пытаются обосновать это тем, что государства сами по конвенции должны отказаться от этого права. При этом указывается, что после того, как будет заключена конвенция, никто не должен иметь права «вето», которое могло бы помешать проведению в жизнь этой конвенции. Но вопрос как раз и состоит в том, что же должно быть предусмотрено в этой конвенции. Должно ли быть предусмотрено отступление от принципа единогласия или конвенция не должна затрагивать принцип единогласия пяти держав в Совете безопасности?

Таким образом, остаётся всё тот же вопрос, будут ли после заключения соответствующей конвенции решения по вопросу о санкциях приниматься Советом безопасности, в котором действует принцип единогласия, или контрольным органом, в котором никто не будет иметь права «вето». Вот почему в американских предложениях по существу затронут общий вопрос о принципе единогласия в Совете безопасности. Поскольку это так и поскольку кое-кто, и прежде всего представители Соединённых Штатов, пытаются изобразить положение таким образом, будто бы только Советский Союз из пяти великих держав заинтересован в сохранении права «вето», советская делегация считает необходимым вновь коснуться этого вопроса.

«Вето» было установлено не по инициативе Советского Союза, а по инициативе Соединённых Штатов, в частности покойного президента Рузвельта, а также бывшего премьер-министра Великобритании Черчилля. Инициаторами «вето» были, таким образом, Соединённые Штаты и Великобритания. Советский Союз поддержал в своё время предложение президента Рузвельта, так как считал, что принцип единогласия великих держав соответствует интересам поддержания мира.

На конференции в Думбартон-Оксе, где впервые подверглись обстоятельному обсуждению главные вопросы создания организации Объединённых наций, принцип единогласия пяти держав был поддержан всеми участниками конференции. По этому вопросу на конференции не только не было никаких разногласий, но вообще никто из её участников не мыслил себе, что может быть какое-либо иное решение вопроса. На этой конференции остался нерешённым лишь вопрос о применимости принципа единогласия при решении Советом безопасности дел, в которых замешана одна или больше из великих держав по разделу — мирное урегулирование. По этому вопросу на конференции в Думбартон-Оксе не удалось окончательно договориться. Однако великие державы — инициаторы создания организации Объединённых наций и после конференции продолжали искать удовлетворяющую всех формулу голосования. Такие попытки продолжало и правительство Соединённых Штатов. В результате на Крымской конференции в городе Ялте покойным президентом Рузвельтом была предложена соответствующая формула, которая была одобрена единогласно. Я подчёркиваю, предложенная формула была одобрена единогласно всеми участниками Крымской конференции и затем была включена на конференции в Сан-Франциско в устав организации Объединённых наций в качестве статьи 27 главы V устава.

Предлагая формулу голосования в Совете безопасности, амери-

канская делегация сделала от имени Соединённых Штатов заявление, содержащее как текст формулы, так и её обоснование. Вот текст этого заявления, зачитанного тогда бывшим государственным секретарём Соединённых Штатов господином Стеттиниусом:

«Заявление об американской позиции по вопросу о голосовании в Совете.

I. Обзор положения этого вопроса

В Думбартон-Оксе было согласовано, что определённые вопросы будут оставлены для дальнейшего рассмотрения и для разрешения в будущем. Из числа этих вопросов основным является вопрос о том, какая процедура голосования должна применяться в Совете безопасности.

В Думбартон-Оксе три делегации тщательно рассмотрели весь вопрос. С того времени этот вопрос подвергался непрерывному интенсивному изучению со стороны каждого из трёх правительств.

15 декабря 1944 года президент послал маршалу Сталину и премьер-министру Черчиллю предложение о том, чтобы этот вопрос был разрешён путём изложения раздела «с» главы VI предложений, принятых в Думбартон-Оксе, в основном следующим образом.

«с. Голосование:

1. Каждый член Совета безопасности имеет право на один голос.

2. Решение Совета безопасности по вопросам процедуры принимается большинством в 7 голосов членов.

3. Решение Совета безопасности по всем другим вопросам принимается большинством в 7 голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причём сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений, согласно разделу «а» главы VIII и согласно второй фразе абзаца 1 раздела «с» главы VIII».

Текст, который я только что огласил, содержит незначительное редакционное изменение, сделанное в соответствии с советскими и британскими замечаниями на первоначальный текст, предложенный президентом.

II. Анализ американского предложения

(а). Оно находится в полном соответствии со специальной ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира. В этом отношении наше предложение требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры.

(б). В то же время наше предложение признаёт желательность откровенного заявления со стороны постоянных членов о том, что мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее всемирный интерес, дело, в котором суверенные государства — члены, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без произвольного запрещения.

Мы считаем, что если не будет разрешена такая свобода обсуждения в Совете, то создание всемирной организации, которой мы все

желаем, может быть серьёзно затруднено, если не сделано совершенно невозможным. Без полного и свободного обсуждения в Совете, организация, даже если бы её удалось создать, сильно бы отличалась от того, что мы замыслиаем.

Документ, который мы представили двум другим делегациям, излагает текст положений, которые я зачитал, и специальный перечень тех решений Совета, которые согласно нашему предложению потребуют безусловного единогласия, и отдельно — тех вопросов в области споров и мирного урегулирования, по которым любая сторона в споре должна воздержаться от голосования.

III. Обоснование американской позиции

С точки зрения правительства Соединённых Штатов в вопросе о процедуре голосования есть два важных элемента.

Первый заключается в том, что для сохранения всеобщего мира, о котором я упоминал, необходимо единогласие среди постоянных членов.

Второй состоит в том, что для народа Соединённых Штатов исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации.

Примирить эти два главных элемента — наша задача. Мы полагаем, что предложения, представленные президентом 5 декабря 1944 года маршалу Сталину и премьер-министру Черчиллю, дают разумное и справедливое решение и удовлетворительно комбинируют эти два главных соображения».

Я обращаю внимание Совета безопасности особенно на следующие положения этого документа:

1. На пункт 2-й (а) раздела «Анализ американского предложения». В этом пункте указывается, что данное предложение находится в полном соответствии со специальной ответственностью великих держав за сохранение мира, ввиду чего оно требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по *всем* важнейшим решениям, включая *все* экономические и военные санкции.

2. На пункт 3-й раздела «Обоснование американской позиции». В этом пункте указывается на два важных элемента: а) на необходимость единогласия среди постоянных членов и б) на необходимость того, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации, а также делается вывод, гласящий, что американские предложения дают «разумное и справедливое решение» и удачно комбинируют эти два важных соображения.

На Крымской конференции при обсуждении этого вопроса и, в частности, приведённого выше предложения Соединённых Штатов принцип «вето» и американское предложение были полностью поддержаны Черчиллем. Согласно протокольной записи (имеется в виду не запись секретаря, а запись советской делегации, не апробированная Черчиллем), Черчилль заявил, что он:

«был не вполне удовлетворён первоначальными предложениями, разработанными в Думбартон-Оксе, так как не был уверен, что в

этих предложениях было вполне учтено реальное положение трёх великих держав. После изучения новых предложений президента, т. е. предложений о «вето», сомнения Черчилля исчезли, во всяком случае поскольку дело касается Британского содружества наций и Британской империи.

Это также относится к независимым доминионам британской короны. Черчилль признаёт, что вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трёх великих держав; однако мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы мы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств. Без этого дело выглядело бы так, как будто три главные державы претендуют на управление всем миром. Между тем на самом деле они хотят служить миру и спасти мир от ужасов, которые постигли большинство народов в нынешней войне. Вот почему три великих державы должны проявить известную готовность к подчинению интересам общего дела. Он, Черчилль, естественно, прежде всего думает о том, как новое положение отразится на судьбах Британского содружества наций. Он хотел бы привести конкретный пример, пример, трудный для Англии,— Гонконг.

Если будет принято предложение президента и Китай попросит возвратить ему Гонконг, то Великобритания будет иметь право высказать свою точку зрения и защищать её. Однако Великобритания не сможет принять участие в голосовании по тем вопросам, при решении которых, по проекту американцев, заинтересованная сторона должна воздержаться от голосования. Со своей стороны, Китай имел бы право полностью изложить свой взгляд по вопросу о Гонконге, и Совет безопасности должен был бы решить вопрос без участия британского правительства в голосовании».

Черчилль просил рассмотреть «его пример» и продолжал так: «Предположим, что британское правительство не могло бы согласиться на рассмотрение некоторых вопросов, затронутых в заявлении американской делегации от 6 февраля 1945 года, как, например, вопроса о том, представляет ли угрозу миру неурегулирование спора между сторонами средствами по их собственному выбору, так как британское правительство считало бы, что такой вопрос затрагивает суверенитет Британской империи.

В таком случае британскому правительству была бы обеспечена победа, ибо у каждого постоянного члена будет право накладывать в известных случаях «вето» на действия со стороны Совета безопасности; с другой стороны, было бы несправедливо, если бы Китай не имел возможности высказать своё мнение по предмету спора.

То же самое относится к Египту. В том случае, если бы Египет поднял против Англии вопрос, касающийся Суэцкого канала, он, Черчилль, допустил бы обсуждение этого вопроса без всякого опасения, так как британские интересы обеспечены тем положением американского заявления, которое предусматривает право «вето».

Надеюсь, что сейчас ни у кого не может остаться сомнений по поводу того, кто является инициатором предложений о «вето» и как

обстояло дело при обсуждении первоначальных предложений по этому вопросу. Эти разъяснения могут быть полезны по крайней мере для тех, кто хочет знать, как в действительности обстояло дело, когда обсуждался этот вопрос, прежде чем он нашёл соответствующее отражение в уставе организации Объединённых наций.

Генералиссимус Сталин, возглавлявший советскую делегацию на Крымской конференции, от имени Советского Союза согласился с предложениями Рузвельта и Черчилля, так как принцип единогласия великих держав соответствует интересам сотрудничества между ними и интересам поддержания всеобщего мира.

Могут сказать: «То было во время войны, и значение сотрудничества и согласованных действий между великими державами было очевидным, сейчас же ценность принципа единства и единогласия великих держав не так очевидна». Но если двухлетний срок, истекший со времени Крымской конференции, и полуторалетний срок, истекший со времени конференции в Сан-Франциско и со времени окончания войны, принесли кое для кого сомнения в правильности этого принципа, тогда что же говорить о перспективе сотрудничества великих держав в будущем и о поддержании международного мира в будущем? Какой другой принцип могут предложить нам те, кому надоел принцип единогласия великих держав при решении всех важных вопросов поддержания мира, в том числе и вопроса о санкциях? Какой «субститут» они могут предложить вместо вето? Не хотят ли они тянуть нас назад, к руинам Лиги наций? Можно, господа, не ответить на эти вопросы, но от них нельзя никуда уйти.

Советская делегация сочла необходимым сделать дополнительные разъяснения её позиции по этому вопросу потому, чтобы, возвращая доклад атомной комиссии, мы по крайней мере ясно и чётко представляли бы себе, где мы находимся. Уяснение действительного положения, может быть, поможет нам справиться с теми серьёзными задачами, которые стоят перед организацией Объединённых наций в области установления международного контроля над атомной энергией с целью недопущения использования её в военных целях и обеспечения её применения только для блага человечества, для подъёма материального уровня народов, для расширения их научных и культурных горизонтов.

„Известия“ № 56 (9278) и 57 (9279)
от 7 и 8 марта 1947 г.

(ТАСС)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ДОКЛАДА ОБ ИНЦИДЕНТЕ
В ПРОЛИВЕ КОРФУ
(21 марта)**

«Я хочу напомнить членам Совета безопасности о позиции, которую занимала советская делегация, когда Совет принимал решение о создании подкомитета, доклад которого мы обсуждаем. Советская делегация придерживалась той точки зрения, что вопрос, поставлен-

ный правительством Великобритании перед Советом безопасности, притянут сюда искусственно и что он не заслуживает рассмотрения на Совете. Первая стадия обсуждения этого вопроса в Совете подтвердила правильность позиции советской делегации.

Представитель Великобритании не смог привести каких-либо доказательств, которые явились бы основанием для обвинения против Албании. Советской делегации уже тогда было ясно, что создание любого подкомитета для дополнительного изучения вопроса не может продвинуть нас вперёд и уж во всяком случае не может дать никаких новых доказательств в подтверждение позиции английского правительства.

Сегодня мы обсуждаем результаты работ подкомитета. Каковы эти результаты? Если внимательно прочесть доклад, то мы увидим, что в нём по существу не содержится ничего, что явилось хотя бы в малейшей степени основанием для обвинения против Албании. Подкомитет не смог сделать вообще никаких выводов. Это очень характерно. Он ограничился перечислением некоторых фактов, которые были уже известны Совету безопасности из сообщений английского и албанского представителей, а также из выступлений представителей других стран. Больше по существу доклад подкомитета ничего не содержит. Поэтому я понимаю то разочарование английского представителя, о котором он вчера говорил, — разочарование по поводу того, что подкомитет не нашёл возможным сделать вывод о том, что Албания виновата. Для разочарования есть основания.

Как проходила работа подкомитета и каковы выводы, которые напрашиваются в результате окончания его работы?

В подкомитете, как известно из сообщений его председателя господина Сулета, а также из выступлений членов подкомитета господина Ланге и господина Хэзлак, представители Англии и Албании повторили то, что было ими сказано на первой стадии обсуждения этого вопроса. Представитель Великобритании пытался доказать, будто бы Албания виновата. Представитель Албании доказывал необоснованность английского обвинения и приводил факты, подтверждающие правильность позиции албанского правительства в этом вопросе. Подкомитет регистрировал сообщения представителей обеих стран, и только.

Английские представители дали в распоряжение подкомитета некоторые документы, которые почему-то, по их мнению, должны подтверждать английскую позицию в этом вопросе и служить обвинением против Албании. Однако документы эти были подготовлены только англичанами. Никакие международные органы, в том числе и коллегия по тралению, не имели отношения к подготовке этих документов. Да и документы эти в большинстве случаев представляют собой схематические карты, которые, по мнению англичан, должны доказывать расположение минного поля, курс прохождения военных кораблей, место подрыва кораблей и так далее. Могут ли такие дополнительные документы, хотя бы и хорошо оформленные с художественной стороны, явиться хоть сколько-нибудь убедительным доказательством того, что Албания повинна в подрыве английских эсминцев? Конечно, нет. Они не могут явиться сколько-нибудь

убедительным доказательством, и ценность их как для подкомитета, так и для Совета безопасности невелика. Поэтому я понимаю, почему подкомитет воздержался от того, чтобы притти к каким-либо заключениям не только на основании устных сообщений представителя Англии в подкомитете, но и на основании этих так называемых документов.

Остаются, таким образом, недоказанными основные обвинения Англии, выдвинутые против Албании. Не доказано то, что существовало в действительности минное поле в момент подрыва, в результате которого, по сообщению англичан, были повреждены два английских эсминца. Даже этот факт не доказан.

Не доказано и основное обвинение — обвинение, выдвинутое против Албании, что якобы она либо сама поставила мины в проливе Корфу, либо эти мины были поставлены с ведома Албании. Английский представитель всё время и в подкомитете, и на Совете безопасности пытался доказывать, что никто иной, кроме Албании, мины поставить не мог. Но почему никто иной, кроме Албании, не мог поставить мины, английский представитель так и не мог доказать. Конечно, положение англичан в этом вопросе нелёгкое, особенно после того, как была подана жалоба на Албанию. Приходится бить в одну точку и обвинять Албанию. Но если Совет безопасности действительно желает притти к правильному решению по этому вопросу, он должен подойти объективно к анализу всех фактов и обстоятельств, которые относятся к инциденту, и только после этого сделать определённые выводы.

Английский представитель утверждал, что мины не могли быть старыми, что мины будто бы были новыми, которые были в воде не более шести месяцев, хотя мнения экспертов на этот счёт расходятся. Он утверждал, что мины, на которых подрывались английские эсминцы, не могли быть занесены из какого-либо другого района, что они обязательно были поставлены там, где произошёл подрыв эсминцев. Непонятно, почему они не могли быть занесены из другого района и почему они не могли быть старыми, например остатками старых минных полей, поставленных немцами. Господин Кадоган вчера сказал, что, быть может, математики могут доказать, как это две мины с какого-то другого района могут попасть как раз в то место, где подрывались два эсминца. Возможно, математики действительно могут оказать помощь господину Кадогану и доказать, что такая возможность не исключена. Во всяком случае, могут ли оказать помощь английскому представителю математики или нет, но эксперты и специалисты минного дела определённо могут оказать некоторую помощь.

Я хочу обратить внимание на то, что при обсуждении этого вопроса в Средиземноморской коллегии сразу после подрыва английских эсминцев даже американский и греческий представители допускали, что мины могли быть старыми, а не вновь поставленными. При обсуждении этого вопроса 28 октября 1946 года на коллегии американский представитель командер Эберспачер указывал на несколько возможностей для объяснения подрыва английских судов. Он указывал, что мины могли быть плавающими. Он указывал, что

мины могли быть прибуксированы на фарватер рыбаками. Он указывал, что мины могли быть пригнаны приливом или ветром. Он также указывал, что мины могли быть поставлены. Он назвал четыре возможности. Это говорил американский эксперт-специалист. Так говорит специалист в области минного дела.

Даже греческий представитель допускал другие возможности, кроме постановки новых мин. Он указывал на вероятность того, что так как данные мины находились вблизи восточной кромки фарватера, то могла иметь место ошибка в навигационном определении. Другая возможность, на которую указал греческий представитель,— это вероятность того, что миноносцы подрывались на минах старого заграждения. Таково мнение некоторых специалистов, обсуждавших этот вопрос до того, как Англия обратилась в Совет безопасности.

Мне кажется, что некоторые члены Совета безопасности обращают недостаточное внимание на следующие два факта. Первый факт. Здесь было оглашено заявление английского военного представителя генерала Хадсона, который заявил, что даже хорошо очищенные фарватеры не считаются безопасными и, следовательно, являются в какой-то мере опасными. Это заявление было сделано английским генералом до того, как Англия обратилась в Совет безопасности с жалобой против Албании.

Второй факт. Известное и пользующееся репутацией учреждение Ллойд опубликовало недавно цифры, которые говорят нам о том, что со времени окончания войны и до 20 февраля 1947 года в европейских водах потонуло и повреждено в результате подрыва на минах 226 судов разных национальностей. Я мог бы привести дополнительные факты, показывающие, что суда подрывались на фарватерах, которые были протралены англичанами, а между тем мне не известно, чтобы кто-либо обращался с жалобой на англичан по поводу того, что суда других стран подрывались на протраленных англичанами фарватерах. Англия считает почему-то, что в Корфу положение должно быть иным и законы там должны действовать иные.

Английский представитель не доказал и не мог доказать, что мины действительно не были старыми.

Но допустим, что мины в самом деле не были старыми, а были новыми. Допустим, что так и было и что необходимо решить вопрос о том, кто же поставил эти мины. Какое есть у нас основание согласиться с утверждениями английского представителя о том, что мины поставила Албания или что они были поставлены с ведома Албании? Из выступлений английских экспертов в подкомитете видно, что для того, чтобы поставить мину, нужны какие-то средства, нужны какие-то морские суда. Греки, которые располагают кое-каким флотом, говорят, что они не могут поставить мин по техническим условиям, ибо у них нет подходящих судов. У Албании же совсем нет таких судов. Как Албания может поставить такие мины, не имея судов? Значит, этот английский аргумент не является убедительным.

В других заявлениях английские представители указывали, что постановка мин является сравнительно лёгкой операцией и для этого необходимо всего лишь 15 минут. В то же время английские представители твердят, что поставить мины невозможно было, не нахо-

дьясь на виду у албанцев. Если возможно поставить мины в течение 15 минут, то надо полагать, что за несколько месяцев можно было выбрать 15 минут, в течение которых, конечно, никакая стража с берега не может заметить судна, ставящего мины.

Говорят иногда, что берега Албании охраняются настолько бдительно, что к ним никто не может подступить. Но что значит бдительность при охране берегов, когда страна не имеет флота для такой охраны? Если по заключению английского эксперта достаточно 15 минут для постановки мин, то для желающих поставить мину, если мины были вообще поставлены, можно найти в течение нескольких месяцев не один подходящий случай и не один отрезок времени в 15 минут, а несколько.

Господин Кадоган высказал вчера мысль о том, что албанское правительство якобы питает такую ненависть по отношению к Англии, что оно, руководствуясь только этим, могло пойти на такой шаг, как постановка мин против английских судов.

Советская делегация считает, что ещё не известно, какая из сторон имеет больше ненависти в отношении другой стороны, если уж говорить о ненависти, что, по-моему, всё же не вполне уместно.

Мне кажется, мы были бы ближе к истине, если бы перевернули эту формулу. К такому аргументу господин Кадоган прибег только потому, что других, более убедительных аргументов у него нет. Советская делегация уже обратила внимание Совета безопасности на то, что англичане приложили все усилия к тому, чтобы не допустить Албанию к участию в деле траления мин. Все попытки советского представителя и некоторых других представителей в Средиземноморской коллегии по тралению убедить английского представителя в том, что привлечение Албании в интересах не только Албании, но и Англии и других стран, потерпели неудачу. Английский представитель всегда находил в этом вопросе поддержку у греческого представителя. В результате, как известно Совету безопасности, Албания не была допущена в Средиземноморскую коллегию, и было принято более чем странное решение, согласно которому ответственность за воды пролива Корфу и территориальные воды Албании возложена была не на Албанию, а на Грецию. Это может звучать странно, но таково было решение Средиземноморской коллегии, принятое под диктовку англичан и при поддержке некоторых других стран, которые в лучшем случае отнеслись индифферентно к этому вопросу. Ответственность за безопасность вод была возложена не на ту страну, которая должна была бы по праву нести эту ответственность. Следовательно, с англичан, военные суда которых хозяйничали в проливе Корфу и часто в албанских территориальных водах, и с греков необходимо спросить, каким образом оказалось, что вместо ответственности в проливе Корфу имела место безответственность. Если действительно в проливе Корфу были поставлены мины, если действительно было найдено минное поле, то те, кто хозяйничал в этих водах, должны и отвечать за то, что, в результате их хозяйничанья они не справились со своими обязанностями, со своими функциями, хотя и взяли на себя ответствен-

ность, лишив Албанию законного права отвечать за безопасность этих вод.

Я хочу в этой связи напомнить факт, на который уже обращал внимание представитель Албании, факт, который стал известен лишь несколько дней тому назад. 15 марта 1947 года была получена телеграмма от премьер-министра Албании генерала Ходжа, в которой сообщалось о том, что неизвестное судно приблизилось к берегу Албании, нарушив её территориальные воды, и указано было, что это судно прибыло от берегов Италии. Этот факт имел место в то время, когда мы в Совете безопасности рассматриваем английскую жалобу. Если при дневном свете неизвестное иностранное судно может нарушить албанские территориальные воды и суверенитет Албании, то может ли быть какая-нибудь гарантия, что это не происходило часто и особенно ночью, когда Албания — здравый смысл подсказывает это — не может охранять должным образом воды, не имея для этого средств, особенно при неблагоприятной погоде и прочих неблагоприятных факторах. Не нужно быть специалистом, чтобы отдавать себе отчёт в этом. Известно, чьи оккупационные власти осуществляют контроль в Италии. Может быть, они нам объяснят, почему имел место провокационный случай нарушения иностранным судном албанских территориальных вод даже в то время, когда этот вопрос рассматривается в Совете безопасности.

В прошлом факты нарушения албанских территориальных вод имели место довольно часто. Они нарушались английскими и греческими судами. Кто знает, может быть, и другие суда входили в эти воды при заведённых английскими властями порядках. Некоторые из таких фактов не оспариваются даже англичанами. Английские власти пытаются оправдывать свою позицию. Но некоторые факты они не оспаривают по существу.

Английское правительство в отношении Албании заняло уже давно более чем недружелюбную позицию. Я не буду вдаваться здесь в причины, которые объясняют такого рода положение, ибо этот вопрос имеет самостоятельное и более широкое значение. Я упомянул об этом лишь потому, что обсуждаемый нами вопрос, хотя и является сравнительно узким вопросом, безусловно, связан с общим вопросом об албано-английских отношениях. Он имеет определённый политический фон, учитывая который мы сможем лучше ориентироваться в этом вопросе и сделать более правильные выводы. Албания от Англии, как известно, ничего не хочет и ничего не просит. Албания заинтересована только в одном — чтобы англичане не считали албанскую территорию своей территорией и албанские территориальные воды своими водами и не мешали бы албанцам заниматься своими делами у себя дома так, как им нравится, а не так, как нравится англичанам. Албанцы не собираются давать советов английскому правительству по поводу порядка в Англии, но албанцы законно хотят, чтобы англичане тоже не вмешивались не в свои дела и не пытались навязывать своей воли в каких бы то ни было вопросах, затрагивающих суверенитет Албании и албанского народа.

Албанский представитель здесь заявил, что Албания хочет поддерживать дружественные отношения со всеми странами, в том числе и Англией. Следовательно, дело за другой стороной».

«Вчера,— продолжал А. А. Громыко,— мы заслушали выступление представителя Колумбии господина Сулета, заявившего, что у него нет каких-либо фактов, на основании которых он сделал бы определённый и не допускающий сомнения вывод о том, что именно Албания поставила мины или знала о том, что мины поставлены. Такой вывод является объективным, и во всяком случае он находится в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются Совету безопасности как органу, который обязан выносить справедливые решения в интересах поддержания мира и добрососедских отношений между государствами.

Но советская делегация была несколько удивлена тем, что, сделав такой вывод, господин Сулета одновременно заявил о том, что он склонен согласиться с тем, что Албания виновата, если большинство будет придерживаться такой точки зрения. Мне кажется, что это проявление непоследовательности. Все мы должны руководствоваться только необходимостью принять правильное решение по этому вопросу, а не опрометчивое решение, которое не только не будет способствовать улучшению отношений между государствами, но которое ничего не прибавит и к авторитету Совета безопасности, а скорее наоборот.

Я хотел бы надеяться, что первая мысль, которая была высказана мною в связи с выступлением господина Сулета, является в его концепции доминирующей, а именно, что в распоряжении Совета безопасности нет никаких фактов, которые подтверждали бы, что именно Албания является виновной в постановке мин, если вообще такая постановка имела место».

В заключение т. Громыко сказал:

«Рассмотрение этого вопроса в Совете безопасности не подтверждает обвинений англичан, выдвинутых против Албании. Напротив, ставшие известными факты подтверждают обратное — что английские обвинения являются абсолютно необоснованными. Советская делегация считает, что, как необоснованные, эти обвинения не должны являться основанием для принятия Советом безопасности несправедливого решения. У Совета безопасности нет оснований для того, чтобы признать Албанию виновной. Повторяю, вопрос этот принесён в Совет безопасности не в интересах поддержания дружественных отношений между Албанией и Англией и не в интересах поддержания международного мира».

(ТАСС)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ О ПОЛИТИКЕ США ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРЕЦИИ И ТУРЦИИ

(7 апреля)

Заявление, сделанное представителем Соединённых Штатов на заседании Совета безопасности 28 марта, касается важного вопроса. Действия Соединённых Штатов в отношении Греции и Турции не могут не привлечь внимания Объединённых наций. Как это следует из заявления американского представителя, правительство Соединённых Штатов не только объясняет, но и пытается оправдать тот политический курс, который оно решило проводить в отношении Греции и Турции. Оно пытается убедить нас в том, что эти действия Соединённых Штатов способствуют укреплению организации Объединённых наций и соответствуют её принципам и целям.

С подобным утверждением нельзя согласиться. В самом деле, как можно согласиться с утверждением, будто бы действия Соединённых Штатов в отношении Греции и Турции способствуют укреплению организации Объединённых наций, когда своим выступлением правительство Соединённых Штатов игнорировало организацию Объединённых наций и не посчиталось с авторитетом этой организации. Правительство Соединённых Штатов не обращалось в организацию Объединённых наций по вопросу о помощи Греции и Турции, предпочитая действовать в этом вопросе, обходя организацию и лишь пост-фактум информируя её о намеченных им мероприятиях.

Такие действия Соединённых Штатов не только не способствуют укреплению организации Объединённых наций, но, напротив, ослабляют её и подрывают её авторитет. Вместо укрепления международного доверия такие действия порождают неизбежные подозрения относительно их действительных целей и затрудняют развитие дружественных отношений между государствами. Именно прежде всего поэтому они не соответствуют принципам, лежащим в основе деятельности нашей организации.

Эти цели и принципы Объединённых наций требуют того, чтобы все государства, большие и малые, сотрудничали в решении международных проблем, и особенно таких из них, которые относятся к поддержанию международного мира и безопасности. Только такое сотрудничество всех государств — членов организации может обеспечить её успех и превратить её в эффективный инструмент борьбы за мир и безопасность народов. Только такое сотрудничество может способствовать упрочению добрососедских отношений между народами и привести к укреплению международного доверия, которого ещё не хватает в деятельности Объединённых наций и в международных отношениях.

Представитель США стремился убедить нас в том, что так называемая американская помощь Греции и Турции будет способствовать укреплению мира и безопасности в этом районе. Он указывал

при этом на существующее напряжённое положение в Греции, особенно в её северной части, связывая это напряжённое положение с якобы существующей по отношению к этим странам угрозой извне.

Казалось бы естественным и полностью соответствующим духу и букве устава Объединённых наций обращение в таком случае к соответствующему органу Объединённых наций для принятия необходимых мер по устранению подобной угрозы.

Но в таком случае правительство Соединённых Штатов было бы обязано доказать соответствующему органу Объединённых наций, при данных обстоятельствах Совету безопасности, что угроза, о которой говорит американское правительство, в действительности существует в отношении этих стран. Наличие подобной угрозы необходимо было бы доказать для того, чтобы Совет безопасности мог принять предписанные уставом мероприятия в интересах поддержания мира.

Однако правительство Соединённых Штатов предпочло, повидимому, значительно более лёгкий для него метод односторонних действий вместо представления Совету безопасности доказательств того, что для Греции и Турции действительно существует указанная угроза. Только этим и можно объяснить, почему в этом важном вопросе Соединённые Штаты игнорировали организацию Объединённых наций, не посчитавшись с тем, что это наносит серьёзный удар по её авторитету.

После того как правительством США было заявлено о предпринимаемых им действиях по отношению к Греции и Турции, правительство Соединённых Штатов начало, повидимому, отдавать себе отчёт в том, что эти действия находятся в явном противоречии с принципами устава Объединённых наций. Только этим обстоятельством можно объяснить попытку представителя Соединённых Штатов задним числом не только информировать Совет безопасности об указанных действиях, но и связать так называемую помощь Греции и Турции с работой комиссии Совета безопасности, занимающейся расследованием инцидентов на северных греческих границах.

Разве не ясно, что попытка представителя Соединённых Штатов связать два таких разных вопроса, как работа комиссии Совета безопасности, с одной стороны, и американская помощь Греции и Турции — с другой, носит искусственный характер и является совершенно несостоятельной? В самом деле, тот факт, что Совет безопасности занимается вопросом об инцидентах на греческой границе и что специальная комиссия, назначенная Советом безопасности, расследует на месте положение в Северной Греции, казалось бы, требует, во-первых, того, чтобы дождаться окончания работы комиссии, и, во-вторых, чтобы в качестве вывода, основанного на заключении этой комиссии, Совет безопасности принял необходимые меры. Между тем правительство Соединённых Штатов не только не сочло необходимым подождать окончания работ комиссии, назначенной Советом безопасности при активном участии Соединённых Штатов, дожидаться и соответствующего решения Совета безопасности, но предприняло со своей стороны меры, которые полностью игнорируют работу комиссии и те выводы, к которым комиссия могла прийти,

так же как и будущие решения по этому вопросу самого Совета безопасности.

Такие действия не имеют ничего общего с методами международного сотрудничества в вопросах поддержания мира, к чему обязывает всякую страну членство в организации Объединённых наций. Это подавно относится к странам, являющимся инициаторами создания этой организации. Если эти страны не будут оказывать этой организации всей необходимой поддержки, то, спрашивается, на чью же поддержку она должна тогда прежде всего рассчитывать, на чью поддержку она должна прежде всего опираться?

Нельзя не отметить и некоторых других важных аспектов мероприятий Соединённых Штатов в отношении Греции и Турции. Сам характер «помощи», которую правительство Соединённых Штатов намерено оказывать Греции и Турции, таков, что его никак нельзя признать соответствующим целям и принципам Объединённых наций. Это видно хотя бы уже из того, что объявленная правительством Соединённых Штатов политика в отношении этих стран предусматривает, как известно, не только экономическую помощь, но также военную и иную «помощь». Больше того, из сообщений представителей правительства Соединённых Штатов, сделанных в конгрессе, следует, что большая часть ассигнуемых для Греции сумм предназначена не для восстановления экономики этой страны и не для оказания материальной помощи населению, а для военных нужд. Это означает, что оказание так называемой «помощи» не может принести экономического оздоровления Греции и улучшения материальных условий греческого народа.

Что же касается Турции, то из выступления тех же представителей правительства Соединённых Штатов в конгрессе следует, что все ассигнования для Турции предназначаются фактически только для военных нужд.

Я хотел бы обратить особое внимание Совета безопасности на один из видов этой «помощи», а именно на посылку в Грецию и Турцию американских инструкторов как по гражданским, так и по военным вопросам. Никто не может оспаривать того факта, что посылка в ту или иную страну гражданских и в особенности военных инструкторов независимо от позиции, занятой правительством страны, в которую посылаются эти инструкторы, сама по себе является вмешательством во внутренние дела этой страны и наносит серьёзный удар её фактической независимости.

Греческий народ внёс немалый вклад в общую борьбу демократических стран против немецко-фашистских агрессоров. Греческий народ имеет немалые заслуги в борьбе против фашистских захватчиков, терзавших греческую землю в течение ряда лет жестокой кровавой оккупации. Греческий народ заслужил, чтобы к нему относились с большим уважением, чем это имеет место сейчас со стороны Соединённых Штатов. Во всяком случае он заслужил, чтобы ему была предоставлена возможность самому решать свои внутренние дела и чтобы он был свободен в решении своих дел. Мы должны прислушиваться к голосу греческих демократических деятелей, протестующих против продолжения иностранного вмешательства в дела

Греции, справедливо указывающих на то, что продолжение этого вмешательства может повести лишь к дальнейшему разжиганию гражданской войны в стране, к усилению страданий греческого народа и к потере Грецией независимости со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В заявлении представителя Соединённых Штатов указывалось на то, что Греция сильно пострадала от вражеской оккупации, что её экономика разорена и что она нуждалась в помощи извне в прошлом и ещё продолжает нуждаться в таковой помощи и в настоящее время. В заявлении были приведены также некоторые данные о помощи, оказанной Греции со стороны ЮНРРА, и было подчеркнуто, что продолжение помощи Греции является необходимым для того, чтобы спасти страну от разрухи и от дальнейшей деградации, от дальнейшего ухудшения её экономического положения. Указание на то, что экономическое положение Греции является тяжёлым, соответствует действительности. Греции, несомненно, причинены большие разрушения в результате войны и вражеской оккупации. Поэтому Греция, как и другие союзные страны, пострадавшие в результате фашистской оккупации, безусловно, имеет право на получение помощи извне.

Само собой разумеется, что помощь Греции должна осуществляться в интересах греческого народа. Эта помощь ни в коем случае не должна быть орудием иностранного влияния в Греции. Такая помощь, свободная от стремления использовать её в качестве давления и иностранного вмешательства во внутренние дела Греции, соответствовала бы духу устава и целям организации Объединённых наций. Такая помощь могла бы быть осуществлена при участии специальной комиссии Совета безопасности, которая следила бы за правильной реализацией такой помощи в интересах греческого народа.

Я указал уже на то, что Греция, как союзная страна, сильно пострадавшая от войны и вражеской оккупации, имеет право на получение помощи извне. Однако можно ли сказать то же самое относительно Турции? В отношении Турции этого сказать нельзя, если действительно объективно относиться к делу, правильно и беспристрастно оценивать факты, характеризующие положение Турции, её роль в минувшей войне и всё то, что относится к данному вопросу. Объективность и справедливость требуют признать, что Турция не имеет такого права на получение помощи извне, так как она не является страной, пострадавшей в войне. Её территория не подвергалась оккупации. Турция не помогала союзникам в их борьбе против гитлеровской Германии. Более того, Турция снабжала гитлеровскую Германию стратегическим сырьём, в котором последняя испытывала нужду в военное время, Турция нажилась на войне, на помощи гитлеровской Германии. Усилия союзных держав привлечь Турцию к участию в общей борьбе Объединённых наций против фашистских агрессоров не принесли, как известно, положительных результатов.

Формальное объявление Турцией войны Германии, и то лишь накануне окончательного разгрома и полной капитуляции последней,

явилось по существу жестом, не принёсшим союзникам да и неспособным уже принести никакой пользы и помощи в их усилиях в деле разгрома врага. В борьбе с сильным и жестоким врагом демократических стран против немецко-фашистских полчищ Турции не было в демократическом лагере. Можно ли игнорировать эти факты при обсуждении в Совете безопасности вопроса о действиях Соединённых Штатов в отношении Турции? Нет, игнорировать такие факты нельзя, если мы хотим дать правильную и объективную оценку этим действиям. Таким образом, для помощи Турции нельзя найти достаточных оснований.

Господин Остин много говорил о комиссии Совета безопасности, занимающейся расследованием инцидентов на греческих границах. Он внёс предложение о желательности оставления в Северной Греции представителей комиссии до тех пор, пока Совет безопасности не примет соответствующего решения по докладу комиссии. Поскольку вопрос об этой комиссии является более узким и самостоятельным вопросом, я выскажу своё отношение к этому предложению относительно комиссии особо.

Всё сказанное приводит меня к необходимости сделать следующие выводы: предпринимаемые правительством Соединённых Штатов мероприятия в отношении Греции и Турции наносят серьёзный ущерб авторитету организации Объединённых наций и порождают неизбежное недоверие во взаимоотношениях между государствами — членами организации Объединённых наций.

Попытка правительства Соединённых Штатов задним числом связать предпринимаемые им в отношении указанных стран действия с работой специальной комиссии Совета безопасности в Греции является несостоятельной и лишь свидетельствует об опасности того удара по авторитету Объединённых наций, который наносится односторонними действиями американского правительства.

Действительная материальная помощь, в которой нуждается греческий народ, может и должна быть ему оказана, но эта помощь должна быть именно помощью, а не прикрытием целей, не имеющих с помощью ничего общего. Эта помощь должна быть оказана через организацию Объединённых наций, что устранил возможность какого бы то ни было иностранного влияния на эту страну.

(ТАСС)

„Известия“ № 84 (9306)
от 9 апреля 1947 г.

РЕЧЬ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ
СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ОТ 14 ДЕКАБРЯ 1946 ГОДА
О ВСЕОБЩЕМ СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ

(7 апреля)

Генеральная ассамблея решением от 14 декабря 1946 года признала необходимость скорейшего всеобщего регулирования и сокращения вооружений и вооружённых сил и рекомендовала Совету безопасности незамедлительно приступить к формулированию практических мероприятий по всеобщему регулированию и сокращению вооружений. Этим решением Объединённые нации взяли на себя ответственность за проведение мероприятия, которое способно сыграть важную роль в создании эффективной международной безопасности. Неудивительно поэтому, что народы Объединённых наций приветствовали это решение, ибо видели в нём первый серьёзный шаг этой организации, направленный на укрепление мира.

При обсуждении вопросов всеобщего сокращения вооружений и вооружённых сил в Совете безопасности, а затем и в данной комиссии часто указывалось на необходимость создания международного доверия. Целью всеобщего сокращения вооружений является укрепление международного мира, безопасности и взаимного доверия между народами, а также уменьшение бремени государственных расходов, связанных с содержанием вооружённых сил. Сокращение вооружений и вооружённых сил способствовало бы устойчивости в международных отношениях и развитию дружественных отношений между странами. Успешное решение этой задачи представляло бы тем самым важный шаг в создании международной безопасности, что является основной задачей организации Объединённых наций.

Уменьшение бремени государственных расходов, связанных с содержанием вооружённых сил, привело бы к снижению налогов с населения со всеми вытекающими отсюда последствиями для его материального положения. Известно, что военные расходы всё ещё продолжают занимать непомерно большое место в государственных бюджетах стран. Военные бюджеты некоторых союзных государств продолжают во много раз превышать уровень, существовавший в довоенные годы. Эти огромные военные бюджеты ложатся тяжёлым бременем на плечи народов, перенёсших тяготы минувшей разрушительной войны.

Далее Громыко указал на то, что содержание раздутых вооружённых сил и раздутых военных бюджетов при существующих условиях не может быть оправдано.

Осуществление всеобщего сокращения вооружений явилось бы важным источником для подъёма экономики стран — членов Объеди-

нённых наций, многие из которых всё ещё испытывают большие вызванные войной экономические трудности.

Громыко отметил, что при обсуждении вопроса о том, каковы должны быть ближайшие вытекающие из этого постановления задачи, уже создаётся немало затруднений.

Главное затруднение состоит в том, что, как выясняется, ещё не все согласны с тем, что эти решения должны проводиться в жизнь без дальнейшего откладывания. Иногда прямо указывается, что с выполнением этой задачи незачем спешить, что сначала нужно создать условия, которые сделают возможным её выполнение. При этом сами условия понимаются таким образом, что ставится под угрозу вообще выполнение решения Генеральной ассамблеи о принципах, регулирующих всеобщее сокращение вооружений и вооружённых сил.

Представители Соединённых Штатов и Англии в своих выступлениях в комиссии указывали на то, что, прежде чем осуществить мероприятия по урегулированию и сокращению вооружений, необходимо обеспечить международные гарантии безопасности и установить международное доверие.

Ввиду важности этой проблемы я считаю необходимым остановиться на вопросе о соответствии между мероприятиями по всеобщему регулированию и сокращению вооружений и гарантиями, а также на указанных выше доводах представителей Соединённых Штатов и Англии.

Генеральная ассамблея в своём решении от 14 декабря 1946 года указала на необходимость скорейшего проведения мероприятий по установлению контроля над атомной энергией, по предоставлению в распоряжение Совета безопасности вооружённых сил в соответствии с положениями статьи 43 устава и по обсуждению практических и эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и всеобщим регулированием и сокращением вооружений. Однако Генеральная ассамблея не обуславливала проведение мероприятий по всеобщему регулированию и сокращению вооружений предварительным обеспечением международных гарантий, указанных в заявлениях представителей Соединённых Штатов и Англии. В принятой ею 14 декабря резолюции не содержится никаких положений, которые прямо или косвенно указывали бы на необходимость обеспечения гарантий, как условия для осуществления мероприятий по сокращению вооружений. Напротив, в единогласно принятом решении Генеральной ассамблеи указывается на необходимость скорейшего всеобщего регулирования и сокращения вооружений и на необходимость незамедлительного формулирования и проведения практических мероприятий в этом направлении, имея в виду, что проведение таких мероприятий само по себе будет содействовать укреплению международной безопасности и взаимного доверия между странами.

Противопоставление гарантий мероприятиям по осуществлению всеобщего сокращения вооружений не имеет ничего общего с действительным соотношением между ними, хотя бы уже потому, что решение задачи сокращения вооружений уже само по себе представляло бы гарантию в широком смысле этого слова, так как оно яви-

лось бы серьёзным шагом в устранении взаимных подозрений и недоверия в отношениях между государствами, а следовательно, серьёзным шагом в создании эффективной безопасности.

Советское правительство, придавая большое значение вопросу о гарантиях безопасности и установлению взаимного доверия между народами, ещё в середине прошлого года выдвинуло предложение о безотлагательном заключении конвенции по запрещению атомного оружия с целью устранения возможности использования научных открытий в области атомной энергии в военных целях и против интересов человечества. Заключение такой конвенции явилось бы серьёзным вкладом в дело упрочения международного мира и безопасности. Оно привело бы к укреплению взаимного доверия между народами и укреплению веры народов в организацию Объединённых наций, призванную служить делу мира и развитию добрососедских отношений между государствами.

Именно поэтому советский представитель в атомной комиссии настаивал и продолжает настаивать на скорейшем рассмотрении вопроса о безотлагательном запрещении атомного оружия, равно как и других видов оружия массового уничтожения. Без заключения конвенции по запрещению атомного оружия трудно, а быть может, и невозможно будет успешно решить задачу установления международного контроля над атомной энергией. Неотложность запрещения атомного оружия диктуется самим характером этого оружия, как оружия агрессии, и полностью соответствует интересам всех миролюбивых народов, заинтересованных в том, чтобы атомная энергия использовалась только для мирных целей, для блага человечества, для подъёма материального уровня народов, для развития культуры.

Выдвинутое представителем Соединённых Штатов положение о необходимости установления международного контроля над атомной энергией не только не оспаривается и не оспаривалось советским представителем, но, напротив, считается безусловно необходимым. Позиция советского правительства в этом вопросе была ясно определена Генералиссимусом Сталиным, указавшим на необходимость строгого международного контроля. Такой контроль, по мнению советского правительства, должен обеспечить неукоснительное выполнение решения о запрещении атомного оружия и использовании атомной энергии только в мирных целях. Позиция советского правительства в вопросе об установлении строгого международного контроля над атомной энергией была неоднократно подтверждена советским представителем в Совете безопасности и атомной комиссии. Эта позиция остаётся неизменной. Установление строгого международного контроля над атомной энергией является одним из важнейших факторов создания международной безопасности и укрепления дружественных отношений между народами.

Обусловливание всеобщего сокращения вооружений установлением контроля над атомной энергией, находящееся в противоречии с решением Генеральной ассамблеи, способно нанести лишь вред для выполнения обеих этих задач — для сокращения вооружений и для установления строгого международного контроля над атомной

энергией. Оно тормозило бы выполнение решения о сокращении вооружений и вооружённых сил и в то же время не продвинуло бы нас вперёд в решении стоящих задач по контролю над атомной энергией, так как вместо укрепления взаимного доверия в среде организации Объединённых наций оно порождало бы недоверие. Правильность такого вывода является очевидной, особенно если учесть, что международный контроль над атомной энергией понимается кое-чем весьма своеобразно.

Представитель Великобритании указал на необходимость, прежде чем принять меры по сокращению вооружений, выполнить положение устава о предоставлении членами организации в распоряжение Совета безопасности вооружённых сил, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Подобная постановка вопроса о соотношении между выполнением решения о сокращении вооружений и проведением мероприятий, предусмотренных статьёй 43 устава, не может быть оправдана.

Выдвигая положение, противоречащее решению Генеральной ассамблеи, британский представитель в комиссии отходит от позиции британской делегации на сессии Генеральной ассамблеи, голосовавшей вместе со всеми другими делегациями за решение о всеобщем сокращении вооружений.

Ставить выполнение решения о всеобщем сокращении вооружений в зависимость от заключения предусматриваемых статьёй 43 устава соглашений о предоставлении членами организации вооружённых сил — это значит тормозить проведение в жизнь решения о сокращении вооружений. Иначе нельзя расценивать положение, выдвинутое представителем Великобритании, который так методично перечислил в своём заявлении от 24 марта с. г. все «препятствия», затрудняющие проведение в жизнь этого решения. Вопрос о заключении упомянутых выше соглашений и задачи, вытекающие из постановления Генеральной ассамблеи о сокращении вооружений и вооружённых сил, должны также решаться одновременно. Именно такой вывод соответствует духу и букве постановления Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Только такая постановка вопроса соответствует интересам ускорения выполнения обеих этих задач — как задачи всеобщего сокращения вооружений и вооружённых сил, так и задачи выполнения положений статьи 43 устава.

Развивая выдвинутые ими положения о гарантиях, представители Великобритании и Соединённых Штатов пытались доказать, что создание эффективного международного контроля и проверка должны предшествовать принятию любой системы регулирования и сокращения вооружений. С подобным положением нельзя согласиться, так как оно является неправильным и не соответствующим решению Генеральной ассамблеи о всеобщем регулировании и сокращении вооружений. Оно является неправильным, потому что международный контроль и проверка являются лишь частью той системы мероприятий, которая должна быть проведена Объединёнными нациями в осуществление этого решения.

Контроль нельзя рассматривать отдельно и независимо от осуществления самих мероприятий по регулированию и сокращению

вооружений. Тем более его нельзя противопоставлять этим мероприятиям. Контроль не может быть осуществлён до проведения Советом безопасности практических мер во исполнение этого решения Объединённых наций. Он необходим тогда, когда проводятся в жизнь и осуществляются на практике сами международные мероприятия, подлежащие контролю.

Советский представитель всемерно поддерживает необходимость установления эффективного контроля над сокращением вооружений. Он, однако, считает неправильным, чтобы рассмотрение вопроса о контроле и практическое осуществление такого контроля затягивало бы подготовку и проведение в жизнь самих мероприятий по всеобщему регулированию и сокращению вооружений. Иная постановка вопроса может лишь повредить решению стоящих перед нами в этой области задач.

Для выполнения решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о всеобщем регулировании и сокращении вооружений необходимо незамедлительно приступить к рассмотрению практических вопросов, связанных с задачей по сокращению вооружений, с тем, чтобы на деле упрочить международную безопасность и взаимное доверие между государствами. Именно этого требуют от нас миролюбивые народы, ожидающие от организации Объединённых наций практического осуществления принятого ею решения.

Особенно ответственные задачи стоят перед Советом безопасности, на который возложено проведение в жизнь решения Генеральной ассамблеи. Он должен в осуществление этого решения провести конкретные мероприятия по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил и перевести установленные Генеральной ассамблеей общие принципы на язык практических действий.

При проведении такого важного мероприятия, каким является всеобщее сокращение вооружений, разумеется, будут встречаться трудности, вытекающие из характера и значения самой задачи. Однако наша обязанность состоит в том, чтобы найти пути преодоления этих трудностей, чтобы обеспечить быстрее выполнение этого важного решения и тем более не создавать искусственных затруднений, которые могут серьёзно повредить делу всеобщего сокращения вооружений и тем самым делу укрепления мира и безопасности. Успехи или неудачи Совета безопасности в этой области неизбежно скажутся на авторитете всей организации Объединённых наций.

Будем надеяться, что Совет безопасности и созданная им комиссия смогут успешно преодолеть затруднения в выполнении стоящей перед ними задачи в этой области и обеспечить скорейшее проведение в жизнь решения о всеобщем сокращении вооружений.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ

(12 мая)

На заседании Совета безопасности 12 мая А. А. Громыко выступил со следующей речью:

7 мая я обратился к генеральному секретарю со следующим письмом: «В связи с решением, принятым комиссией по расследованию греческих пограничных инцидентов от 29 апреля с. г. относительно полномочий вспомогательной группы этой комиссии, я имею честь просить Вас включить в повестку дня следующего заседания Совета безопасности «греческий вопрос», значащийся в списке дел, которыми занимается Совет безопасности».

Обратился я с этой просьбой в Совет безопасности ввиду того, что последние действия упомянутой в моём письме комиссии заслуживают рассмотрения в Совете безопасности. Эти действия должны быть тщательно обсуждены нами, ибо они несовместимы с соответствующими решениями Совета безопасности по греческому вопросу.

Комиссия в своём решении от 29 апреля с. г. пыталась дать определение функций и полномочий так называемой «вспомогательной группы». Изучение решений комиссии, принятых 29 апреля, показывает, однако, что определение функций и полномочий «вспомогательной группы» нельзя оправдать предыдущими решениями Совета безопасности.

Известно, что 18 апреля 1947 года Советом безопасности принята резолюция о том, что комиссия сохранит в районе своей деятельности вспомогательную группу, состоящую из представителей всех членов комиссии по одному представителю от каждого члена, чтобы продолжать выполнение таких функций, какие может поручить комиссия в соответствии со своими полномочиями.

Решение, принятое комиссией 29 апреля, о компетенции «вспомогательной группы» нельзя согласовать с этой резолюцией Совета безопасности от 18 апреля с. г. В самом деле, каково положение, сложившееся после решения комиссии от 29 апреля? Это положение можно вкратце охарактеризовать следующим образом. Комиссия передала автоматически «вспомогательной группе» функции, которые были присвоены самой комиссии решением Совета безопасности.

Таким образом, несмотря на то, что в Греции была оставлена не комиссия для дальнейшей работы, а лишь «вспомогательная группа», в действительности, если бы это решение комиссии проводилось в жизнь, в Греции оставалась бы не «вспомогательная группа», а фактически комиссия со всеми функциями и полномочиями, характерными для самой комиссии.

С таким положением согласиться нельзя. Советский представитель в этой комиссии уже обращал внимание членов комиссии на это обстоятельство и указывал на то, что нельзя механически передавать

функции, присвоенные комиссией, «вспомогательной группе». В противном случае создание «вспомогательной группы» потеряло бы свой смысл, ибо в таком случае «вспомогательная группа» представляла бы собой фактически другую комиссию.

К сожалению, в ходе обсуждения этого вопроса и соответствующих предложений и поправок, внесённых в комиссию представителем Советского Союза, не удалось добиться того, чтобы функции и полномочия «вспомогательной группы» привести в соответствие с предыдущими решениями Совета безопасности, и добиться того, чтобы группа была действительно вспомогательной группой, оказывающей помощь комиссии, а не параллельно действующей второй комиссией.

Тов. Громыко обратил внимание Совета безопасности также на решение Совета от 19 декабря 1946 года, в котором говорится о том, что Совет безопасности создаёт комиссию по расследованию инцидентов на греческих северных границах. Это решение, как известно, явилось результатом обращения в Совет безопасности греческого правительства, результатом предварительного обсуждения этого вопроса, состоявшегося до образования комиссии. Принятое Советом безопасности решение от 19 декабря 1946 года имело своей целью расследование пограничных инцидентов, на которые обратили внимание греческое правительство и правительства Югославии, Болгарии и Албании. В соответствии с этим полномочия и функции комиссии были определены таким образом, что в задачу комиссии вменялось расследование пограничных инцидентов, на которые было обращено внимание Совета безопасности.

Разумеется, в ходе своей работы комиссия по расследованию не могла не заниматься также инцидентами, которые могли возникнуть в то время, когда комиссия проводила свою работу. Насколько мне известно, однако, за период работы комиссии не было каких-либо серьёзных инцидентов. Но полномочия комиссии по расследованию, разумеется, не могли относиться к будущим инцидентам, о которых никто не мог знать, а относились к прошлым инцидентам, на которые обратили наше внимание правительства Греции, Югославии и Албании в процессе обсуждения этого вопроса в Совете безопасности в связи с рассмотрением заявления греческого правительства. Совершенно ясно, что полномочия и функции, определённые предыдущими решениями Совета безопасности для комиссии по расследованию, не могли даже в отношении этой комиссии применяться механически на будущее. В том, что комиссия фактически без изменения передала свои функции «вспомогательной группе», состоит основной порок решений комиссии, принятых ею 29 апреля с. г. Я особенно хочу, сказал т. Громыко, обратить на это внимание Совета безопасности, имея в виду, что в процессе обсуждения этого вопроса мы сможем уточнить функции «вспомогательной группы» и исправить положение.

Кроме того, я обращаю внимание Совета также на следующее обстоятельство. Известно, что при обсуждении греческого вопроса в Совете безопасности мы заслушали не только представителя греческого правительства, но заслушали также представителей правительств других заинтересованных стран — Югославии, Болгарии и Албании. В соответствии с положениями устава нашей организации и её пра-

вилами процедуры Совета безопасности мы допустили представителей Болгарии, Югославии и Албании к участию в дискуссии Совета по этому вопросу. Поступив таким образом, Совет безопасности принял правильное решение относительно порядка рассмотрения греческого вопроса. Между тем, несмотря на этот установленный законный порядок, избранный Советом безопасности, комиссия при вынесении решения от 29 апреля прибегла к другому порядку, который не согласуется с процедурой, избранной Советом безопасности. Комиссия принимала решение относительно полномочий и функций «вспомогательной группы» без участия представителей Югославии, Болгарии и Албании.

Такое положение нельзя оправдать. Комиссия обязана была следовать практике обсуждения этого вопроса в Совете безопасности и рассматривать вопрос о полномочиях и функциях «вспомогательной группы» также с участием представителей всех этих заинтересованных стран. Разумеется, представитель греческого правительства имел также право присутствовать при обсуждении этого вопроса. Поступив иначе, комиссия уклонилась от правильной процедуры рассмотрения этого вопроса и избрала иной порядок, не согласующийся с порядком, вытекающим из устава организации Объединённых наций. Отсюда следует, что не только решение комиссии является неправильным, но неправильным является и метод, при помощи которого комиссия выносила решение о функциях и полномочиях «вспомогательной группы». Советский представитель в упомянутой комиссии внёс также некоторые другие предложения с целью уточнить другие аспекты деятельности этой «вспомогательной группы». В частности, советским представителем было внесено предложение о том, чтобы «вспомогательная группа» находилась в Афинах, а не в Салониках, как это было предложено некоторыми другими представителями в комиссии.

Решение о том, чтобы «вспомогательная группа» обязательно находилась в Салониках, трудно понять, поскольку, что бы ни происходило в разных районах Греции, в том числе и у северных границ Греции, к этому имеют отношение Афины, а не Салоники.

Советский представитель в комиссии вносил также предложение о том, чтобы «вспомогательная группа», образованная в связи с решением Совета безопасности от 18 апреля, проводила свою деятельность только до тех пор, пока будет существовать сама комиссия. К сожалению, это предложение не нашло достаточной поддержки в комиссии, хотя правильность такого предложения является бесспорной. Решение Совета безопасности не оставляет сомнения в том, что «вспомогательная группа» должна проводить свою деятельность в связи с возможными пограничными инцидентами только до тех пор, пока будет существовать сама комиссия по расследованию. В самом начале этой резолюции Совета прямо говорится: «Постановлено, что в ожидании нового решения Совета безопасности комиссия, созданная согласно резолюции Совета безопасности от 19 декабря 1946 года», и т. д.

Деятельность «вспомогательной группы» должна находиться в строгом соответствии с решением Совета безопасности. Она не дол-

жна основываться на автоматической передаче функций комиссии по расследованию «вспомогательной группы».

«Вспомогательная группа» может во исполнение решения Совета безопасности проводить расследование инцидентов, если они будут иметь место. Она, однако, может и должна проводить расследование по поручению комиссии по мере появления инцидентов. Таким образом, речь идёт не о том, чтобы каким-то образом урезать принадлежащие ей права и не дать ей возможности проводить расследование пограничных инцидентов. Речь идёт о том, чтобы права «вспомогательной группы» по расследованию пограничных инцидентов соответствовали действительному характеру её деятельности как «вспомогательной группы». В противном случае идея не только «вспомогательной группы», но и идея самой комиссии может быть скомпрометирована. Иначе вместо пользы получится вред.

Тов. Громыко внёс свои предложения в виде следующего проекта резолюции: «Обсудив решение, принятое комиссией по расследованию инцидентов на греческой границе 29 апреля 1947 года, относительно компетенции «вспомогательной группы» этой комиссии, Совет безопасности постановляет:

1) «вспомогательная группа» будет производить расследование фактов в каждом отдельном случае только по указанию комиссии и будет докладывать комиссии о результатах такого расследования;

2) «вспомогательная группа» будет иметь свою главную квартиру в Афинах и будет выполнять такие функции, какие комиссия Совета безопасности укажет для «вспомогательной группы» в соответствии с пунктом первым этой резолюции;

3) «вспомогательная группа» прекратит свою деятельность одновременно с ликвидацией самой комиссии;

4) комиссия должна привести своё решение о функциях и полномочиях «вспомогательной группы» в соответствии с настоящим решением Совета безопасности.

(ТАСС)

„Известия“ № 112 (9334)
от 15 мая 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА СПЕЦИАЛЬНОЙ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ ПО ВОПРОСУ О ПАЛЕСТИНЕ

(14 мая)

Генеральная ассамблея организации Объединённых наций приступила к рассмотрению доклада Политического комитета о составе комиссии по изучению палестинского вопроса и об инструкциях для этой комиссии.

Ход дискуссии как на пленарных заседаниях Генеральной ассамблеи, так и в комитете показал, заявил А. А. Громыко, что вопрос о Палестине стал острым политическим вопросом. Это мнение

как будто разделяют все делегации, принявшие участие в дискуссии. Такой вывод подтверждается уже тем, что этот вопрос является предметом обсуждения в организации Объединённых наций.

Ход дискуссии показал также, что на данной специальной сессии, повидимому, трудно принять какое-либо определённое и тем более окончательное решение по существу проблемы. Поэтому дискуссию на настоящей сессии можно считать лишь первой стадией рассмотрения вопроса о Палестине. По общему мнению делегаций, решение по существу этого вопроса Генеральной ассамблее предстоит принять на её очередной регулярной сессии в конце 1947 года.

При обсуждении проблемы Палестины, хотя бы и в предварительном порядке, и при обсуждении задач и функций упомянутого выше комитета нельзя не отметить прежде всего того важного факта, что установленная в 1922 году мандатная система управления Палестиной не оправдала себя. Она не выдержала экзамена. Правильность подобного вывода едва ли кто-либо может оспаривать. Не подлежит сомнению тот факт, что поставленные при установлении мандата цели оказались не достигнутыми. Торжественные декларации, которыми сопровождалось установление мандатной системы управления Палестиной, остались декларациями, не нашедшими претворения в жизни.

Имеется достаточно фактов, относящихся к обстановке, сложившейся в Палестине, и в настоящее время подтверждающих сделанный выше вывод. Всем известны происходящие в Палестине кровавые события. Такие события становятся всё более частым явлением. Поэтому они всё более привлекают внимание народов мира и прежде всего организации Объединённых наций. Именно в результате банкротства мандатной системы управления Палестиной, приведшей к крайнему обострению обстановки и кровавым событиям в Палестине, вопрос этот оказался на рассмотрении Генеральной ассамблеи. Сам факт, что британское правительство само передало этот вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи, нельзя расценить иначе, как признание невозможности продолжения существующего в Палестине положения.

Известно, что представители правительства Великобритании уже неоднократно отмечали в разное время ещё до передачи вопроса Генеральной ассамблее, что мандатная система управления Палестиной себя не оправдала и что решение вопроса о том, как быть с Палестиной, должно быть найдено организацией Объединённых наций. Так, например, г-н Бевин заявил в палате общин 18 февраля 1947 года следующее:

«Мы намерены представить организации Объединённых наций исторический отчёт о том, каким образом английское правительство осуществляло свою опеку над Палестиной в течение 25 лет. Мы разъясним, что мандат оказался неосуществимым на практике и что обязательства, взятые перед двумя общинами в Палестине, оказались непримиримыми...»

Существующая форма управления, как подтвердил г-н Бевин, оказалась неприемлемой ни для арабского, ни для еврейского населения Палестины. Против неё протестуют как те, так и другие. Она

не пользовалась и не пользуется поддержкой народов Палестины, а без такой поддержки она может привести лишь к дальнейшим трудностям и осложнениям положения.

Касаясь вопроса об отношении арабского и еврейского населения к мандатной системе управления Палестиной, министр иностранных дел Великобритании в своём выступлении в палате общин 26 февраля 1947 года заявил следующее:

«Перед администрацией в Палестине стояла труднейшая задача. Она не пользовалась поддержкой народа, она подвергалась критике с обеих сторон».

К такому выводу пришло, как известно, не только правительство Великобритании. К такому по существу выводу пришла, например, так называемая англо-американская комиссия по палестинскому вопросу, изучавшая этот вопрос в 1946 году. В докладе этой комиссии говорится следующее о положении, создавшемся в Палестине:

«Палестина представляет собой вооружённый лагерь. Мы обнаружили признаки этого тотчас же после того, как пересекли границу. С каждым днём всё больше и больше обнаруживалось наличие здесь напряжённой атмосферы. Многие здания обнесены изгородями из колючей проволоки и другими оборонительными укреплениями. Нас самих усиленно охраняла вооружённая полиция, зачастую сопровождали бронированные автомобили... По всей стране разбросаны прочно построенные полицейские казармы».

Та же комиссия указывает на следующие весьма интересные факты. Общее число лиц, занятых полный рабочий день в полиции и тюремной администрации в 1945 году, достигло 15 тысяч человек. Эти цифры являются весьма показательными. Они объясняют нам куда уходят значительные средства, лежащие бременем на население. При иных условиях эти средства могли бы быть использованы в интересах экономического и культурного развития страны, в интересах населяющих её народов.

Вот другой факт. В 1944—1945 годах было израсходовано на поддержание «порядка и законности» 18 400 тысяч американских долларов. В течение этого же финансового года на здравоохранение было затрачено лишь 2 200 тысяч американских долларов и на просвещение — 2 800 тысяч американских долларов.

Приведя эти цифры, комиссия приходит к следующему заслуживающему внимания заключению:

«Таким образом, даже с точки зрения бюджетной, Палестина превратилась в своего рода полувоенное и полицейское государство».

Следует ли удивляться, что при таком положении, которое сложилось в Палестине, ликвидации мандата требуют как евреи, так и арабы. На этом они полностью сходятся. По этому вопросу между ними нет разногласий. А с этим Объединённые нации не могут не считаться при рассмотрении вопроса о будущем Палестины.

При обсуждении вопроса о Палестине наше внимание не может не быть приковано к другому важному аспекту этого вопроса. Как известно, с вопросом о Палестине и об её будущем устройстве связаны чаяния значительной части еврейского народа. Это положение

едва ли нуждается в доказательстве. Не удивительно поэтому, что как на сессии Генеральной ассамблеи, так и на заседании Политического комитета этому аспекту уделяется большое внимание. Интерес к нему понятен и вполне оправдывается.

Еврейский народ перенёс в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию. Их трудно выразить рядами сухих цифр о жертвах, понесённых еврейским народом от фашистских оккупантов. На территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти полному физическому истреблению. Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в 6 миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережило войну.

Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понёс еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжёлом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны.

Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишённым своей родины, крова и средств существования. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища.

Большая часть из них находится в лагерях перемещённых лиц, всё ещё продолжая терпеть большие лишения.

Позволительно спросить, могут ли Объединённые нации, учитывая такое тяжёлое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявить интереса к положению этих людей, оторванных от родины и своих очагов? Организация Объединённых наций не может равнодушно наблюдать такое положение, ибо это было бы несовместимо с высокими принципами, провозглашёнными в её уставе, принципами, предусматривающими защиту прав человека, независимо от его расы, религиозных убеждений, пола. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь. Необходимо проявить заботу о неотложных нуждах народа, перенёсшего тяжёлые страдания в результате войны, развязанной гитлеровской Германией. Это является долгом Объединённых наций.

Обращая внимание на необходимость проявления заботы о нуждах еврейского населения, очутившегося без крова и средств существования, советская делегация считает необходимым в этой связи обратить внимание Генеральной ассамблеи на следующее важное обстоятельство. Опыт прошлого, особенно за период второй мировой войны, показал, что ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников. Это тяжёлый факт. Но, к сожалению, как и все факты, его необходимо признать.

То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право

еврейского народа на осуществление такого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя оправдать, особенно учитывая всё то, что он пережил за вторую мировую войну. Следовательно, изучение и этого аспекта вопроса и подготовка соответствующих предложений должны также составлять важную задачу комитета.

Я сейчас подхожу к вопросу, который является основным в связи с обсуждением задач и полномочий комитета, который мы предполагаем создать, к вопросу о будущем Палестины. Известно, что существует немало разного рода проектов относительно будущего устройства Палестины и решения еврейского вопроса в связи с проблемой Палестины. В частности, по этому вопросу некоторые предложения были подготовлены и упомянутой мною англо-американской комиссией. Из числа наиболее известных появившихся проектов о будущем устройстве Палестины необходимо отметить следующие:

1. Образование единого арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев.
2. Раздел Палестины на два самостоятельных государства — арабское и еврейское.
3. Создание из Палестины арабского государства без должного учёта прав еврейского населения.
4. Создание из Палестины еврейского государства без должного учёта прав арабского населения.

Каждый из этих четырёх основных планов имеет в свою очередь разные варианты урегулирования отношений между арабами и евреями и решения некоторых других вопросов. Я не собираюсь сейчас подробно анализировать все эти проекты. Советский Союз изложит более детально свою позицию в отношении разных планов тогда, когда будут подготавливаться и рассматриваться конкретные предложения, и тем более, когда будут приниматься решения о будущем Палестины. В данное время я ограничусь лишь некоторыми замечаниями по существу предлагаемых проектов под углом зрения определения задач комитета и в этой области.

При анализе разного рода проектов о будущем Палестины необходимо прежде всего учитывать специфику этого вопроса. Необходимо принимать во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов — арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны.

Историческое прошлое, равно как и условия, создавшиеся в Палестине в настоящее время, не могут оправдать любое одностороннее решение палестинского вопроса как в пользу создания независимого арабского государства без учёта законных прав еврейского народа, так и в пользу создания независимого еврейского государства, игнорируя законные права арабского населения. Оба таких крайних решения не принесли бы справедливого решения этого сложного вопроса, так как прежде всего они не обеспечили бы

урегулирования отношений между арабами и евреями, что является важнейшей задачей.

Справедливое решение его можно найти только при условии, когда будут в достаточной степени приняты во внимание законные интересы обоих этих народов. Всё это даёт основание для советской делегации сделать вывод, что законные интересы как еврейского, так и арабского народов Палестины могут быть защищены должным образом только при создании независимого двуединого демократического арабско-еврейского государства.

Такое государство должно быть основано на предоставлении равных прав для еврейского и арабского населения, что могло бы заложить основу для сотрудничества между этими двумя народами в их общих интересах и для пользы их обоих. Известно, что такой план решения вопроса о будущем Палестины имеет хождение в самой Палестине.

Современная история знает не только расовую и религиозную дискриминацию, которая, к сожалению, ещё в некоторых странах имеет место. Она даёт нам также и примеры мирного сотрудничества разных национальностей в рамках единого государства, сотрудничества, в процессе которого каждая из национальностей имеет неограниченные возможности вкладывать свой труд и проявлять таланты в рамках единого государства и в общих интересах всего населения. Не ясно ли, что при решении вопроса о Палестине весьма полезно учесть имеющийся опыт такого дружеского сосуществования и братского содружества разных национальностей в рамках единого государства.

Решение вопроса о Палестине путём создания единого арабско-еврейского государства с равными правами для евреев и арабов можно, таким образом, рассматривать, как один из возможных и наиболее заслуживающих внимания путей решения этой сложной проблемы. Такое решение вопроса о будущем Палестины могло бы явиться здоровой основой для мирного существования и сотрудничества арабского и еврейского населения Палестины в интересах обоих этих народов и для блага всего населения Палестины, для мира и безопасности на Ближнем Востоке.

Если бы оказалось, что этот вариант является неосуществимым ввиду испортившихся отношений между евреями и арабами, тогда необходимо было бы рассмотреть второй вариант, также имеющий, как и первый, хождение в Палестине, предусматривающий раздел Палестины на два самостоятельных, независимых государства — еврейское и арабское. Повторяю, такое решение вопроса о Палестине оправдывалось бы только в том случае, если бы оказалось, что отношения между еврейским населением и арабским населением Палестины действительно настолько плохи, что их невозможно наладить и обеспечить их мирное сосуществование.

Оба эти возможные варианта решения вопроса о будущем Палестины, разумеется, должны быть изучены комитетом тщательно. Задачей его должно явиться всестороннее и тщательное рассмотрение проектов об устройстве Палестины с тем, чтобы представить на следующей очередной сессии Генеральной ассамблеи продуманные

и мотивированные предложения, которые помогли бы организации Объединённых наций найти справедливое решение этого вопроса, отвечающее интересам народов Палестины, интересам организации Объединённых наций и укрепления мира и международной безопасности.

(ТАСС)

„Известия“ № 113 (9335) от 16 мая 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ДОКЛАДА ВОЕННО-ШТАБНОГО КОМИТЕТА

(6 июня)

6 июня на заседании Совета безопасности при обсуждении доклада Военно-штабного комитета выступил с речью представитель СССР в Совете безопасности А. А. Громыко.

В своём выступлении А. А. Громыко указал, что доклад Военно-штабного комитета посвящён важному вопросу — выполнению статьи 43 устава Объединённых наций, предусматривающей предоставление государствами — членами организации в распоряжение Совета безопасности в соответствии с особыми соглашениями определённых вкладов в виде вооружённых сил, помощи и средств обслуживания. Значение этого вопроса, сказал т. Громыко, определяется тем местом, которое занимает статья 43 в уставе, и важностью предусматриваемых ею мероприятий в общей системе мер, подлежащих проведению Объединёнными нациями в интересах поддержания международного мира.

Отметив, что разработка основных принципов организации вооружённых сил является не только важной, но и сложной задачей, т. Громыко остановился на наиболее важных несогласованных вопросах, а также на том, каковы действительные причины недостаточного прогресса в работе Военно-штабного комитета.

Из доклада Военно-штабного комитета видно, сказал т. Громыко, что этому органу пока не удалось решить вопрос о том, каким принципом необходимо руководствоваться при определении вносимых государствами вкладов вооружёнными силами, предоставляемыми в распоряжение Совета безопасности. Нам поэтому предстоит решить этот важный вопрос в Совете безопасности. Необходимо договориться по вопросу о численности и составе вооружённых сил, предоставляемых странами — постоянными членами Совета безопасности.

Надо прямо сказать, что расхождения, наметившиеся по этому вопросу в Военно-штабном комитете, имеют серьёзный характер. Сушность этих расхождений состоит в следующем. Советский Союз настаивает на сохранении за всеми государствами — постоянными членами Совета безопасности равного положения в предоставлении

ими вооружённых сил. Это равное положение будет обеспечено в том случае, если все постоянные члены будут предоставлять вооружённые силы по принципу равенства.

Соответствующее советское предложение, внесённое в Военно-штабной комитет, гласит:

«Постоянные члены Совета безопасности предоставляют вооружённые силы (наземные, военно-морские и военно-воздушные) на принципе равенства в отношении общей численности и состава этих сил. Отдельные отступления от этого принципа допускаются по особым решениям Совета безопасности при наличии соответствующего пожелания какого-либо постоянного члена Совета безопасности».

Советское предложение, таким образом, предусматривает, что пять держав предоставляют Совету безопасности вооружённые силы не только одинаковой общей численности, но и одинакового состава — одинаковое число наземных, военно-морских и военно-воздушных сил.

Казалось бы, это предложение не должно встретить возражений, так как необходимость сохранения пятью державами в этом отношении равного положения является очевидной. Между тем против него выдвинуто возражение. Вместо принципа равенства, предлагаемого Советским Союзом, делегации других представленных в Военно-штабном комитете стран выдвинули принцип так называемых «сравнительно равных вкладов». Согласно этому принципу, постоянные члены Совета безопасности вносят лишь приблизительно равные вклады в виде вооружённых сил. Данная формула предусматривает, что такие вклады могут различаться как по общей численности, так и по составу.

Указав, что между двумя предложениями имеется довольно большая разница и что принцип равенства в предоставлении вооружённых сил пятью постоянными членами Совета безопасности, предложенный представителями СССР, опирается на положения устава Объединённых наций, возлагающие главную ответственность за поддержание международного мира на эти государства, т. Громыко продолжал:

В то время, как советское предложение исходит из необходимости сохранения за пятью державами равного положения в этом вопросе, предложение других стран игнорирует это необходимое условие. Нас пытаются убеждать в том, что с этим требованием в данном случае можно не считаться, что одно дело — равенство постоянных членов по уставу, другое дело — их фактическое равенство при решении такого важного вопроса, каким является вопрос о вкладах вооружённых сил.

Принцип сравнительно равных вкладов допускает, что некоторые из пяти государств могут выделять основную часть вооружённых сил главным образом в виде военно-воздушных сил, другие — главным образом в виде военно-морских сил, третьи — главным образом в виде наземных войск и т. д. Это привело бы к преимущественному положению некоторых государств в предоставлении ими вооружённых сил.

С игнорированием законного требования о сохранении одинакового положения за всеми постоянными членами Совета безопасности при решении этого важного вопроса невозможно согласиться.

Вполне возможно, что та или иная держава найдёт для себя затруднительным предоставить вооружённые силы в таком же объеме и такого же состава, как другие государства. Однако такое положение можно рассматривать как исключение из общего правила, что допускается приведённым мною выше советским предложением. В таком случае Совет безопасности в соответствии с пожеланием страны должен принять специальное решение, идущее навстречу этим пожеланиям.

Таким образом, советское предложение о принципе равных вкладов является достаточно гибким для того, чтобы учесть реальные возможности той или иной страны и сделать для неё в случае необходимости исключение. Я указываю на это и потому, что авторы предложения о сравнительно равных вкладах иногда заявляют, будто бы советское предложение не учитывает того, что военная мощь пяти держав не одинакова. В действительности же, как видим, дело обстоит не так.

Противники принципа равных вкладов указывают, сказал далее т. Громыко, что этот принцип будто бы противоречит созданию эффективных вооружённых сил. Это утверждение лишено всякого основания. Почему одинаковые по численности и составу вооружённые силы, предоставляемые постоянными членами Совета, должны быть менее эффективными по сравнению с силами, не одинаковыми по численности и составу, остаётся секретом тех, кто выдвигает подобную странную аргументацию.

Принятие принципа сравнительно равных вкладов означало бы создание такого положения, когда некоторые страны занимали бы господствующее положение в вооружённых силах, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности, по сравнению с другими странами. Принятие этого принципа могло бы привести к использованию организации вооружённых сил в интересах отдельных сильных государств и в ущерб законным интересам других стран. Именно к этому ведёт предложение о принципе сравнительно равных вкладов.

Тов. Громыко указал далее, что с разгромом агрессивного блока, возглавлявшегося гитлеровской Германией и милитаристической Японией, не существует необходимости в содержании Объединёнными нациями непомерно многочисленных вооружённых сил. В таких условиях, сказал он, нельзя оправдать содержание вздутых армий, флотов, авиации, в том числе и вооружённых сил, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности.

При существующем положении Совету безопасности достаточно будет иметь в своём распоряжении сравнительно небольшие вооружённые силы. Правильность такого вывода становится ещё более очевидной в свете решения Объединённых наций о всеобщем сокращении вооружений и вооружённых сил. Невозможно было бы оправдать такое положение, когда одновременно с рассмотрением мероприятий по проведению в жизнь этого решения члены организации,

особенно государства — члены Совета безопасности, содержали бы непомерно раздутые вооружённые силы, да ещё узаконили бы содержание таких сил путём заключения соглашений с Советом безопасности.

Такое положение нельзя было бы согласовать с упомянутым выше решением Объединённых наций и с теми обязательствами, которые взяли на себя, согласно этому решению, все государства — члены организации. Более того, оно противоречило бы этому решению и этим обязательствам. Народы, всё ещё несущие большие материальные тяготы в связи с содержанием Объединёнными нациями непомерно многочисленных армий, флотов, авиации, такого положения не могли бы понять и тем более оправдать.

При решении вопросов о размерах вкладов, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности, мы обязаны принимать во внимание это решение о всеобщем сокращении вооружений и делать соответствующие практические выводы при определении численности предоставляемых контингентов. Так как Совету безопасности достаточно будет иметь в своём распоряжении сравнительно небольшие вооружённые силы, то отсюда следует, что даже страны, более слабые в военном и экономическом отношении, могут не встретить серьёзных затруднений в предоставлении своих вкладов вооружёнными силами по принципу равенства с другими, более мощными державами.

Советское предложение, таким образом, выгодно отличается от предложения, внесённого представителями некоторых других стран, и с этой стороны. Оно не только находится в полном соответствии с принципами Объединённых наций, так как исходит из необходимости сохранения равного положения пяти держав, но исходит также из тех важных задач, которые поставила перед собой наша организация в связи с решением о всеобщем сокращении вооружений.

Тов. Громыко сказал, что не менее серьёзные расхождения намечались в Военно-штабном комитете по вопросу о базах. Представители Соединённых Штатов и Великобритании внесли предложения, согласно которым особые соглашения, о которых идёт речь в статье 43 устава, должны предусматривать предоставление Объединёнными нациями в распоряжение Совета безопасности не только вооружённых сил, помощи и средств обслуживания (что предусмотрено уставом), но также и баз — военных, военно-морских и военно-воздушных. Несколько отличное по формулировке, но по существу такое же предложение было внесено представителями Франции. Обсуждение этого вопроса и соответствующих предложений в Военно-штабном комитете, разумеется, не могло привести к соглашению по вполне очевидным причинам.

Предложения о базах нельзя принять прежде всего потому, что предоставление баз не предусматривается ни статьёй 43, ни уставом Объединённых наций вообще. В уставе не упоминается о базах. В нём говорится о вооружённых силах, помощи и средствах обслуживания, включая право прохода, но не о базах.

Советские представители исходили именно из того факта, что

вопрос о базах не должен возникать. Соответственно, советское предложение, внесённое в Военно-штабной комитет по вопросу о помощи и средствах обслуживания, находится в строгом соответствии с уставом и, в частности, со статьёй 43. Это предложение гласит:

«Особые соглашения, предусмотренные в статье 43 устава, будут указывать помощь и средства обслуживания, включая право прохода, которые члены Объединённых наций предоставят в распоряжение Совета безопасности по его требованию в соответствии с отдельными соглашениями, заключаемыми между Советом безопасности и заинтересованными членами Объединённых наций.

Отдельные соглашения, заключаемые в соответствующее время между Советом безопасности и заинтересованным членом Объединённых наций, будут указывать продолжительность срока и другие условия, связанные с пользованием правами, предоставленными, таким образом, вооружённым силам, действующим по указанию Совета безопасности».

Как я уже указал, это предложение полностью соответствует уставу Объединённых наций, чего нельзя сказать о предложениях, внесённых представителями других государств.

Предоставление баз неизбежно ведёт к тому, что страны, их предоставившие, поступают своим суверенитетом со всеми вытекающими из этого последствиями. Дело не меняется от того, что предоставление баз было бы оформлено соглашениями, заключёнными с Советом безопасности. Скорее наоборот, это лишь усугубляло бы положение, так как Совет безопасности тем самым узаконивал бы в связи с созданием баз длительное пребывание войск одних стран — членов организации на территориях и в водах других стран — членов организации.

Принятие предложения о базах было бы использовано одними странами для оказания политического давления на другие страны, предоставившие такие базы. В этом можно не сомневаться, особенно если мы учтём уже известные аналогичные факты из области международных отношений. Каждый из нас может, не затрудняясь, указать на ряд примеров, подтверждающих правильность такого вывода.

Всё это даёт основание сделать вывод о том, что такое требование должно быть отклонено.

Сказанное мною в одинаковой степени относится к предложению, предусматривающему так называемые «общие гарантии прав прохода», предложению, которое, как это видно из доклада, отстаивается представителями Соединённого Королевства. Соединённых Штатов и Китая. Это предложение, как и предложение о базах, также не соответствует уставу и не вытекает из задач, стоящих в связи с разработкой общих принципов организации вооружённых сил.

Предусматривая предоставление государствами — членами организации права прохода, устав не оставляет сомнений в том, что такое право предоставляется на условиях особого соглашения, подлежащего ратификации подписавших его государств. Это значит,

что любое государство свободно решать вопрос о том, предоставляет ли оно право прохода или не предоставляет, и если предоставляет, то на каких условиях.

Переходя к вопросу о расположении вооружённых сил, т. Громько сказал:

Советское предложение по вопросу о расположении вооружённых сил предусматривает, что эти силы должны находиться на собственных территориях, и только на собственных. Это предложение гласит:

«Вооружённые силы, предоставляемые членами Объединённых наций в распоряжение Совета безопасности, размещаются в границах собственных территорий или территориальных вод членом Объединённых наций, предоставивших эти силы, за исключением случаев, предусмотренных статьёй 107 устава».

Расхождения существуют по первой части приведённого мною предложения, т. е. по вопросу о том, могут ли эти вооружённые силы содержаться на других (помимо бывших вражеских стран) территориях, кроме собственных территорий и территориальных вод.

В докладе, кроме советского предложения, фигурируют:

1) совместное предложение Соединённых Штатов, Соединённого Королевства и Китая и 2) предложение Франции.

Как и по вопросу о базах, разница между этими двумя последними предложениями несущественная. В обоих рекомендуется иное решение вопроса, принципиально отличное от того, что предусматривается советским предложением. Оба они предусматривают расположение вооружённых сил как на собственных территориях, так и за пределами собственных территорий и территориальных вод.

Советское предложение исходит из того, что когда вооружённые силы не имеют заданий Совета безопасности, то им нечего делать на территориях других стран и вообще за пределами собственных территорий.

Присутствие вооружённых сил за пределами собственных территорий может вызвать лишь осложнение для стран, на территории которых они будут расположены, да и не только для этих стран. Это влияние имело бы более чем локальное значение.

Пребывание вооружённых сил одних стран на территориях других стран, в том числе членом Объединённых наций, явилось бы средством политического давления на эти другие страны. Дело не изменится от того, если мы скажем, что вооружённые силы могут содержаться на любых территориях или в водах, «куда они имеют законное право доступа», как это говорится в упомянутом предложении США, Великобритании и Китая. В равной степени дело не изменится от того, если мы скажем, что вооружённые силы могут содержаться на территориях или в водах других наций, куда эти силы «имеют доступ по международным соглашениям, зарегистрированным в секретариате Объединённых наций и опубликованным в соответствии со статьёй 102 устава», как это говорится во французском предложении.

Указание на «законное право доступа» или даже на соглашения не устраняет тех отрицательных последствий, которые влечёт за

собой пребывание иностранных войск как для стран, на территориях которых такие войска находятся, так и вообще для отношений между государствами.

Узаконивание соглашениями пребывания войск одних стран на территориях других стран привело бы к тому, что такое пребывание фактически стало бы постоянным явлением. Это противоречит целям и принципам поддержания мира. Организация не должна допускать такого положения.

Принятие подобных предложений поставило бы некоторых членов организации Объединённых наций в зависимое положение от великих держав, которые в основном и будут предоставлять вооружённые силы в распоряжение Совета безопасности. А именно к этому тянут нас те, кто вносит такого рода предложения.

Всё это обязывает нас внимательно отнестись к этому вопросу и не допустить поспешного и неправильного решения.

Касаясь вопроса о том, когда и в какие сроки вооружённые силы должны быть отозваны на территории и воды предоставивших их стран после того, как эти вооружённые силы закончат выполнение поручений Совета безопасности по поддержанию мира, т. Громыко заявил, что наметившиеся разногласия в этом вопросе весьма похожи на те, которые имеют место по вопросу о расположении вооружённых сил.

Советское предложение предусматривает, сказал т. Громыко, что вооружённые силы после выполнения ими мероприятий по поддержанию мира, предусмотренных статьёй 42 устава, должны быть отозваны на свои собственные территории и в собственные территориальные воды в срок от 30 и до 90 дней, если не будет иного решения Совета безопасности. Этот срок должен быть указан в особых соглашениях, заключаемых в соответствии со статьёй 43 устава. По-иному поставлен этот вопрос в предложении, которое отстаивается представителями других стран. В этом предложении указывается лишь на то, что вооружённые силы, предоставляемые в распоряжение Совета безопасности, будут отводиться после выполнения ими поручений Совета «как можно скорее» на места их общего расположения, определяемые особыми соглашениями. Согласно этому предложению Совет должен будет каждый раз устанавливать время начала и окончания такого отвода.

Вместо ясного указания, содержащегося в советском предложении, на то, что вооружённые силы после выполнения ими поручений Совета безопасности должны будут уйти на собственные территории и в собственные территориальные воды в течение определённого ограниченного срока, нам предлагается вообще не указывать в соглашениях никаких сроков для отвода. Упомянутая общая формула, предусматривающая отзыв вооружённых сил «как можно скорее», является совершенно недостаточной. Она не обязывает эти вооружённые силы покинуть чужие территории, когда в их пребывании там отпадает необходимость, когда их пребывание на таких территориях не будет вызываться интересами поддержания мира. Эта формула в случае принятия явилась бы предпосылкой для дли-

тельного пребывания иностранных войск на чужих территориях, что недопустимо с точки зрения основных целей нашей организации.

Принятие этого предложения повело бы к умалению суверенитета некоторых стран — членов организации Объединённых наций. Это было бы в угоду не организации в целом, а отдельным крупным державам, предоставляющим вооружённые силы. Понятно, что этим могут затрагиваться интересы прежде всего малых стран.

Нелишне напомнить в этой связи о том общеизвестном факте, что в прошлом было немало случаев, когда войска одних стран, очутившиеся на территориях других стран, продолжают оставаться на этих территориях ещё и сейчас, а если в некоторых случаях и собираются покидать их, то весьма и весьма неохотно. В отдельных случаях иностранные войска попали на территории других стран десятки лет назад и, тем не менее, всё ещё не возвратились в свой собственный дом, хотя в странах, где они находятся, они рассматриваются в качестве непрошенных гостей.

Позиция Советского Союза и в этом вопросе полностью соответствует принципам нашей организации и интересам развития дружественных отношений между странами, чего отнюдь нельзя сказать о предложениях, внесённых по этому вопросу представителями других стран.

Далее т. Громыко коснулся расхождений, наметившихся в Военно-штабном комитете по вопросу об обеспечении вооружённых сил, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности. Сущность разногласий, сказал т. Громыко, можно охарактеризовать следующим образом. Советские представители в Военно-штабном комитете при рассмотрении этого вопроса руководствовались тем, что предоставляющие вооружённые силы государства должны сами позаботиться о том, чтобы эти силы были соответствующим образом обеспечены вооружением, снаряжением и транспортом. Только при этом условии они могут являться реальным вкладом той или иной страны.

Казалось бы, это вполне законное требование не должно вызывать возражений. Между тем против этого требования выдвигаются возражения. Нам пытаются доказывать, что предоставляющие вооружённые силы государства не обязательно должны обеспечивать эти силы сами. Почему-то считается нормальным такое положение, при котором, например, людской состав может быть предоставлен одними странами, а вооружение, снаряжение и транспортные средства могут быть предоставлены другими странами.

Внесённое представителями других стран предложение содержит прямое указание на то, что страны, предоставляющие вооружённые силы, не обязаны сами их обеспечивать и обслуживать. Этим предложением предусматривается, что страна может обратиться за получением помощи к Совету безопасности. Последний принимает меры к предоставлению такой помощи за счёт другой страны. Это положение может быть использовано для политических выгод и преимуществ сильными государствами, располагающими возможностями снабжать и снаряжать вооружённые силы других стран. Стремление некоторых сильных держав к тому, чтобы

снабжать и снаряжать вооружённые силы других государств, может быть расценено как домогательство получить возможность влиять на политику этих государств и занять таким путём господствующее положение в вооружённых силах, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности.

Именно такое положение создалось бы, если бы те или иные страны, хотя и предоставили бы личный состав, но не позаботились бы о предоставлении для этого личного состава соответствующего вооружения, снаряжения и обслуживания. С таким положением нельзя согласиться. Организация Объединённых наций должна позаботиться о том, чтобы этого не допустить.

Могут сказать, что для некоторых государств будет трудно обеспечить собственными силами и средствами предоставляемый ими личный состав. Допустим, что это возможно. Однако в случае, если бы та или иная страна действительно оказалась не в состоянии обеспечить вооружением, снаряжением и всем обслуживанием предоставляемый ею личный состав, тогда Совет безопасности мог бы рассмотреть этот вопрос и сделать для этой страны по её просьбе соответствующее исключение. Советское предложение и по этому вопросу предусматривает возможность таких исключений. В то же время оно устраняет всякую возможность того, чтобы одни страны попадали бы в зависимое положение от других при выполнении взятых на себя обязательств по поддержанию мира в связи с заключением специальных соглашений.

Говоря о некоторых других несогласованных вопросах, т. Громыко остановился на общих принципах и праве наций на самооборону, напомнив при этом о статье 51 устава Объединённых наций, предусматривающей неотъемлемое право государства на самооборону в случае вооружённого нападения.

Казалось бы, сказал т. Громыко, эта статья устава является ясной. Между тем военным представителям пока по ней не удалось договориться.

Предлагается, например, специально указать в основных принципах на то, что предоставляемые в распоряжение Совета безопасности вооружённые силы могут использоваться в случае «экстренной национальной необходимости» по усмотрению стран, предоставляющих такие вооружённые силы, т. е. не для целей поддержания международного мира.

Включение такого положения в общие принципы может быть использовано в некоторых случаях для уклонений от выполнения обязательств, взятых государствами по соглашениям под предлогом необходимости использования предоставленных вооружённых сил для других целей, не имеющих ничего общего с задачами поддержания международной безопасности и с проведением с этой целью международных мероприятий.

Далее т. Громыко остановился на вопросе о военно-воздушных силах.

Тов. Громыко отметил также, что не согласован пока вопрос о стратегическом руководстве вооружёнными силами. Позиция СССР, США и Китая сводится к тому, что вопрос этот не является

срочным и во всяком случае его изучение также не связано с рассмотрением основных принципов организации вооружённых сил. Было бы вполне нормальным на данной стадии изучения с военной точки зрения статьи 43 устава предусмотреть в общих принципах лишь то, что Совет безопасности по совету Военно-штабного комитета может в соответствующее время назначить общего командующего или командующих вооружёнными силами. Представители Великобритании и Франции требуют, чтобы уже теперь были решены некоторые детали, относящиеся к стратегическому руководству и командованию, в частности, к взаимоотношениям между главным командованием и командующими наземными, военно-морскими и военно-воздушными силами, а также к порядку назначения командующих.

Всё сказанное обязывает меня сделать следующие выводы:

1. Военно-штабной комитет, разумеется, проделал некоторую полезную работу. Он представил ряд согласованных рекомендаций по общим принципам организации вооружённых сил. Эти согласованные предложения, надо полагать, получают одобрение со стороны Совета безопасности.

2. Вместе с тем необходимо сказать, что Военно-штабной комитет не решил ряда важных вопросов, имеющих принципиальное значение для дела организации вооружённых сил. Выше мною были перечислены главнейшие из них.

3. Недостаточный прогресс в работе Военно-штабного комитета, а следовательно, отсутствие должного прогресса в деле организации вооружённых сил, предоставляемых в распоряжение Совета безопасности, объясняется тем, что по ряду важнейших вопросов вносились предложения, не совместимые с задачами и целями Военно-штабного комитета и основными принципами нашей организации. Поэтому ответственность за медлительность в работе этого органа лежит на тех делегациях, которые систематически вносили такого рода предложения.

4. Успешное решение вопросов, связанных с установлением общих принципов, как и любых других проблем, имеющих отношение к поддержанию мира, возможно только тогда, когда все мы будем руководствоваться основными принципами и целями Объединённых наций, а не интересами отдельных сильных и влиятельных держав. Это необходимое условие не всеми соблюдалось до сих пор в работе Военно-штабного комитета.

В заключение т. Громыко выразил надежду, что рассмотрение доклада Военно-штабного комитета в Совете безопасности позволит договориться по вопросам, которые до сих пор ещё не удалось согласовать. Во всяком случае, сказал т. Громыко, советская делегация сделает всё от неё зависящее, чтобы добиться успеха в этом важном деле.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ ПО КОНТРОЛЮ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

(11 июня)

11 июня на заседании комиссии по контролю над атомной энергией выступил советский представитель в Совете безопасности А. А. Громыко. В своём выступлении т. Громыко сказал:

Прошло уже полтора года со времени принятия Генеральной ассамблеей решения о создании комиссии по контролю над атомной энергией. Более полугода прошло со времени решения Объединённых наций о принципах всеобщего регулирования и сокращения вооружений, в котором в качестве важнейшей задачи поставлена задача запрещения атомного и других видов оружия массового уничтожения. Между тем, надо прямо сказать, что комиссия по контролю над атомной энергией не сделала должного прогресса в своей работе.

Положение не изменилось существенно и после рассмотрения Советом безопасности так называемого первого доклада атомной комиссии, который, как известно, был принят не всеми государствами, представленными в этой комиссии.

Пора уже взяться за решение конкретных задач, стоящих перед Советом безопасности и действующей по его директивам комиссией, в связи с установлением международного контроля над атомной энергией, начиная с важнейших из них. Уклонение от решения таких задач, разумеется, ничего хорошего не может принести, а лишь ставит под удар всю идею международного контроля над атомной энергией и принятие с этой целью решения Объединённых наций.

Советское правительство и впредь будет настаивать на том, чтобы поставленные Объединёнными нациями задачи по запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения рассматривались под углом зрения необходимости их безотлагательного решения, и с этой целью будет продолжать делать всё возможное для того, чтобы принятие решения перевести на язык практических действий.

«Советское правительство в дополнение и в развитие своего предложения относительно заключения международной конвенции о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, внесённого на рассмотрение комиссии по контролю над атомной энергией 19 июня 1946 года, представляет на рассмотрение вышеназванной комиссии нижеследующие основные положения, которые должны лечь в основу международного соглашения или конвенции о контроле над атомной энергией:

1. Для обеспечения использования атомной энергии лишь в мирных целях, в соответствии с международной конвенцией о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, а также в целях предотвращения нарушений конвенции о запрещении атомного оружия и защиты государств, соблю-

дающих условия конвенции, от риска нарушений и уклонений устанавливается строгий международный контроль одновременно над всеми предприятиями, занятыми добычей атомного сырья и производством атомных материалов и атомной энергии.

2. Для осуществления мероприятий по контролю над предприятиями атомной энергии учреждается, в рамках Совета безопасности, международная комиссия по контролю над атомной энергией, именуемая Международной контрольной комиссией.

3. Международная контрольная комиссия располагает своим инспекторским аппаратом.

4. Условия и организационные принципы международного контроля над атомной энергией, а также состав, права и обязанности Международной контрольной комиссии, равно как и положения, на основе которых она осуществляет свою деятельность, определяются специальной международной конвенцией о контроле над атомной энергией, заключаемой в соответствии с конвенцией по запрещению атомного оружия.

5. В целях обеспечения эффективности международного контроля над атомной энергией в основу конвенции о контроле над атомной энергией кладутся следующие основные положения:

а) Международная контрольная комиссия составляется из представителей государств, представленных в комиссии по контролю над атомной энергией, учрежденной решением Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года, и может учреждать такие вспомогательные органы, какие она найдет необходимыми для выполнения своих функций.

б) Международная контрольная комиссия устанавливает свои собственные правила процедуры.

в) Персонал Международной контрольной комиссии подбирается на международной основе.

г) Международная контрольная комиссия периодически осуществляет инспектирование предприятий, добывающих атомное сырьё и производящих атомные материалы и атомную энергию.

6. Осуществляя инспектирование предприятий атомной энергии, Международная контрольная комиссия предпринимает следующие действия:

а) Обследует деятельность предприятий, добывающих атомное сырьё и производящих атомные материалы и атомную энергию, а также проверяет их отчетность.

б) Проверяет наличные запасы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов.

в) Изучает производственные операции в объеме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии.

г) Наблюдает за выполнением предписанных конвенцией о контроле правил технической эксплуатации предприятий, а также разрабатывает и предписывает правила технологического контроля для этих предприятий.

д) Собирает и обрабатывает данные о добыче атомного сырья и производстве атомных материалов и атомной энергии.

е) Проводит специальные обследования в случаях возникновения подозрения о нарушении конвенции по запрещению атомного оружия.

ж) Делает рекомендации правительствам по вопросам, относящимся к производству, хранению и использованию атомных материалов и атомной энергии.

з) Делает рекомендации Совету безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенций о запрещении атомного оружия и контроле над атомной энергией.

7. Для выполнения задач по контролю и инспектированию, возложенных на Международную контрольную комиссию, последняя будет располагать правом:

а) Доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья и материалов, а также по эксплуатации атомной энергии.

б) Ознакомления на предприятиях атомной энергии с производственными операциями в объёме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и энергии.

в) Производства взвешивания, промеривания и различного рода анализов атомного сырья, материалов и полуфабрикатов.

г) Истребования от правительства любого государства и проверки различного рода сведений и отчётов о деятельности предприятий атомной энергии.

д) Истребования различного рода объяснений по вопросам, относящимся к деятельности предприятий атомной энергии.

е) Дачи рекомендаций и представлений правительствам по вопросу производства и использования атомной энергии.

ж) Представления на рассмотрение Совета безопасности рекомендаций о мерах в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и контроля над атомной энергией.

8. В соответствии с задачами международного контроля над атомной энергией следующие положения кладутся в основу научно-исследовательской деятельности в области атомной энергии:

а) Научно-исследовательская работа в области атомной энергии должна быть подчинена необходимости выполнения конвенции по запрещению атомного оружия и недопущения использования её в военных целях.

б) Государства, подписавшие конвенцию по запрещению атомного оружия, должны иметь право проводить без ограничений научно-исследовательскую работу в области атомной энергии, направленную на изыскание способов использования её в мирных целях.

в) В интересах эффективного выполнения своих контрольных и инспекторских функций Международная контрольная комиссия должна иметь возможность проводить научно-исследовательскую деятельность в области изыскания способов использования атомной энергии для мирных целей. Проведение такой деятельности позволит ей быть в курсе последних научных достижений в этой области и иметь квалифицированный собственный международный персо-

нал, необходимый комиссии для практического проведения мероприятий по контролю и инспекции.

г) В проведении научно-исследовательской работы в области атомной энергии одной из важнейших задач Международной контрольной комиссии должно быть обеспечение широкого обмена информацией в этой области между странами и оказание необходимой помощи путём консультации тем странам — участникам конвенции, которые могут нуждаться в такой помощи.

д) Международная контрольная комиссия должна располагать материальными средствами, в том числе научными лабораториями и опытными установками, необходимыми для надлежащей организации проводимой ею научно-исследовательской деятельности».

В заключение я хочу выразить надежду, что эти предложения будут рассмотрены нашей комиссией с должным вниманием и что они помогут нам достигнуть соглашения в вопросе об установлении международного контроля над атомной энергией.

(ТАСС)

„Известия“ № 137 (9559)
от 13 июня 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПЛАНА РАБОТЫ КОМИССИИ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ (8 июля)

Советский делегат А. А. Громыко в своём выступлении на заседании Совета безопасности о плане работы комиссии по обычным вооружениям заявил:

Я думаю, что все мы согласимся с тем, что созданная Советом безопасности комиссия по обычным вооружениям ещё не сделала заметного прогресса в своей работе. Я, однако, не собираюсь сегодня говорить о причинах медлительности в работе комиссии, хотя тема эта заслуживает внимания. Я хочу остановиться вкратце на вопросе, стоящем в повестке дня Совета безопасности, т. е. говорить о плане работы комиссии.

В комиссии этот вопрос уже подвергся обсуждению. Подверглись обсуждению два предварительных плана: 1) план Соединённых Штатов и 2) план Советского Союза. Оба они явились предметом оживлённой дискуссии, в ходе которой советский представитель в комиссии изложил точку зрения советской делегации по обоим планам.

Тем не менее, учитывая важность вопроса о плане работы комиссии и учитывая, что любой рекомендованный комиссией план подлежит утверждению Советом безопасности, я считаю необходимым остановиться вкратце на этом вопросе и в Совете безопасности.

Прежде всего о советском плане, который я вношу также на рассмотрение в Совет безопасности.

Советский план предусматривает рассмотрение основных проблем, вытекающих из решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, и подготовку соответствующих рекомендаций по этим проблемам. Прежде всего необходимо указать, что в этом плане содержится должная увязка вопроса о всеобщем сокращении вооружений и вооружённых сил с задачей запрещения атомного и других видов оружия массового уничтожения. Собственно увязка этих двух задач представляет собой основное отличие советских предложений от американского плана, в котором вообще отсутствует какая бы то ни была увязка вопроса о всеобщем сокращении вооружений с вопросом о запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения.

Советский план базируется на принципах, установленных Генеральной ассамблеей в вышеупомянутом решении, в котором задача запрещения атомного оружия не только не противопоставляется общей задаче по сокращению вооружений, но, напротив, рассматривается в качестве составной части этой общей задачи. Советский план исходит таким образом из того, что успешное решение этих задач возможно только при условии проведения согласованных мероприятий как по всеобщему сокращению вооружений, так и по запрещению атомного и других видов оружия, пригодного для массового уничтожения. Отсутствие такой согласованности в проведении Советом безопасности поставленных перед ним в этой области задач может нанести непоправимый ущерб всему делу выполнения этого важного решения Объединённых наций. Более того, противопоставление задачи по запрещению атомного оружия общей задаче по сокращению вооружений ведёт к срыву решения Объединённых наций о всеобщем сокращении вооружений.

При рассмотрении плана работы комиссии мы не можем упустить из виду, что общая задача по сокращению вооружений неразрывно связана с задачей по запрещению оружия массового уничтожения. Как бы кое-кто ни пытался разделить эти две задачи, в действительности они неразделимы. Отсюда следует, что комиссия не может подготовить рекомендаций по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил вне связи с решением вопроса о запрещении основных видов оружия массового уничтожения.

Именно поэтому требование об увязке этих двух задач и является одним из основных, нашедших выражение в плане, представителем советским представителем.

В советском плане поставлен ряд важных конкретных проблем, неизбежно возникающих при рассмотрении вопроса о практических мероприятиях по проведению в жизнь решения Генеральной ассамблеи. В нём предусматриваются установление общих принципов сокращения вооружений и вооружённых сил и определение минимальных потребностей для каждого государства по всем видам вооружений и вооружённых сил, с учётом запрещения атомного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Нужно ли доказывать, что вопрос об общих принципах является одним из основных вопросов, подлежащих рассмотрению комиссии?

Советский план предусматривает также установление общих

принципов, которые должны быть положены в основу сокращения военной продукции и определения мощности производства военной продукции для каждого государства. Эта задача также увязывается с решением вопроса о допущении производства и применения атомной энергии лишь в мирных целях. Кажется, является очевидным, что установление принципов, определяющих сокращение производства военной продукции, есть одна из важнейших задач, стоящих перед Советом безопасности в связи с проведением в жизнь решения по всеобщему сокращению вооружений.

Нельзя представить себе подготовки рекомендаций относительно общих принципов по сокращению вооружений и вооружённых сил без подготовки таких рекомендаций по вопросу о военной продукции и о пределах мощности производства военной продукции. В действительности, как известно, вооружение и военное производство тесно связаны. Вооружение является продуктом военного производства. Военное производство является основой вооружения армии, флотов и авиации.

Не скрою своего удивления по поводу того факта, что предложение о том, чтобы вопрос о военной продукции нашёл отражение в плане работы комиссии, встречает сопротивление. Проблема производства военной продукции почему-то считается деталью. С такой концепцией ни в коем случае нельзя согласиться. Вопрос о производстве военной продукции — это не деталь, а одна из важнейших проблем, возникающая сразу же при обсуждении и подготовке предложений по осуществлению решения о всеобщем сокращении вооружений. Нелишне напомнить о том, что история даёт нам поучительные примеры того, к чему ведёт иногда игнорирование значительные проблемы о военном производстве. Примером может явиться гитлеровская Германия, располагавшая большими потенциальными производственными возможностями в части производства вооружений даже задолго до того, как она порвала и выбросила в мусорный ящик международные документы, в которые, как в фетиш, верили многие политические деятели мира. Германия смогла быстро вооружить и создать громадные армии потому, что вопрос о её военных производственных возможностях не привлекал достаточного внимания тех, кто нёс ответственность за судьбу мира. Этот факт подтверждает, что успешное решение задачи по всеобщему сокращению вооружений требует определения общих принципов не только в отношении вооружений и вооружённых сил, но и в отношении производства военной продукции.

Или взять, например, содержащийся в советском плане пункт, предусматривающий подготовку предложений по вопросу о размещении вооружённых сил и сокращении сети военных, военно-морских и военно-воздушных баз. Разве можно представить себе такое положение, когда предложения по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил подготавливались бы вне всякой связи с решением вопроса о размещении вооружённых сил и сокращением сети упомянутых выше баз. Ясно, что такое положение трудно себе представить. Подготовка рекомендаций по всеобщему сокращению вооружений и вооружённых сил требует одновремен-

ного рассмотрения вопроса о военных базах и о размещении вооружённых сил.

Комиссия и Совет безопасности не могут заниматься только общими дефинициями, не имеющими конкретного содержания. При подготовке предложений они должны иметь дело с цифрами, с временем, с пространством. Вопрос о размещении вооружённых сил и о сокращении сети военных баз требует своего рассмотрения и решения. Он должен быть рассмотрен при подготовке комиссией предложений для Совета безопасности. Раз так, то, следовательно, он должен найти отражение и в плане работы комиссии.

Советский план предусматривает подготовку предложений относительно мероприятий по недопущению использования невоенной промышленности и невоенных средств транспорта для военных целей сверх пределов, вытекающих из установленных лимитов. Едва ли нужно доказывать, что эта проблема заслуживает самого серьёзного внимания и подлежит тщательному обсуждению в комиссии по обычным вооружениям.

Советский план предусматривает подготовку предложений по установлению системы контроля за выполнением мероприятий по всеобщему сокращению и регулированию вооружений и вооружённых сил, а также военной промышленности и военного производства, и предусматривает необходимую координацию этой системы контроля с системой контроля над применением атомной энергии. Проблема контроля может и должна быть рассмотрена наряду с рассмотрением других важных вопросов и в связи с их рассмотрением.

Я не буду перечислять других важных пунктов, содержащихся в советском плане, так как я имел уже возможность высказать точку зрения советской делегации по всем пунктам ранее в комиссии. В заключение хочу сказать, что упреки, направленные по адресу советской делегации в том, будто бы советский план является слишком детальным, — несправедливы и не соответствуют действительности. Советский план не содержит деталей. Он содержит перечень общих, но конкретных проблем, неизбежно возникающих перед комиссией в связи с подготовкой ею предложений о практических мероприятиях по проведению в жизнь решения по всеобщему сокращению вооружений.

Несколько слов об американском плане. То, что нам было предложено делегацией Соединённых Штатов и одобрено большинством комиссии, не есть план работы комиссии. Это есть документ, не содержащий каких бы то ни было проблем, возникающих перед комиссией. Это даже не перечень разделов требуемого плана.

Пункт первый этого плана, предусматривающий подготовку рекомендаций относительно вооружений и вооружённых сил, подпадающих под юрисдикцию комиссии по обычным вооружениям, может увести комиссию далеко от решения конкретных задач и придать нашим дискуссиям, по крайней мере на данной стадии, схоластический и беспредметный характер.

Пункт 2 плана, указывающий на необходимость определения общих принципов в связи с регулированием вооружений и воору-

жённых сил, по существу также не ставит каких-либо конкретных задач, хотя бы в самой общей форме. В плане работы как раз и необходимо было бы сказать, в каком направлении должен решаться вопрос об определении этих общих принципов.

То же можно сказать о пункте 4 американского плана, указывающем на необходимость сформулировать практические предложения по регулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил. Нашей задачей в связи с рассмотрением плана как раз и является указать, по каким проблемам такие практические предложения должны быть подготовлены, и дать хотя бы самое общее направление и здесь для комиссии, облегчающее ей возможность подготовки таких предложений.

Пункт 6 американского плана вообще не имеет отношения к плану. Совершенно нет необходимости указывать в плане на то, что комиссия должна представить Совету безопасности доклад, так как это и без того является очевидным. Это не проблема для плана работы. Это путанный процедурный вопрос.

То же самое можно сказать о содержащемся в этом пункте указании на необходимость рассмотрения всех рекомендаций, предложенных различными делегациями по плану работы. Эта мысль является настолько очевидной, что непонятно, зачем нужно включать это положение в план. В самом деле, не выносим же мы по каждому вопросу решения о необходимости рассмотрения всех предложений, которые могут быть внесены по тому или иному вопросу.

Единственным вопросом, включённым в американский план, из вопросов, подлежащих рассмотрению комиссии, является пункт о гарантиях. Однако, поскольку он является единственным конкретным вопросом, поставленным в плане, то получается, что значение проблемы гарантий не только чрезмерно гипертрофируется, но и по существу отрывается от самих мероприятий по всеобщему сокращению вооружений. Соответственно, подготовка предложений по гарантиям отрывается от подготовки предложений относительно практических мероприятий по всеобщему сокращению вооружений. Повидимому, такое выпячивание вопроса о гарантиях в плане не случайно. Оно, надо полагать, является выражением определённой линии, которая, если бы мы ей следовали, ведёт к тому же результату, к которому ведёт и отрыв вопроса о всеобщем сокращении вооружений и вооружённых сил от вопроса о запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения.

Таковы мои замечания по советскому плану и по плану, представленному представителем Соединённых Штатов.

(ТАСС)

„Известия“ № 160 (9382)
от 10 июля 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПОЛОЖЕНИИ
В ИНДОНЕЗИИ

(1 августа)

На утреннем заседании Совета безопасности 1 августа при обсуждении вопроса о положении в Индонезии выступил с речью советский представитель в Совете безопасности А. А. Громыко. Приводим основные положения речи т. Громыко.

Вопрос о положении в Индонезии, как известно, уже рассматривался Советом безопасности в 1946 году по просьбе Украинской ССР во время сессии Совета в Лондоне, сказал т. Громыко. Уже в то время положение в Индонезии привлекало внимание мирового общественного мнения. Ситуация, существовавшая в Индонезии, уже тогда была тревожной и заслуживала внимания со стороны Совета безопасности. К сожалению, в то время было слишком много людей, не соглашавшихся с тем, что положение в Индонезии заслуживает серьезного внимания и принятия Советом безопасности решений, позволяющих исправить положение.

Совет безопасности тогда не смог принять каких-либо решений относительно исправления существовавшей в Индонезии ситуации. Последующие события, имевшие место на протяжении 1946 года и истекшего периода 1947 года, подтвердили правоту тех, кто утверждал, что положение в Индонезии представляет угрозу миру и поэтому заслуживает серьезного внимания.

Мы все знаем, что положение в Индонезии ухудшалось с каждым месяцем, с каждой неделей и с каждым днём. В результате ухудшения этого положения Совет безопасности возвратился вновь к рассмотрению этого вопроса уже в связи с обращениями правительств Индии и Австралии.

Итак, что же происходит сейчас в Индонезии?

В Индонезии происходят крупного масштаба военные действия, предпринятые Голландией против Индонезийской республики. Тот факт, что эти военные действия называются правительством Голландии «полицейскими мерами», да к тому же «ограниченными», не меняет положения. Всем известно, что в действительности в Индонезии происходят крупные по своим масштабам военные операции, в которых принимают участие авиация, морской флот, пехотные части. Сообщениями о положении в Индонезии, о военных действиях Голландии полна мировая пресса в том числе и американская.

Всем известно, что голландские войска продвигаются в глубь территории Индонезии, захватывают важные экономические, стратегические, административные и другие объекты, расстреливают индонезийцев, стараясь быстрее закончить военные операции и одержать победу.

Таково положение, сложившееся в настоящее время в Индонезии. Спрашивается, как мы должны квалифицировать это положение? Если Совет безопасности будет действительно серьезно и объек-

тивно оценивать сложившуюся в Индонезии обстановку, то он не может не квалифицировать действия Голландии как нарушение мира. Как бы кое-кто ни пытался умалить значение этих событий, приводя фальшивые аргументы о том, будто бы правительство Голландии вынуждено было предпринять в отношении Индонезийской республики военные операции, нельзя скрыть того факта, что мы имеем дело с нарушением мира и что Голландия, ставшая на этот путь, несёт тяжёлую ответственность. Устав Объединённых наций обязывает в таких случаях Совет безопасности, несущий главную ответственность за поддержание международного мира, принимать решения, обеспечивающие восстановление мира, пресечение агрессии. Такова задача, стоящая, по мнению советской делегации, перед Советом безопасности в связи с вопросом, поставленным правительствами Австралии и Индии. Если бы Совет безопасности почему-либо уклонился от вынесения решения, к которому обязывает его устав нашей организации, то тем самым он не выполнил бы своей обязанности в этом вопросе. Это не могло бы не сказаться отрицательно на его авторитете, а тем самым и на авторитете всей организации. Мы не должны допустить такого положения.

Правительство Голландии и делегаты некоторых других стран, представленных в Совете безопасности, пытаются доказывать нам, что Индонезийская республика не является суверенным и независимым государством и что происходящие в Индонезии события не должны будто бы привлекать внимание Совета безопасности. С таким утверждением нельзя согласиться: верно, что индонезийский народ с трудом пробивает себе дорогу к независимости, преодолевая многочисленные препятствия. Но он уже имеет большие успехи в достижении этой цели.

Известно, что сама Голландия признала де-факто правительство Индонезии. Посмотрим, что нам говорит соглашение, на которое здесь ссылался представитель Голландии. Это соглашение, заключённое 25 марта 1947 года между Голландией и Индонезийской республикой, говорит, что голландское правительство признало в соответствии со статьёй 1 этого соглашения, что правительство Индонезийской республики является фактической властью и фактическим правительством в Индонезии. Признав это, правительство Голландии, таким образом, взяло на себя определённые обязательства — уважать правительство Индонезии. В самом деле, статья первая этого соглашения гласит:

«Правительство Нидерландов признаёт правительство Индонезийской республики, как осуществляющее де-факто власть над Явой, Мадурой и Суматрой. Районы, оккупированные союзными или нидерландскими войсками, будут постепенно путём взаимного сотрудничества включены в территорию республики».

Известно, что после заключения этого соглашения между Голландией и Индонезийской республикой последняя была признана рядом других стран как независимое государство.

Тов. Громыко далее вскрывает несостоятельность доводов голландского делегата ван Клеффенса, пытавшегося оправдывать военные действия против Индонезийской республики утверждениями о

невыполнении индонезийским правительством тех обязательств, которые оно приняло на себя по соглашению с Голландией.

Мы заслушали здесь,— продолжал Громыко,— представителей Индии и Австралии, т. е. стран, которые географически и территориально ближе к Индонезии, чем другие страны. Они правильно указывали на то, что события, которые происходят в Индонезии, имеют непосредственное отношение к поддержанию международного мира и безопасности и что они имеют не только локальное значение. Именно этим следует объяснить, почему правительства Индии и Австралии обратились в Совет безопасности с просьбой рассмотреть вопрос о положении в Индонезии.

На вчерашнем, а также на сегодняшнем заседаниях Совета был затронут вопрос о посредничестве. Г-н ван Клеффенс сегодня заявил официально от имени своего правительства, что правительство Голландии принимает предложение Соединённых Штатов о посредничестве. Вопрос о посредничестве заслуживает внимания. Совет безопасности должен в нём разобраться. Прежде всего, что означает посредничество одной страны, скажем, Соединённых Штатов, как его представляют себе г-н ван Клеффенс и представитель Великобритании. Английский представитель заявил, что, по его мнению, Совет безопасности не должен принимать какого бы то ни было решения, а просто должен ожидать результатов посредничества. Если бы мы согласились с такой концепцией, то это означало бы, что Совет безопасности устранился бы от принятия конкретного решения по вопросу, по которому он должен принять такое решение, и сложил бы с себя ответственность за ту тревожную обстановку, которая создалась в Индонезии.

По мнению советской делегации, это неприемлемый путь решения такого важного и срочного вопроса. Этот путь означает прежде всего фактический обход организации Объединённых наций. Самоустранение Совета от принятия решения по этому вопросу представляло бы удар по нашей организации. Если эту организацию будут всё чаще обходить и игнорировать, то это может стать опасной привычкой, наносящей серьёзный ущерб её авторитету.

Принятие английского предложения означало бы также, что те позиции, которые Голландия захватила сейчас в Индонезии, поставили бы Голландию в преимущественное положение по сравнению с Индонезийской республикой при последующем урегулировании вопросов между этими странами.

Мы все знаем, что значат переговоры между двумя странами, когда одна страна оккупировала территорию другой страны. Мы знаем, что означают переговоры между двумя государствами, когда одно государство держит свои войска и свою администрацию на территории другого государства. Такие переговоры происходили бы в благоприятных условиях для одной страны и в неблагоприятных условиях для другой страны, созданных в данном случае в результате применения военной силы со стороны Голландии против индонезийского народа.

Мы должны рассмотреть вопрос о том, какое другое решение Совет безопасности может и должен принять для того, чтобы обес-

печить восстановление мира в этой части земного шара в интересах обоих замешанных в конфликте государств, как и в интересах Объединённых наций в целом.

В заключение я вношу от имени советской делегации следующее предложение: «Совет безопасности считает необходимым, чтобы войска обеих стран — Голландии и Индонезийской республики — немедленно были отведены на те позиции, которые они занимали до начала военных операций в Индонезии».

Принятие этого предложения улучшило бы австралийскую резолюцию, в которой предусматривается лишь прекращение военных действий. Оно придало бы решению Совета по этому важному и срочному вопросу ещё более оперативный и действенный характер и являлось бы практическим и эффективным шагом по восстановлению мира в этой части земного шара.

* * *

В своём выступлении на вечернем заседании Совета безопасности 1 августа А. А. Громыко снова подчеркнул, что события в Индонезии угрожают поддержанию международного мира и безопасности и что Совет безопасности должен быстро и эффективно реагировать на эти события. Напомнив далее, что ещё в январе 1946 года делегация Украинской ССР ставила вопрос о принятии срочных мер для восстановления мира в этой части земного шара, Громыко сказал:

Голландия, как известно, пошла не по пути урегулирования мирных путём нерешённых между нею и Индонезийской республикой вопросов, а, напротив, стала на путь военных действий, о чём, как известно, заранее были информированы правительства США и Англии. Голландское правительство обвиняет Индонезию в том, что она нарушила так называемое Лингаджатское соглашение, заключённое между Голландией и Индонезией 25 марта 1947 года. Но в действительности ознакомление с фактами показывает, что соглашение было нарушено не Индонезией, а Голландией. Последняя не обратилась к организации Объединённых наций и не использовала в какой-либо форме арбитраж, что предусмотрено упомянутым мною соглашением, для урегулирования нерешённых вопросов между Голландией и Индонезийской республикой.

Всё это приводит к выводу, что заключение Лингаджатского соглашения между Голландией и Индонезийской республикой было лишь тактическим манёвром со стороны голландского правительства, рассчитанным на то, чтобы выиграть время с целью подготовки военных действий против индонезийского народа. Такие военные действия сейчас являются фактом.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ДЕЛЕГАТА В СОЦИАЛЬНОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОВЕТЕ ООН ПО ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕССЫ

(3 августа)

Представитель СССР в Социальном и Экономическом совете т. Морозов, выступая на заседании комитета по специальным вопросам при обсуждении вопроса о свободе информации и прессы, заявил, что советская делегация согласна на созыв международной конференции для обсуждения вопросов, касающихся свободы печати и информации, с участием государств — членов организации Объединённых наций и других демократических государств, а также ряда международных общественных организаций.

Что касается обсуждаемого доклада и предложений подкомиссии Объединённых наций, созданной для изучения вопросов печати и информации, продолжал т. Морозов, то по поводу этих предложений советская делегация имеет ряд замечаний.

Прежде всего необходимо отметить, что в этих предложениях отсутствует определение задач печати и информации, чёткое определение которых имеет важное значение.

Общеизвестно, что ещё уцелели фашистские гнёзда, и в мире существуют влиятельные реакционные силы, сочувствующие разбитому фашизму. Эти силы препятствуют установлению прочного мира и систематически ведут пропаганду вражды между народами Объединённых наций и пропаганду новой войны. Для этой цели они широко применяют все средства информации — печать, радио, кино, которые в большинстве стран находятся в руках кучки монополистов, использующих эти средства информации, и в первую очередь печать, для навязывания народам своих реакционных, антидемократических идей. Печать отвечает своему высокому назначению только в том случае, если она борется за принципы демократии и за искоренение фашистской идеологии во всякой форме, если она служит делу обеспечения всеобщего мира и безопасности и развитию дружественных отношений между нациями на основе уважения их независимости, равноправия и принципа самоопределения народов.

Именно в этом духе было сформулировано предложение, сделанное в подкомиссии советским представителем. Это предложение, с которым большинство членов подкомиссии, к сожалению, не согласилось, заслуживает самого серьёзного внимания при определении задач печати и информации в деле борьбы за международный мир и безопасность народов.

Важно также правильно определить самый принцип свободы печати. Это означает, во-первых, что необходимо признать свободу печати правом всех граждан, за исключением лиц, выступающих с пропагандой фашизма в любой форме и с пропагандой агрессии. Жизнь показала, что фашисты всегда и всюду используют печать для борьбы за уничтожение демократии, для проповеди расовой ненависти, политики войны и нападения на чужие страны. Поэтому дело демократии несовместимо с предоставлением фашистам возможности

использовать печать и другие средства информации для их преступных политических целей. Во-вторых, необходимо признать, что одно провозглашение принципа свободы печати ещё не даёт народу этой свободы, если широкие слои народа и их организации не имеют в своём распоряжении таких материальных средств, без которых невозможно фактическое использование свободы печати.

Всем известно, что в условиях, когда издание жизнеспособной газеты требует вложения огромных средств, которыми громадное большинство населения не располагает, декларированная в конституциях свобода печати превращается по сути дела в привилегию немногих владельцев газет, издательств, телеграфных агентств. Например, в Соединённых Штатах и в Англии необходимо владеть десятками миллионов для того, чтобы иметь возможность создать крупную жизнеспособную газету. Понятно, что в таких странах свобода печати существует в действительности для немногих. Бесчисленные факты показывают также, что зависимость печати, кино, радио от частных владельцев, преследующих свои узко корыстные интересы, ставит честных журналистов и других работников информации в тяжёлое положение, подрывает журналистскую мораль и приводит к широкому распространению коррупции.

Такие явления требуют решительных мер противодействия.

Конечно, полной гарантией свободы печати для народа является передача средств информации в общественную собственность. Только таким путём можно обеспечить доступ широких народных масс к средствам информации и эффективный контроль над ними демократических, миролюбивых организаций. Такая гарантия осуществлена в настоящее время в полной мере в Советском Союзе. Тем не менее во всех демократических странах существуют возможности и для борьбы с использованием печати и других средств информации в антидемократических целях и для борьбы за честную, правдивую информацию.

Народы мира, как никогда, заинтересованы в широком распространении действительно добросовестной и объективной информации, которая может существенно содействовать взаимопониманию и сближению народов. Советская делегация согласна с тем, что одним из условий для достижения этой цели является предоставление корреспондентам газет, телеграфных агентств и радио таких прав, которые необходимы для успешного выполнения их работы как на территории собственной страны, так и других стран.

Конкретное определение прав и обязанностей иностранных корреспондентов телеграфных агентств, газет и радиокomпаний принадлежит, естественно, к суверенным правам каждого отдельного государства. Но было бы неправильно ставить вопрос только о правах и только о свободе органов информации и их корреспондентов. Правам должны отвечать обязанности. Свобода предполагает и ответственность. Без определения обязательств и ответственности свобода информации может превратиться и на практике нередко превращается в свободу дезинформации.

В Советском Союзе и в некоторых других странах печать несёт ответственность перед демократическими общественными организа-

циями. Но в тех странах, где господствует произвол частно-капиталистических владельцев, газетных предприятий, кинотрестов и радиокомпаний, настоятельно требуется установление законом строгой ответственности за распространение лживых и клеветнических сообщений о других народах и государствах. О необходимости введения такого демократического законодательства свидетельствуют систематически повторяющиеся случаи распространения, например, некоторыми американскими и английскими газетами и агентствами зловерных измышлений, нередко с явной целью ухудшить отношения между странами.

На основании вышеизложенного советская делегация вносит на рассмотрение Экономического и Социального совета Объединённых наций следующие предложения:

1. Предложить международной конференции следующую повестку дня: 1) Задачи печати и информации в борьбе за международный мир и безопасность. 2) Общие принципы свободы печати и информации. 3) Права и обязанности органов печати и информации. 4) Меры борьбы с распространением лживых и клеветнических сообщений.

2. Рекомендовать международной конференции при обсуждении отдельных вопросов повестки дня принять за основу следующие положения:

а) По вопросу — «Задачи печати и информации в борьбе за международный мир и безопасность»: 1) Организация борьбы за принципы демократии, за разоблачение остатков фашизма и искоренение фашистской идеологии во всякой форме. 2) Разоблачение поджигателей войны и организация эффективной борьбы против органов печати и информации, занимающихся подстрекательством к войне и агрессии. 3) Развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципов независимости, равноправия и самоопределения народов. 4) Содействие разрешению проблемы экономического, социального и гуманитарного характера, а также развитию уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии.

б) По вопросу — «Общие принципы свободы печати и информации»: 1) Признать свободу печати правом всех граждан, за исключением лиц, выступающих с пропагандой фашизма в любой форме. 2) Считать, что полная свобода печати и информации может быть обеспечена лишь при условии предоставления в распоряжение широких слоёв народа и его организаций материальных средств, необходимых для издания органов печати и для функционирования других средств информации. 3) Для стран, где органы печати находятся в прямой зависимости от частных владельцев и их коммерческих интересов, считать необходимым принятие действенных мер для ликвидации и предотвращения практики прямого или косвенного подкупа органов печати и информации в целях извращения истины.

в) По вопросу — «Права и обязанности органов печати и информации»: 1) Считать необходимым в интересах распространения добросовестной информации предоставление телеграфным агентствам, радиокомпаниям и газетам права широкого доступа к источникам ин-

формации и к средствам связи как на территории собственной страны, так и в других странах, в пределах, совместимых с интересами государственной безопасности. 2) Считать необходимым разработку таких мер, которые обеспечивали бы всё более широкое распространение действительно добросовестной и объективной информации.

г) По вопросу — «Меры борьбы с распространением лживых и клеветнических сообщений»: 1) В соответствии с положением, что свобода предполагает и ответственность, рекомендовать установить законом эффективные меры воздействия в отношении владельцев таких органов печати и информации, которые распространяют лживые и клеветнические сообщения о других народах и государствах. 2) Особенно строго следует относиться к таким ложным сообщениям, которые вводят в заблуждение общественность с целью ухудшить отношения между странами, провоцировать конфликты и подстрекать к войне. 3) Одобрить предложение подкомиссии о том, что участие в конференции по свободе информации не должно ограничиваться странами — членами Объединённых наций и что странам — не членам Объединённых наций, приглашаемым на конференцию, должно быть предоставлено полное право участия и право голоса.

В заключение советский делегат предложил в список стран — не членов Объединённых наций, приглашаемых на конференцию по свободе информации и прессы, кроме стран, приглашавшихся на мировую конференцию по здравоохранению, включить Монгольскую Народную Республику

(ТАСС)

„Известия“ № 182 (9404)
от 5 августа 1947 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДОНЕЗИИ (19 августа)

В Совете безопасности советский представитель А. А. Громыко выступил с речью по вопросу об Индонезии.

Совет безопасности, — сказал т. Громыко, — обсуждает сейчас, по существу, два предложения, с которыми обратилось правительство Индонезийской республики. 5 августа оно обратилось с просьбой, чтобы Совет безопасности образовал комиссию по наблюдению за выполнением решения Совета от 1 августа с. г. о прекращении военных действий в Индонезии. 7 августа оно обратилось с просьбой, чтобы Совет безопасности образовал арбитражную комиссию, которая, выполняя поручение Совета, помогла бы урегулировать спорные вопросы между Голландией и Индонезийской республикой.

Обращение правительства Индонезийской республики с обоими предложениями свидетельствует о том, что она полагается на организацию Объединённых наций. Она ожидает помощи от Совета безопасности, который не может не оказать такой помощи и не оградить

интересы индонезийского народа, ставшего жертвой неспровоцированного вооружённого нападения со стороны Голландии.

Действия правительства Индонезийской республики, как видим, отличаются от действий правительства Голландии, которое не только не обращается к организации Объединённых наций в связи с событиями в Индонезии, но которое, напротив, игнорирует эту организацию и Совет безопасности. Этот факт заслуживает внимания ввиду того, что он подчёркивает принципиальную разницу в поведении двух замешанных в конфликте сторон.

Совет безопасности должен внимательно отнестись к обеим просьбам правительства Индонезийской республики. Если бы он стал на путь затягивания рассмотрения вопроса об удовлетворении этих законных просьб индонезийцев или, что ещё хуже, если бы он отказал в удовлетворении этих просьб, то тем самым он не выполнил бы своих обязанностей в этом вопросе. Не только народ Индонезии, но и вообще все честные люди в мире, которые заклеили действия Голландии в Индонезии, не могли бы оправдать такого положения. Я указал на это потому, что, как мне кажется, Совет безопасности пока не откликнулся на просьбу правительства Индонезийской республики с той оперативностью и с тем сознанием своей ответственности, которые диктуются создавшейся в Индонезии обстановкой в результате войны Голландии против Индонезийской республики.

Все мы знаем, что, согласно поступающим из Индонезии сообщениям, не всё обстоит благополучно с выполнением решения Совета о прекращении военных действий. Согласно этим сообщениям, голландские войска в некоторых районах всё ещё продолжают военные операции, нарушая решения Совета безопасности. Эти операции называют незначительными операциями по очистке захваченных голландцами районов от индонезийских войск. Нетрудно понять, что представляют в самом деле эти операции, особенно, если мы учтём, что правительство Голландии вообще называет военные действия против индонезийского народа полицейскими мерами.

Правда, голландские власти и голландское командование в Индонезии сообщают о том, будто бы индонезийцы также нарушают решение о прекращении военных действий. Допустим даже, что имеют место факты нарушения этого решения и с индонезийской стороны. Допустим, что в некоторых местах индонезийский народ, будучи не в состоянии сдерживать свой законный гнев против оккупантов, продолжает ещё прибегать к оружию. Но этот факт не только не даёт оснований для Совета безопасности затягивать удовлетворение просьбы индонезийцев о посылке в Индонезию комиссии Совета безопасности по наблюдению за выполнением указанного выше решения, но скорее, наоборот, подчёркивает необходимость срочного создания такой комиссии.

Прошло уже две недели со времени получения обращения Индонезийской республики по этому вопросу, а решения Совет безопасности ещё не принял. Дальше затягивать решение вопроса о создании комиссии невозможно. Такую комиссию необходимо создать немедленно и дать ей поручение немедленно выехать на место и приступить к выполнению своих обязанностей.

Мы должны решить также без дальнейшей задержки вопрос о создании арбитражной комиссии с таким расчётом, чтобы и эта комиссия приступила к работе в самое ближайшее время.

Нельзя обойти тот факт, что в Совете безопасности имеет место не только задержка с рассмотрением этой просьбы правительства Индонезийской республики, но что со стороны представителей некоторых государств имеет место также определённая тенденция уклоняться от решения Советом безопасности вопроса об арбитраже и посредничестве.

В этой связи я считаю необходимым остановиться на предложении своих «добрых услуг» Соединёнными Штатами в деле арбитража и посредничества между Голландией и Индонезийской республикой.

Известно, что Соединённые Штаты предложили свои «добрые услуги», когда правительства Индии и Австралии обратились в Совет безопасности с требованием рассмотреть вопрос о конфликте в Индонезии. Уже тогда было ясно, что шаг, предпринятый правительством Соединённых Штатов, является по меньшей мере странным, ибо с тех пор, как этот вопрос был поставлен перед Советом безопасности, всякие решения по нему должны приниматься Советом и только Советом.

Тем более странным являются повторные предложения Соединёнными Штатами своих «добрых услуг» в деле арбитража и посредничества, когда Совет не только приступил к рассмотрению индонезийского вопроса, но по которому он принял уже 1 августа с. г. важное решение о немедленном прекращении военных действий в Индонезии.

Настойчивое предложение своих «добрых услуг» Соединёнными Штатами становится ещё более непонятным и странным после того, когда индонезийское правительство после получения предложения Соединённых Штатов обратилось в Совет безопасности с просьбой, чтобы дело арбитража и посредничества взял в свои руки Совет безопасности. Несмотря на эту просьбу правительства Индонезийской республики, чтобы Совет безопасности образовал свою комиссию для целей арбитража и посредничества, американское предложение всё ещё почему-то считается предложением, на которое якобы не последовало ответа, хотя все мы знаем, что указанные выше обращения индонезийцев к Совету безопасности представляют собой ответ на предложение Соединённых Штатов,— ответ ясный и недвусмысленный.

Мы имеем фактически дело не с предложением своих «добрых услуг» одной из великих держав, но с навязыванием этих услуг индонезийцам. Именно так только и можно расценить попытки Соединённых Штатов добиться, чтобы правительство Индонезийской республики во что бы то ни стало отказалось от мысли о создании комиссии Совета безопасности и согласилось с тем, чтобы дело арбитража взяла в руки одна страна, хотя для этого нет никаких оснований.

Попытки Соединённых Штатов навязать свои «добрые услуги» индонезийскому правительству и индонезийскому народу в деле арбитража, несмотря на желание индонезийцев, чтобы арбитражем занялась комиссия Совета безопасности, свидетельствуют не только о неуважении к индонезийцам, ищущим защиты своих кровных

интересов у организации Объединённых наций, но и к Совету безопасности.

Кроме того, не только индонезийцы, но и Совет безопасности не может не учитывать того обстоятельства, что Соединённые Штаты имеют солидные экономические интересы в Индонезии. О том, каковы эти интересы, мы можем найти соответствующие опубликованные данные в американской печати. Мы можем получить также ответ на этот вопрос из американских официальных публикаций.

Совет безопасности должен взять дело арбитража и посредничества в свои руки. Всякое иное решение этого вопроса не будет соответствовать ни интересам индонезийского народа, ни организации Объединённых наций. Он может это сделать, образовав свою собственную комиссию, составленную из государств, входящих в состав Совета безопасности. Совет не может уклониться от ответственности в связи с задачей арбитража независимо от того, каково желание Голландии, т. е. одной из замешанных в конфликте сторон, да и к тому же виновной стороны.

Совет безопасности не только не переступил своих прав и полномочий в связи с индонезийским вопросом, но, напротив, он ещё не использовал в достаточной мере эти права и полномочия. Даже принятие решения о создании комиссии по наблюдению за выполнением решения о прекращении военных действий и по арбитражу нельзя рассматривать в качестве достаточных мер по восстановлению нормального положения в Индонезии. Положение не может считаться нормальным до тех пор, пока голландские войска будут находиться на позициях, захваченных ими с начала военных действий, и пока не будут устранены вызванные этими действиями преграды, мешающие спокойному и независимому существованию и развитию индонезийского народа.

Советский Союз уже ставил вопрос о необходимости отвода войск обеих сторон на те позиции, которые они занимали до начала военных действий. К сожалению, Совет безопасности не согласился с этим предложением и поступил, конечно, неправильно. Показав свою неспособность принять решение об отводе войск, Совет тем самым дал повод для тех, кто вообще не признаёт его компетенции на рассмотрение индонезийского вопроса, перейти в известном смысле от обороны в наступление. Только этим можно объяснить заявление голландского правительства о том, что Голландия не признаёт компетенции Совета безопасности в этом вопросе и не намерена выполнять его решений. Без поддержки и сочувствия подобной позиции со стороны некоторых других государств голландское правительство не могло бы выступить с такого рода заявлениями. Пусть подумают над этим все те, кто часто любит говорить о поддержании авторитета Совета безопасности в связи с рассмотрением им других вопросов, но кто проявляет равнодушие к этому авторитету в связи с рассмотрением индонезийского вопроса.

В заключение я хочу выразить надежду, что Совет безопасности удовлетворит просьбу правительства Индонезийской республики о создании двух упомянутых выше комиссий.

„Известия“ № 196 (9418) от 21 августа 1947 г.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК В ЕГИПТЕ

(20 августа)

20 августа представитель СССР в Совете безопасности А. А. Громыко выступил с речью по вопросу о пребывании английских войск в Египте.

«Вопрос, поднятый правительством Египта,— сказал Громыко,— принадлежит к таким вопросам, которым Совет безопасности, как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира, не может не уделять серьёзного внимания. Мы имеем здесь дело со спором между двумя государствами — Египтом и Соединённым Королевством, продолжение которого может представить угрозу для поддержания международного мира. На это правильно указывает правительство Египта, приводя соответствующие факты и доводы. Такой вывод подтверждается также заявлениями, сделанными до сих пор в Совете безопасности обеими сторонами.

Мы имеем дело со спором, полностью подпадающим под определение главы 6 устава Объединённых наций, предусматривающей мирное урегулирование споров и ситуаций. Независимо от того, какую позицию может занять то или иное государство по существу поставленного Египтом вопроса, необходимо признать, что этот вопрос заслуживает серьёзного рассмотрения Советом безопасности, который не только может, но и должен принять по нему соответствующее решение. Я считаю необходимым указать на это потому, что представитель Соединённого Королевства пытался доказывать нам, что Совет безопасности якобы не может даже заниматься этим вопросом, с чем, конечно, невозможно согласиться.

Египетское правительство поставило перед Советом безопасности фактически два вопроса, которые хотя и тесно связаны между собой, но всё же имеют и самостоятельное значение: 1) о выводе английских войск с территории Египта и Судана и 2) о будущем Судана.

В заявлениях, сделанных египетским премьером г-ном Нокраш-пашой на заседаниях Совета безопасности 5 и 11 августа, было дано обоснование позиций Египта в связи с его обращением в Совет по обоим указанным выше вопросам. В этих заявлениях был изложен тщательный обзор исторических условий, при которых английские войска были введены на территорию Египта и Судана, а также обзор англо-египетских отношений, главным образом, за период с 1882 года, когда английские войска были введены на территорию Египта, до настоящего времени.

Все мы знаем, что условия в настоящее время коренным образом изменились. Представитель Египта был прав, когда он подчёркивал это. Рост национального самосознания народов Востока привёл к образованию ряда самостоятельных государств на Ближнем Востоке. Египет — одно из таких государств. Как и ряд других ближнево-

сточных стран, Египет стал независимым государством и является в настоящее время членом организации Объединённых наций. Он пытается освободиться от всего, что ограничивает его независимость и что несовместимо с его национальным суверенитетом. Как это следует из заявлений египетского правительства, этим объясняется постановка им вопроса о выводе иностранных войск с территории Египта.

Народ Египта считает, что дальнейшее пребывание иностранных войск на его территории несовместимо с его национальными интересами как суверенного государства и с принципами Объединённых наций, которые должны уважаться всеми государствами, являющимися членами этой организации. Советский Союз относится с пониманием и сочувствием к этим национальным устремлениям Египта и его народа к независимому существованию на основе суверенного равенства с другими государствами и народами.

Законность этих требований Египта невозможно оспаривать, если мы будем руководствоваться высокими принципами Объединённых наций. Не посчитаться с таким законным требованием — это значит действовать вопреки этим принципам, требующим уважения и ограждения независимости государств.

Значение такого вывода становится ещё более очевидным, если мы учтём, что в мире существуют ещё народы, борьба которых за независимость встречает серьёзные препятствия. Последние создаются прежде всего теми государствами, которые за своей спиной имеют длительную историю господства над такими народами и которые упорно держатся за позиции, завоёванные ими десятилетия и столетия тому назад. Обязанность организации Объединённых наций состоит в том, чтобы облегчить возможность для таких народов достижения независимости и обеспечения их существования на основе равноправия с другими народами и государствами.

Требование Египта нельзя рассматривать изолированно от этих задач, поставленных перед Объединёнными нациями. При рассмотрении этого вопроса, кроме того, необходимо также руководствоваться статьёй 103 устава Объединённых наций, в которой указано, что если обязательства членов этой организации по уставу окажутся в противоречии с обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, то преимущество остаётся за уставом. Есть все основания считать, что соглашение 1936 года, заключённое между Соединённым Королевством и Египтом, находится, по крайней мере в существенных частях, в противоречии с уставом, на что справедливо указывает египетское правительство. Это относится прежде всего к тем положениям этого соглашения, которые предусматривают пребывание на территории Египта и Судана английских войск.

То обстоятельство, что соглашение было заключено до создания организации Объединённых наций, а следовательно, и до выработки её устава, может быть, и объясняет наличие такого противоречия, но оно ни в коем случае не может быть его оправданием, особенно в той части, в которой это соглашение предусматривает пребывание на территории Египта и Судана иностранных войск. Более того, оно ещё больше подчёркивает необходимость исправления положения

и приведения его в соответствие с основными принципами Объединённых наций.

Требование Египта опирается также на резолюцию Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о принципах всеобщего регулирования и сокращения вооружений, в которой предусматривается немедленный вывод вооружённых сил, расположенных на территориях государств — членов организации — без их согласия, выраженного добровольно и публично в договорах и соглашениях, совместимых с уставом Объединённых наций.

Всё это даёт основание советской делегации сделать вывод о том, что требование Египта о немедленном выводе всех английских войск с территории Египта и Судана является обоснованным, почему она и поддерживает это требование».

В конце своего выступления Громыко, касаясь вопроса о будущем Судана, заявил, что советская делегация считает, что Совету безопасности трудно сейчас выносить по нему какое-либо решение. В этом вопросе не всё ясно. Без точного знания, чего добивается суданский народ, Совету трудно выносить какое бы то ни было решение по этому вопросу.

(ТАСС)

„Известия“ № 197 (9419)
от 22 августа 1947 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕБЫВАНИИ АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК В ЕГИПТЕ (28 августа)

Выступая на заседании Совета безопасности по поводу бразильской резолюции, А. А. Громыко заявил:

В своём заявлении от 20 августа с. г. я уже изложил позицию советского правительства по вопросу, поднятому Египтом. Поэтому я ограничусь сегодня тем, что выскажу мнение советской делегации о бразильской резолюции, согласно которой Египет и Соединённое Королевство должны продолжать непосредственные переговоры по вопросу о выводе английских войск с территории Египта и Судана и по вопросу о будущем Судана.

Бразильскую резолюцию советская делегация считает неудовлетворительной. Она страдает многими дефектами. Предложение о передаче того или иного вопроса на решение сторон можно было бы оправдать в том случае, если бы было очевидно, что стороны не использовали такого средства, как непосредственные переговоры, или в том случае, если бы было очевидно, что они использовали это средство недостаточно.

Этого условия в данном случае не существует. Премьер-министр Египта г-н Нокраши-паша, а также представитель Великобритании г-н Кадоган заявили, что непосредственные переговоры между

египетским правительством и правительством Соединённого Королевства продолжались на протяжении года и что эти переговоры не дали положительных результатов. Именно потому, что прямые переговоры между двумя сторонами не дали положительных результатов, правительство Египта обратилось в Совет безопасности с просьбой рассмотреть этот вопрос и принять соответствующее решение по существу этого вопроса.

Бразильская резолюция игнорирует тот очевидный факт, что прямые переговоры между Египтом и Соединённым Королевством не увенчались успехом и что положение, сложившееся в результате провала этих переговоров, таково, что его продолжение может представлять угрозу для международного мира. В этом состоит основной дефект этой резолюции. Представитель Египта совершенно справедливо указывает на этот дефект.

Вторым серьёзным дефектом бразильских предложений является то, что ими предусматривается продолжение переговоров между двумя сторонами в условиях, когда одна из них продолжает содержать свои войска на территории Египта и Судана. Такое положение нельзя считать нормальным. Ведение переговоров в таких условиях означает, что одна из сторон ставится в более благоприятное положение, и наоборот, другая сторона ставится в менее благоприятное положение.

Наконец, третьим основным дефектом бразильских предложений является то, что принятие их означало бы, что по существу Совет безопасности самоустранился от решения этого важного вопроса и умывает руки. Ограничиться призывом, направленным к Великобритании и Египту, чтобы они вновь продолжили переговоры, и не высказать своего мнения по существу поднятого Египтом вопроса — значит именно уклониться от выполнения Советом его прямых обязанностей в этом вопросе. Если к бразильским предложениям добавить ещё австралийское предложение о снятии египетского вопроса с повестки дня Совета, то картина получится полная и не оставляющая сомнений в том, куда нас тянут те, кто вносит и защищает все эти предложения.

Я отдаю себе отчёт в том, что для некоторых государств, особенно для некоторых великих держав, показалось затруднительным занять определённую позицию по существу рассматриваемого вопроса. Но мы должны прямо заявить, что ни одно государство, представленное в Совете безопасности, не может не высказать своего определённого отношения, учитывая серьёзный характер англо-египетского спора и потенциальную опасность, которой чревата обстановка, сложившаяся после провала англо-египетских переговоров. Если мы учтём всё это, то мы не можем не прийти к выводу, что всякие преходящие соображения должны быть отброшены в сторону и на первый план должны быть выдвинуты наши общие интересы поддержания международного мира и безопасности. А эти интересы требуют того, чтобы Совет принял решение, отвечающее серьёзности вопроса.

Уклонения Совета безопасности от вынесения решения по существу обращения египетского правительства не могут понять ни

народ Египта, ни многие другие народы, которые пытаются сбросить с себя последние оковы колониальной зависимости и занять равное положение среди других государств и народов. Они вправе задать вопрос, на чью же поддержку они должны рассчитывать в защите их национальных интересов, если организация Объединённых наций не протягивает им руку помощи.

Когда рассматривается вопрос о положении в Индонезии, сложившемся в результате военных действий Голландии против Индонезийской республики, Совет безопасности не находит в себе достаточно смелости, чтобы констатировать простой факт наличия войны и оградить интересы народа, ставшего жертвой вооружённого нападения. Когда рассматривается вопрос о выводе иностранных войск с территории Египта и Судана, Совет безопасности не находит достаточно смелости заявить, что просьба Египта о выводе иностранных войск является законной и основывается на высоких принципах организации Объединённых наций, ограждающих суверенитет и независимость государств.

Я провёл параллель между индонезийским и египетским вопросами потому, что, как мне кажется, имеется нечто общее между дискуссией в Совете безопасности по обоим этим вопросам. Нетрудно заметить, что при рассмотрении обоих вопросов ряд представителей Совета безопасности уклоняется от принятия мер, которые диктуются обстановкой, интересами поддержания международной безопасности и интересами развития дружественных отношений между государствами.

Конечно, все мы знаем, что это явление объясняется тем влиянием, которое оказывают государства, имеющие колониальные интересы, государства, которые, хотя и признают в теории право народов на самоуправление и независимость, но которые на практике создают препятствия к тому, чтобы теорию и принципы, записанные в уставе Объединённых наций, претворить в жизнь. Но это объяснение не может быть оправданием такого положения.

Я указал на это обстоятельство потому, что требование Египта, равно как и требование, с которым в своё время выступили Сирия и Ливан о выводе иностранных войск с их территорий, нельзя рассматривать изолированно от общих задач, поставленных перед собой Объединёнными нациями по подготовке зависимых территорий и народов к самоуправлению и будущей независимости и по защите суверенитета и независимости государств.

Я становился лишь на основных дефектах бразильской резолюции, стремясь подчеркнуть главным образом ту мысль, что, во-первых, эта резолюция не ограждает в достаточной степени законные интересы и требования Египта и, во-вторых, что её принятие означало бы, что Совет безопасности фактически самоустраняется, по крайней мере в данное время, от того, чтобы использовать свой вес и своё влияние для должного разрешения возникшего между Великобританией и Египтом спора, в интересах поддержания мира и безопасности вообще.

Сказанное заставляет меня сделать вывод о том, что бразильская резолюция не может в случае её принятия обеспечить должного

решения поднятого Египтом вопроса, ввиду чего советская делегация не может с ней согласиться.

(ТАСС)

„Известия“ № 204 (5426)
от 30 августа 1947 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
В КОМИССИИ ООН ПО ВОПРОСАМ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА ДОКЛАДА КОМИССИИ
СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ
(10 сентября)**

На заседании комиссии Объединённых наций по вопросам атомной энергии, посвящённом обсуждению проекта доклада комиссии Совету безопасности, с речью выступил советский представитель А. А. Громыко. Громыко напомнил, что в 1946 году комиссия представила Совету безопасности свой первый доклад, который включал ряд совершенно неприемлемых положений, либо повторяющих без всяких изменений предложения, внесённые в своё время в атомную комиссию американским представителем Барухом, либо базировавшихся на этих предложениях. Неудивительно поэтому, сказал Громыко, что первый доклад не мог явиться основой для достижения соглашения по этому важному вопросу. Объясняется это тем, что в его основу были положены совершенно порочные принципы, не соответствующие задаче обеспечения использования атомной энергии только в мирных целях и в некоторых важных отношениях находящиеся в противоречии с основными принципами Объединённых наций.

Далее Громыко указал, что во втором докладе комиссии, который обсуждается в настоящее время, были сохранены все худшие положения первого доклада, и, более того, в некоторых отношениях наиболее неприемлемые положения первого доклада получили во втором докладе дальнейшее развитие.

Основной дефект американских предложений, на которых основаны важнейшие положения второго доклада, состоит в том, что эти предложения не предусматривают решения главной и неотложной задачи, поставленной перед Объединёнными нациями в резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, — срочного решения вопроса о запрещении атомного оружия.

Международный контроль над атомной энергией, сказал Громыко, потерял бы свой смысл и превратился бы в фикцию, если бы он не сопровождался прежде всего запрещением такого оружия. В этом состоит основная задача в связи с недопущением использования атомной энергии в военных целях.

Громыко подверг критике позицию представителей США, в комиссии по вопросам атомной энергии.

Представители Соединённых Штатов, сказал он, заявляют нам, что своё согласие на запрещение атомного оружия они обуславливают принятием американских предложений, причём навязывание этих предложений сопровождается громкими заявлениями о желании

установить международный контроль над атомной энергией. Однако такие заявления расходятся с делами. Нельзя в одно и то же время серьёзно добиваться установления эффективного контроля, а на практике делать всё возможное для того, чтобы срывать установление такого контроля, задерживать и растягивать дискуссию в атомной комиссии путём постановки неактуальных и искусственно притянутых вопросов.

Я думаю, что пора сказать прямо авторам американских предложений, что их заявления находятся в противоречии с их действиями, что утверждения об их желании установить международный контроль над атомной энергией не соответствуют той политике, которую Соединённые Штаты проводят в атомной комиссии и в Совете безопасности по вопросам атомного контроля, если судить об этой политике по позиции их представителей в комиссии и в Совете.

Рассматривая американские предложения, советский представитель указал, что предложение о передаче в собственность международному контрольному органу предприятий по производству атомной энергии является несостоятельным как с точки зрения организации и техники международного контроля, так и с точки зрения политических задач, стоящих в связи с созданием этого контроля.

Это предложение, сказал Громыко, противоречит самой идее международного контроля над атомной энергией.

Вместе с тем идея предоставления международному контрольному органу права собственности является в корне порочной и в том отношении, что она противоречит принципу суверенитета государства. Принятие этой идеи означало бы предоставление государствами в распоряжение международного органа важной отрасли промышленности без всяких к тому оснований. В действительности это означало бы на практике предоставление такой отрасли промышленности в распоряжение тех, кто в состоянии будет повести за собой большинство в таком контрольном органе. Ясно, что подобное положение невозможно и недопустимо. Я не знаю, сознают ли авторы и сторонники этого предложения, что его защита лишь компрометирует всю идею международного контроля и вместе с тем разоблачает грубые и недвусмысленные расчёты его авторов, с которыми последние связывают установление международного контроля в этой важной области.

Громыко охарактеризовал как неосновательное и другое американское предложение относительно предоставления международному контрольному органу права на управление предприятиями и права на выдачу лицензий (разрешений) на постройку и эксплуатацию государствами заводов и установок по производству атомной энергии. Принятие этого предложения, как и принятие предложения по вопросу о собственности, противоречит самой идее международного контроля и подменяет последний идеей создания некоего стоящего над государствами международного треста.

Все эти предложения, продолжал Громыко, порочны в своей основе, так как они несовместимы с суверенитетом государств. Они являются грубым выражением попыток определённых кругов перенести знакомый им метод хозяйничанья у себя дома в сферу между-

народных отношений с целью прибрать к своим рукам важные экономические позиции в других странах, связать по рукам и ногам эти другие страны и соответственно укрепить свои позиции в области развития атомной промышленности, и не только атомной промышленности. Подобная система «контроля» оказала бы особенно пагубное влияние на малые и менее влиятельные страны, не способные должным образом защитить свои интересы.

Авторы этих предложений пытаются изображать дело таким образом, будто бы суверенитет и независимость государств в век атомной энергии потеряли своё значение и что с ними якобы можно уже и не считаться. Подобного рода заявления нам знакомы не только по опыту работы атомной комиссии, но и по опыту работы некоторых других органов Объединённых наций, а также некоторых важных международных конференций. Подобные взгляды являются, конечно, необоснованными. Но сказать так — это значит сказать не всё. Подобные взгляды на суверенитет и независимость являются опасными. Они являются опасными потому, что выражают упорное стремление отдельных сильных государств, а внутри этих государств — отдельных наиболее экспансионистски настроенных кругов, укрепить свои позиции политически и экономически за счёт других стран и народов. Ясно, что первыми жертвами подобных стремлений явились бы малые и беззащитные государства, а из них особенно такие, в которых после войны были установлены ненавистные народам этих стран режимы, поддерживаемые политическими силами, которые готовы жертвовать независимостью своего народа для того, чтобы сохранить такие режимы. Громкие заявления о том, будто бы понятие суверенитета является устарелым понятием, в действительности являются ширмой, которой прикрываются весьма грубые, часто меркантильные расчёты определённых государств, направленные на извлечение политических и экономических выгод в результате политического и экономического подчинения, а то и прямого закабаления других стран. Современная история даёт нам немало примеров на этот счёт, подтверждающих такой вывод.

Задачей Объединённых наций, сказал советский представитель, в том числе в связи с установлением международного контроля над атомной энергией, является ограждение суверенитета и независимости государств. Только на этой основе можно достигнуть надлежащего решения вопроса установления международного контроля над атомной энергией в интересах укрепления международной безопасности.

Советский представитель отметил, что регулирование атомного производства, в том числе соответствующее распределение между странами атомного сырья, необходимостью которого американские представители оправдывали свои неосновательные предложения, могло бы быть решено более простым путём, а именно установлением соответствующей системы квот. Квотирование атомного производства и распределение атомного сырья могли бы обеспечить должное место за каждой страной в интересах как такой страны, так и организации Объединённых наций в целом. Такая система квот могла бы быть установлена путём заключения специальной конвен-

ции, предложение о которой было сделано советским представителем в атомной комиссии.

Таким образом, резюмировал Громыко, предложения большинства, содержащиеся в обсуждаемом нами докладе, не только игнорируют важнейшую задачу, поставленную Объединёнными нациями в связи с установлением международного контроля над атомной энергией, — запрещение атомного оружия, но содержат также ряд неприемлемых положений, противоречащих как решению Генеральной ассамблеи о запрещении атомного оружия, так и основным принципам Объединённых наций.

Затем Громыко перешёл к предложениям представителей Советского Союза в комиссии по вопросам атомной энергии.

Советские представители, сказал он, приложили немало усилий для того, чтобы исправить положение, чтобы разговоры о международном контроле поставить на практическую почву, чтобы найти базу для соглашения по этому важному вопросу. С этой целью советская делегация в атомной комиссии внесла, кроме предложения о запрещении атомного оружия, и ряд других предложений как в связи с обсуждением первого доклада атомной комиссии после возвращения этого доклада Советом безопасности для дополнительного рассмотрения, так и в связи с подготовкой второго доклада. В этой связи я хочу обратить внимание членов комиссии лишь на некоторые другие главные советские предложения.

В числе советских поправок, внесённых к первому докладу атомной комиссии, значится поправка, предусматривающая установление одновременного контроля и инспекции на всех предприятиях, начиная с рудников и кончая предприятиями по производству конечных атомных материалов, сразу же после заключения соответствующей конвенции, и создание международного контрольного органа. Это предложение было внесено с той целью, чтобы устранить один из основных недостатков первого доклада, заключающийся в том, что в нём совершенно оказался обойдён вопрос о времени установления международного контроля над атомной энергией и о координации установления такого контроля над разного типа предприятиями, занятыми производством атомной энергии и атомных материалов. Устранение такого пробела из первого доклада могло бы его несколько улучшить. Разумеется, даже принятие советского предложения не могло бы устранить других серьёзных недостатков, которыми страдает этот доклад. Но во всяком случае его принятие перевело бы нашу дискуссию об установлении международного контроля на более практическую почву.

Казалось бы, что советское предложение не должно было встретить возражений, так как задачей международного контроля как раз и является одновременное проведение мероприятий по контролю и инспекции над всеми предприятиями, занятыми производством атомных материалов и атомной энергии, и притом сразу же после заключения соответствующей конвенции. Трудно представить себе такое положение, когда контроль был бы установлен над одними предприятиями, занятыми производством атомных материалов, например сырьём, и не был бы установлен над другими предприятиями, напри-

мер над установками, производящими ядерное горючее. В равной степени трудно представить себе такое положение, когда конвенция по контролю могла бы быть подписана и ратифицирована, и в то же время международный контроль и инспекция над предприятиями не проводились бы, причём даже после создания международного контрольного органа, который как раз и должен быть образован с целью проведения практических мер по контролю и инспекции во исполнение соответствующей конвенции.

Казалось бы, что советское предложение должно было быть принято сразу же, так как оно отвечает нашим общим интересам, выраженным в соответствующих решениях Объединённых наций. Однако представители Соединённых Штатов и те, кто поддерживает американские предложения, не согласились с этим советским предложением. Сначала они ссылались на то, будто бы это предложение является для них неясным, хотя никто нам не пытался даже объяснить, в чём состоит эта неясность. По мере, однако, развития дискуссии по этому предложению американские представители прямо заявили, что они не могут принять этого предложения ввиду того, что оно касается конкретных вопросов, связанных со временем и порядком установления международного контроля и инспекции над предприятиями по производству атомных материалов и атомной энергии. При этом нам указали на то, что вопрос о стадиях требует специального рассмотрения. Подобные ссылки на стадии стали уже обычным явлением в атомной комиссии. Когда американские представители хотят потопить какой-либо конкретный вопрос, они указывают на стадии, как будто стадии являются неким бессодержательным понятием, не имеющим отношения ко времени и порядку установления контроля и инспекции.

Ввиду оппозиции к этому советскому предложению, главным образом со стороны представителей Соединённых Штатов, это предложение не нашло пока одобрения большинства. В результате ни один из основных недостатков первого доклада атомной комиссии не был устранён. Положение не было исправлено и в связи с подготовкой второго доклада комиссии. Вопрос о времени и порядке установления международного контроля и инспекции также оказался обойдённым в предложениях большинства во втором докладе. Поэтому и второй доклад атомной комиссии не содержит никаких согласованных конкретных рекомендаций Совету безопасности по важнейшему вопросу — о практическом проведении контроля и инспекции сразу же после подписания соответствующей конвенции и создания международного контрольного органа. Вместо рекомендаций, облегчающих решение задач по установлению контроля, нам предлагаются лишённые всякого реального содержания абстрактные схемы, уводящие нас в сторону от решения практических задач по контролю и компрометирующие самую идею по учреждению международного контроля над атомной энергией.

Такое положение, разумеется, не может не сеять сомнения в действительных намерениях тех, кто хотя и говорит о желании и даже о необходимости установления международного контроля над атомной энергией, но кто на практике делает всё возможное для того,

чтобы выхолостить конкретное содержание из всяких предложений о контроле, уводит нас в сторону от тех вопросов, которые действительно требуют своего решения, и отвлекает внимание на вопросы, не имеющие никакого отношения к атомному контролю.

Сказанное мною подтверждается, в частности, результатами состоявшегося обсуждения советских предложений 11 июня с. г. Известно, что эти предложения посвящены важнейшим вопросам контроля — вопросам инспекции и научно-исследовательской деятельности и, соответственно, задачам и функциям международной контрольной комиссии в этих областях. В этих предложениях дана развёрнутая программа по контролю и инспекции, способная, в случае её принятия, обеспечить строгое выполнение государствами конвенции по запрещению атомного оружия и использованию атомной энергии только в мирных целях.

Советские предложения, внесённые в развитие и дополнение предложения Советского правительства о запрещении атомного оружия, предусматривают проведение строгой международной инспекции над предприятиями по производству атомных материалов и атомной энергии. Они предусматривают проведение штатом международных инспекторов, находящихся в распоряжении международной контрольной комиссии, обследования предприятий с целью не допустить нарушения государствами конвенции по запрещению атомного оружия. Такое обследование включает также специальное обследование, которое комиссия может проводить в случае наличия подозрений в отношении того или иного государства.

Эти предложения предусматривают наряду с инспекцией и исследованием также проведение широкого учёта данных об атомном производстве в международном масштабе, разработку и предписание комиссией правил технического контроля для предприятий, истребование от правительств сведений, относящихся к деятельности предприятий атомной энергии, дачу рекомендаций правительствам и подготовку рекомендаций Совету безопасности, а также ряд других важных мер.

Казалось бы, что и эти советские предложения должны были приветствоваться, так как они составляют реальную базу для подготовки рекомендаций Совету безопасности по вопросам международного контроля и инспекции. Между тем, они не получили такой встречи. Те, кто до сих пор заявлял о необходимости установления строгой международной инспекции как наиболее радикального средства контроля, — инспекции, проводимой штатом квалифицированных международных инспекторов, — после внесения советских предложений изменили тон своих заявлений. Если раньше, особенно в 1946 году, всячески подчёркивалось значение инспекции для дела контроля, то теперь обычно указывают на то, что инспекция не имеет такого важного значения, что есть другие более важные, нежели инспекция, меры. Что это за другие меры и что они собой представляют, — я уже имел возможность показать.

Не случайно предложения большинства, содержащиеся во втором докладе, фактически обходят вопросы инспекции. В той мере, в какой они касаются этих вопросов, они содержат неприемлемые

положения, так как игнорируют суверенные права государств. Авторы предложений здесь проявляют заботу не об эффективности инспекции, а о том, как бы её приспособить и подогнать к баруховскому плану создания мирового атомного треста, в котором хозяином были бы Соединённые Штаты.

Следует ли поэтому удивляться, что представители Соединённых Штатов в атомной комиссии отказались принять советские предложения, содержащие развёрнутую программу по инспекции? Попытки советской делегации заставить американских представителей перейти от абстрактных разговоров о международном контроле над атомной энергией к обсуждению практических мер этого контроля пока не увенчались успехом. Они продолжают попрежнему отклонять всякие предложения, составляющие практическую основу для контроля, и превращают наши дискуссии по этому важному вопросу в беспредметные. Понятно, что я констатирую это с большим сожалением.

Советская делегация не отказывается от обсуждения всяких предложений и дополнений, внесённых в порядке развития и детализации этих предложений, как и всяких иных предложений по всем вопросам, которые в действительности возникают в связи с решением этой важной задачи.

Однако не случайно противники советских предложений предпочли избрать иной путь — огульных возражений против советских предложений под тем предлогом, будто бы они не обеспечивают установления эффективного контроля. Причём критикуются советские предложения, главным образом, с позиции порочного в своей основе так называемого плана Баруха, на некоторых важнейших положениях которого я уже останавливался выше. Но, как известно, внесением этих предложений Советское правительство не имело в виду пойти навстречу авторам этого неприемлемого плана. Оно преследовало цель найти базу для соглашения путём обсуждения и принятия таких рекомендаций, которые действительно диктуются стоящей перед Объединёнными нациями задачей учреждения строгого международного контроля над атомной энергией и которые соответствуют нашим общим интересам.

Я не могу не обратить внимание членов комиссии на одну характерную особенность состоявшейся дискуссии по советским предложениям, хотя эту дискуссию ещё нельзя считать окончательной. Выяснилось, что представители Соединённых Штатов отказываются принимать всякие положения, содержащиеся в советских предложениях, которые могли бы служить основой для соглашения, хотя бы даже по отдельным вопросам. Когда по тем или иным частным вопросам намечалось сближение точек зрения, американские представители, как правило, шарахались в сторону, пытаясь доказывать, что соглашение всё равно невозможно и что такие предложения бесполезно и обсуждать.

Мы уже являлись свидетелями того, когда американские представители заявляли о безнадёжности попыток искать соглашения. Разумеется, мне, как представителю Советского Союза в атомной комиссии, пришлось указать нашим американским коллегам на то, что, делая такие заявления, они берут на себя ответственность как за эти

заявления, так и за те действия, которые они проводят в осуществление подобных заявлений. С такими настроениями, с которыми американские представители принимают участие в работе атомной комиссии, трудно обсуждать важные вопросы контроля, тем более, что это не просто настроения, но и выражение определённой расчётанной линии, которая ни к чему хорошему привести, конечно, не может.

Я далёк от мысли, чтобы питать чрезмерный оптимизм по поводу положения, сложившегося в атомной комиссии. Комиссия ещё не сделала сколько-нибудь заметного прогресса в своей работе. Более того, в некоторых отношениях она движется вспять, так как углубляет, а не сглаживает имеющиеся разногласия по этому важному вопросу, прежде всего между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Но я не могу всё же согласиться с теми, кто приступает к обсуждению всяких новых предложений, вносимых советской делегацией, с предвзятым мнением, утверждая, будто бы всё равно из этого обсуждения ничего не получится.

Мы не должны переходить от неоправданного оптимизма к крайнему пессимизму, а должны хладнокровно искать основы для соглашения, руководствуясь не интересами одной страны, а общими интересами Объединённых наций. В конечном счёте, интересы любой страны, как бы она сильна и влиятельна ни была, если они правильно и широко поняты, не могут не совпадать с общими интересами Объединённых наций в деле поддержания международного мира. А международный контроль над атомной энергией — это одно из важных звеньев в системе мер, подлежащих проведению Объединёнными нациями с целью укрепления международной безопасности.

Поведение представителей Соединённых Штатов в атомной комиссии, быть может, и можно понять, учитывая, что далеко не все руководствуются этими общими интересами, но его ни в коем случае нельзя оправдать. Мы не можем согласиться с таким положением, когда одна страна будет диктовать свою волю в области развития атомной промышленности другим странам. А именно к этому ведёт нас линия, проводимая представителями Соединённых Штатов в атомной комиссии. Они хотят, чтобы другие страны, в том числе Советский Союз, приняли американские предложения, которые направлены на то, чтобы закрепить монопольное положение за Соединёнными Штатами в области производства атомной энергии, и которые игнорируют интересы других государств.

Они пытаются навязать такой план, который ставит в преимущественное положение одну страну и соответственно в невыгодное положение другие страны в области производства атомной энергии. Не случайно поэтому они отказываются принимать и даже обсуждать любые предложения, направленные на практическое установление контроля и инспекции над атомными предприятиями, оставляя фактически в своих руках решение вопроса о том, когда и в какой форме такой контроль и такая инспекция должны осуществляться.

Ясно, что на этой основе соглашение невозможно. Навязывание подобного плана лишь разоблачает явные намерения его творцов и компрометирует, как я уже указал, самую идею международного

контроля над атомной энергией. Казалось бы, что уже пора всем это осознать и исправить положение, если мы хотим не на словах, а на деле провести в жизнь решение Объединённых наций о недопустимости использования атомной энергии в военных целях и обеспечить её использование только для мирных целей и только для блага человечества.

Советское правительство стояло и стоит за строгий и эффективный международный контроль над атомной энергией. Вы все знаете соответствующее заявление по этому вопросу Генералиссимуса Сталина. Но такой контроль возможно установить только тогда, когда все мы будем руководствоваться общими интересами Объединённых наций и когда ни одна из держав, как бы сильна и влиятельна она ни была, не будет пытаться подчинить интересы других стран своим собственным расчётам.

Сказанное мной обязывает меня сделать вывод о том, что содержащиеся во втором докладе предложения большинства являются совершенно неприемлемыми и должны быть отклонены.

(ТАСС)

„Известия“ № 217 (9439)
от 14 сентября 1947 г.